

67.2(0)

Е 302

А. Б. Егоров

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

ЦАРСКИЙ ПЕРИОД
И ЭПОХА РЕСПУБЛИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

67.2(0)

Кафедра истории Древней Греции и Рима
Центр антиковедения

Е 302

А. Б. Егоров

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Царский период и эпоха Республики

Учебное пособие

817619

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2006

Научная и литературная редакция канд. ист. наук *К. В. Вержбицкого*

Рецензенты: канд. ист. наук *М. В. Белкин* (СПбГУ), канд. ист. наук
Т. В. Кудрявцева (РГПУ им. А. И. Герцена), д-р ист. наук
Н. С. Широкова (СПбГУ)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Егоров А. Б.

Е30 Римское государство и право. Царский период и эпоха Республики: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 173 с.
ISBN 5-288-04104-0

Учебное пособие доктора исторических наук Алексея Борисовича Егорова посвящено проблемам римского публичного права и римского государства, главным образом в царский и республиканский периоды. В нем рассматриваются такие проблемные и остродискуссионные вопросы, как происхождение римской родовой организации и римских сословий (патрициев и плебеев), соотношение власти высших магистратов Римской республики, консулов, и империи царей, развитие республиканских государственно-политических институтов — сената, комиций и системы магистратур, формирование римской судебной системы и т. д.

Пособие предназначено для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, университетов и институтов, а также всех интересующихся историей Рима и римского права.

ББК 63.3(0)32

© А. Б. Егоров, 2006
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2006

ISBN 5-288-04104-0

От автора

Римское право, вне всякого сомнения, может считаться одной из главных составных частей того огромного культурного наследия, которое оставили будущим поколениям римляне. Правовые нормы и понятия, разработанные римскими юристами, легли в основу права средневековой Европы, основополагающих правовых систем XVIII–XIX вв., а в известной степени и современного права. Если практически все высочайшие достижения искусства, начиная от Ренессанса и заканчивая XX в., так или иначе восходят к образцам искусства греческой классики, то примерно то же самое можно сказать и о роли римского права в развитии государственно-правовой культуры этого периода. Такие основополагающие понятия любого права, как «физическое лицо», «правоспособность», «дееспособность», «собственность», «владение», «контракт», «обязательство», «консенсус» и многие другие были введены в обиход или детально разработаны именно римскими правоведами¹. Им же принадлежит и разработка гораздо более сложных понятий типа «принадлежность главной вещи», «смешение вещей», «безусловные и полезные издержки», «узуфрукт», «сервитут», «трудовая собственность» и др., сама терминология которых свидетельствует о высочайшем уровне тех, кто их изобрел². Именно римлянам принадлежит особая роль в четкой классификации видов судебного процесса, определении правоспособности тех или иных лиц, тщательной разработке видов собственности, владения и пользования, всевозможных вариантов контрактов и обязательств. Наконец, римское право легло в основу последующего семейного и наследственного права, равно

¹ См. *Беликов А. И.* Римское частное право. Ставрополь, 1995. С. 5–21.

² См.: Там же. С. 14–21.

как и отношений собственности, пользования и договорных контрактов.

Вместе с тем даже большинство специалистов, в той или иной мере связанных с изучением римского права, как правило, ассоциируют его прежде всего с частным правом. Изучение последнего оказалось гораздо более востребованным, и познакомиться с этой областью римской юриспруденции и правовой практики можно благодаря большому количеству достаточно качественных учебных пособий, многие из которых были переизданы или появились в сравнительно недавнее время³.

Сами римские юристы считали частное право только частью огромного правового комплекса, второй составной частью которого было *ius publicum*, государственное, публичное право. Последнему повезло гораздо меньше не только в отечественной⁴, но и в зарубежной историографии. В ней, вероятно, и по сей день, основополагающим трудом является грандиозное исследование Т. Моммзена «Римское государственное право» («*Römisches Staatsrecht*»)⁵, к которому примыкают другие сочинения знаменитого немецкого историка⁶ и труды представителей его школы⁷. Хотя современная западная историография представлена рядом весьма основательных общих трудов, как, например, труд итальянского историка права

³Перечислим лишь некоторые из них: *Иоффе О. С., Мусин В. А.* Основы римского гражданского права. М., 1974; *Косарев А. И.* Римское право. М., 1986; *Медведев С. В.* Основные черты римского частного права. М., 1978; *Новицкий И. Б.* Римское право. М., 1993; *Рябенцев В. М.* Сборник схем по римскому гражданскому праву. М., 1986; *Хутыз М. Х.* Римское частное право. М., 1994; *Черниловский З. М.* Лекции по римскому частному праву. М., 1991.

⁴В связи с этим хотелось бы особо отметить труды И. А. Покровского и В. М. Хвостова (*Покровский И. А.* История римского права. М., 1919; *Хвостов В. М.* История римского права. 7-е изд. М., 1919) и «Очерк римских государственных древностей» И. В. Нетушила (*Нетушил И. В.* Очерк римских государственных древностей. Вып. 1–3. Харьков, 1902), а также очерк о римском праве Е. М. Штаерман (*Штаерман Е. М.* Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 210–247).

⁵*Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. 5 Bd. Leipzig, 1887–1888.

⁶*Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899.

⁷*Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staats. Leipzig, 1884–1891; *Karlowa E.* Römische Rechtsgechichte. Berlin, 1885; *Mispulet Cl.* Les institutions politiques des Romains. Vol. 1–2. Paris, 1883; *Willems P.* Le droit public romaine. 7-ed. Louvaine, 1910 (перевод: *Виллемс П.* Римское государственное право. Вып. 1–2. М., 1888–1890.)

Ф. де Мартино⁸, и множеством частных исследований⁹, даже в ней далеко не все вопросы можно считать достаточно изученными. Что касается отечественной историографии, то можно вполне определенно говорить о лакуне, закрытой лишь некоторыми конкретными исследованиями¹⁰, многие из которых становятся библиографической редкостью.

Между тем составить полное представление о римском праве без рассмотрения так называемого публичного права представляется невыполнимой задачей. В условиях необычайно сильного государственного сознания римлян, наверное, одной из самых «государственных» наций в человеческой истории, государство становилось главным субъектом, создателем, источником и гарантом римского права, а отношения государства и граждан оказывались не менее важны, чем отношения между гражданами. Государственное начало в жизни римлян было столь велико, что многие исследователи говорят о так называемом «античном тоталитаризме», т. е. всеобщем и полном подчинении человека государственному началу¹¹, а другие отмечают, что положение человека в общественной иерархии было гораздо более значимо, чем в системе современных общественных отношений¹². Если современные западные концепции общества исходят из приоритета прав человека над правами государства, то римляне исходили из прямо противоположных посылок о приоритете *res publica*, т. е. «общественного дела», как правило, синонимичного государственной системе. Человек в римском обществе был прежде всего не самодовлеющей и самоценной личностью, а сенатором, всадником, гражданином, рабом, вольноотпу-

⁸ Martino F. de. 1) *Storia della costituzione romana*. Vol. I–IV. Napoli, 1958–1960; 2) *Intorno all'origine della repubblica romana e della magistrature* // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. S. 218–247.

⁹ Достаточно подробные обзоры можно найти, например, у Ф. де Мартино и Р. Стэйвли или в библиографии ко 2-му изданию САН: Martino F. de. *Intorno all'origine...* S. 218, 247; *Staveley R.* *The Constitution of the Roman Republic 1940–1954* // *Historia*. 1956. Vol. 5. P. 89ff.; *The Cambridge Ancient History*. 2-ed. Vol. 9. Cambridge, 1996. P. 849–861.

¹⁰ Нетышил И. В. Очерк римских государственных древностей. Вып. 1–3; Санчурский Н. В. Краткий очерк римских древностей. II. М., 1916; Хвостов В. М. История римского права. 7-е изд.; Штаерман Е. М. Римское право. С. 210–248.

¹¹ Nicolet Cl. *L'ordre equestre a l'epoque republicaine (312–43 av. J. C.)*. Paris, 1966. P. 256.

¹² Lintott A. *Political History*, 146–95 B. C. // САН. 2nd ed. 1996. P. 41–45.

щенником и т. п., т. е. частью единого государственного механизма. Неудивительно, что римская семья и род, равно как и институты брака и усыновления, деловые отношения, рождение детей, материнство и отцовство оказывались объектом не только частного, но и государственного права.

Существуют и другие факторы взаимосвязи гражданского и государственного права. В условиях Рима гражданин всегда находился в привилегированном положении по сравнению с негражданином. Если современное общество исходит из принципа всеобщего равенства людей между собой и равенства их перед законом, то в Риме от положения человека в общественной иерархии зависели и его семейное положение, и отношения в рамках семьи и права на вещи, и владение имуществом и, наконец, уголовные санкции. Любое античное, в том числе римское, общество было обществом, где защищенному законом меньшинству (гражданам) противостояла огромная, намного превосходящая его численно масса подвластного населения, зачастую находящаяся вне всякого правового поля. В Риме это были союзники и подданные, с одной стороны, и рабы и либерты — с другой. Правовое общество, будь то афинская демократия, спартанская «община равных» или римская система «равновесия властей», всегда было привилегией гражданского меньшинства. Хотя в современном мире можно найти множество черт сходства с античным обществом, современная правовая теория, по крайней мере, исходит из иных принципов.

Римское право нельзя понять и без понимания той власти, которая осуществляла его. Древние общества не знали четких граней между различными ветвями власти, а следовательно, у них не было принципа независимости суда от других властей, законодательной и исполнительной. Для древневосточного мира было характерно единство власти, когда одно и то же лицо или орган издавали законы, исполняли их на практике и следили за исполнением. Подлинной революцией стало создание афинской гелиэи, полноценного, независимого суда, решения которого были полностью самостоятельны и безапелляционны. Рим в известной мере сделал шаг назад, снова, хотя бы отчасти, соединив судебную власть с исполнительной, однако именно римляне разработали многие детали независимой судебной системы, которые впоследствии стали ее неотъемлемой частью.

Перечисленное выше — это лишь некоторые причины, позволя-

ющие говорить о единстве государственного и частного римского права. Эта тема будет развиваться уже в рамках основного текста пособия. Сейчас отметим еще одно обстоятельство. Недостатком многих собственно правоведческих работ, обычно написанных юристами, является отсутствие исторического подхода к римскому праву. Между тем в процессе своего развития Рим прошел длительную и глубочайшую эволюцию от маленького примитивного родового сообщества к огромной всемирной сверхдержаве. Менялось и право, и эти перемены коснулись практически всех его областей. Брачное и семейное право архаического Рима VIII–V вв. до н. э. существенно отличалось от того же права эпохи поздней Республики и стало уже совсем неузнаваемым в эпоху Империи, а сравнивая архаическое право собственности и владения с аналогичными областями частного права в эпоху Империи, можно подумать, что речь идет о совершенно разных вещах, хотя римское право отличало необычайное уважение к традиции, а древние Законы XII таблиц почитались даже в III–V вв. н. э. Тем не менее жизнь неумолимо двигалась вперед, преодолевая даже римский консерватизм.

Цель пособия — изложение основных принципов римского государственного права, а потому спорные, дискуссионные вопросы будут затронуты в значительно меньшей степени, нежели в научном исследовании. Этим же обстоятельством обусловлены и достаточно ограниченное использование зарубежной литературы, и акцент на общую и учебную литературу на русском языке. Вместе с тем полностью отказаться и от проблемного подхода, и от использования иностранной научной литературы представляется нецелесообразным. В основу пособия лег курс «Римского государства и права», который автор много лет читает на историческом факультете СПбГУ для студентов кафедры истории Древней Греции и Рима.

Пособие ограничено периодом царского и республиканского Рима. Эпоха Империи требует самостоятельного исследования, и мы надеемся осуществить его в будущем.

Введение в курс посвящено общим понятиям римского государственного права и источникам по его истории. Здесь же рассматриваются эволюция римского законодательства и сущность таких правовых актов, как закон народного собрания, сенатусконсульт, эдикт и декрет магистрата, императорская конституция. В этой части пособия изложена и краткая история римской кодификации

права и деятельности римских юристов со времен ранней Республики до эпохи Юстиниана.

Римское право зародилось в глубокой древности, в так называемый «царский период», которому и будет посвящен I раздел пособия. В теме 1 рассматривается римская родоплеменная организация: семья и род, курии, трибы и *civitas* и, наконец, весьма сложный и спорный вопрос о патрициях, плебеях и клиентах. В теме 2 анализируются три основных элемента римской государственной власти: народное собрание, царская власть и сенат. Царский Рим важен тем, что именно тогда, на заре истории, зародились основные принципы общественной жизни, а раннее общество было тем эмбрионом, из которого впоследствии и выросла сложная государственно-правовая система Республики и Империи.

В разделе II речь пойдет о государстве и праве республиканской эпохи. Основным содержанием темы 3 являются вопросы римского гражданства и составных частей *ius civitatis* — основы римской правовой системы. Вместе с тем в ходе завоеваний республиканской эпохи (V—I вв. до н. э.) Рим становится гегемоном Италии, а затем и хозяином всего Средиземноморья. В огромной римской державе появляется множество категорий населения, не относящегося к гражданскому коллективу (латины, перегрины, союзники), многие из которых находятся в рабском или полурабском состоянии. На 1 млн римских граждан приходилось 20–30 млн бесправных союзников, перегринов и рабов. Ассимиляция этой массы в единую политико-правовую систему и стала невыполнимой задачей для Республики, во многом приблизившей ее гибель. Эту задачу выполнила уже Империя Цезаря и Августа.

Три последующие темы, самые большие по объему, посвящены характеристике государственной власти Республики. Еще Полибий увидел в ней идеальный «смешанный строй», основанный на взаимодействии трех основных форм правления: демократии, аристократии и монархии. Первую олицетворяло народное собрание (тема 4), вторую — сенат (тема 6), а третью — магистраты (тема 5). Хотя ни один античный автор или серьезный исследователь Нового и Новейшего времени не считал Рим демократией, отрицать роль народа в римской политике невозможно. Народное собрание было высшим законодательным, избирательным, а отчасти и судебным органом Республики, а идея народного суверенитета не была в Риме пустым звуком. Сложная система собраний (центуриатные, куриат-

ные и трибутные комиции) на деле отражала непростой социально-политический компромисс между зажиточными и бедными частями населения, а также между формально преобладавшим консервативным и зажиточным сельским плебсом и составлявшим реальное большинство избирателей неимущим городским охлосом.

Римляне создали крайне разветвленную систему магистратур. Высшие магистраты с империем (консулы, преторы), будучи преемниками римских царей, в своей деятельности сочетали два разных принципа, являясь одновременно независимой выборной военной и гражданской властью Рима и исполнительной властью республиканского государства, подчиненной сенату и народу. В процессе исторического развития консулы превращаются из полномочных и всемогущих «временных царей» в спикеров сената. Особенностью римских магистратур было наличие сильной контрольной власти, независимой не только от исполнительной власти, но отчасти и от сената и народа. Римские цензоры определяли состав общины и ее высших сословий (сенаторов и всадников), обладая в этих вопросах безапелляционной властью, а народный трибунат стал контрольным органом демократии и механизмом защиты прав человека и прав народа. Сила трибуната была огромна: народный трибун мог наложить вето на любое решение сената и магистратов, помочь любому человеку, чьи права нарушались государственной властью. Интерес представляют и низшие магистраты Республики (преторы, эдилы, квесторы), тем более, что некоторые из них (особенно преторы) играли важную роль в римском правотворчестве.

И все же реальным правительством Рима был сенат, подчинившей своей воле и достаточно слабое и аморфное народное собрание, и разрозненные магистратуры, превращавшиеся в инструмент сенатской политики. Принципы комплектования, состав, парламентская процедура и, наконец, формальные и реальные властные функции сената — все это составляет сюжет темы 6. История сената показывает, что сам этот орган и его деятельность стали итогом грандиозного компромисса, объединившего различные политические элиты. Сенат представлял и древнейшую родовую аристократию, восходящую к царской и раннереспубликанской эпохе, и богатую элиту общества, могущественных олигархов, контролировавших политику Рима. Но мы видим здесь и служилую знать, выдвинувшуюся благодаря государственной службе, бывших лидеров плебса и, наконец, «новых людей», обязанных своим положени-

ем собственным дарованиям и энергии. Римские сенаторы сочетали в себе качества аристократии и олигархии, соединяя в единое целое знатность, богатство и клановые связи, и вместе с тем римский сенат иллюстрировал идею «общества равных возможностей», иногда становившуюся явью и привлекавшую на свою сторону всех тех, кого отличали личные заслуги, дарования, энергия и популярность в народе. Впрочем, было бы ошибочно считать сенат правительством «народного единства», временами в нем вспыхивали острейшие личные и политические противоречия.

Подробный анализ властных структур римского государства позволяет дать общее представление о жизни римского общества в целом. Вместе с тем некоторые области жизни римского общества нуждаются в специальном рассмотрении, которому посвящены две следующие темы, где мы рассмотрим военную (тема 7) и судебную (тема 8) организации Республики. В первом случае нас будет интересовать не богатая событиями военная история Рима и не менее интересная тактико-техническая сторона римского военного дела, а прежде всего принципы создания вооруженных сил римлян и их роль в системе государства и политической жизни общества, во втором — мы рассмотрим судебную ветвь римской власти и проблему независимых судов. Наконец, самая последняя (тема 9) посвящена роли государства и экономической жизни римской державы. Рынок или государственное регулирование, частный или государственный секторы, что и как определяло развитие Рима — вопрос, на который мы и попытались ответить.

В пособии нет специального раздела, посвященного организации религиозной жизни Рима, жречества и сакрального права, однако сведения об этой стороне государства и права содержатся в соответствующих темах, посвященных власти в царскую и республиканскую эпохи, особенно в темах 2 и 6.

Любое, даже самое индивидуальное авторское произведение, реально является плодом коллективного творчества. Пользуясь представившейся мне возможностью, я хотел бы выразить глубокую благодарность людям, без которых это сочинение никогда не было бы написано и не могло увидеть свет.

Изучение римского государственного права на нашей кафедре имеет давнюю традицию и, несомненно, ее крупнейшим представителем, а возможно, и основоположником, является профессор Н. Н. Залесский, один из крупнейших в отечественной науке спе-

циалистов в области истории раннего Рима и Италии¹³. Николай Николаевич был моим первым университетским наставником, под руководством которого я сделал свои первые шаги в изучении римской истории, мне также посчастливилось слушать его курсы по истории Рима и истории римского государства и права. Этот курс я получил от него «в наследство» в те, теперь уже далекие 70-е годы XX в., а само пособие можно считать, увы, весьма запоздалой данью памяти учителя. Другим человеком, оказавшим огромное воздействие на всю мою научную деятельность, был И. Ш. Шифман, ученик Н. Н. Залесского и специалист необычайно широкого профиля, античник и востоковед, также ныне покойный, во многом научивший меня поиску исторических параллелей и сопоставлению принципов существования различных цивилизаций. Многие ценные идеи и конкретные замечания Ильи Шолеймовича, бывшего моим неизменным оппонентом и рецензентом, оказали влияние и на мое понимание римской истории. Светлой памяти этих людей я и посвящаю свою работу.

Особенно приятно выразить свою признательность ныне здравствующим коллегам и прежде всего моему учителю и наставнику профессору Э. Д. Фролову. Кроме общего признания того, что именно благодаря ему я, вероятно, и состоялся как специалист в области античной истории, а большую часть того, что я знаю в этой области, я, наверное, узнал именно от него, хотел бы отметить и большое конкретное участие Э. Д. Фролова в данной работе. Именно ему принадлежит весьма конструктивная идея соединения материала государственного права римлян с некоторыми областями частного права, а также ряд ценных замечаний относительно структуры, общего содержания и отдельных разделов пособия. Наконец, выход этой работы без огромной практической помощи Эдуарда Давидовича был бы попросту невозможен.

Мой коллега К. В. Вержбицкий взял на себя большой и неблагодарный труд по научному редактированию всего текста пособия и внес ряд важных исправлений и дополнений, а также проделал огромную техническую работу. Большая помощь была оказана им и при подготовке библиографии по римскому государственному пра-

¹³ Из наиболее фундаментальных исследований Н. Н. Залесского прежде всего следует отметить его монографии: *Залесский Н. Н.* 1) *Этруски в Северной Италии.* Л., 1958; 2) *К истории этрусской колонизации Италии в VII–IV вв. до н. э.* Л., 1965.

ву. Все эти слова благодарности в полной мере относятся и к редактору издательства И. П. Комиссаровой, чей вклад в мое сочинение существенно превышает обычную редакторскую работу.

Наконец, хотел бы выразить особую благодарность моей сестре М. В. Чернойровой за огромную помощь в подготовке электронной версии работы. Значение этой помощи может оценить любой человек, хотя бы поверхностно знакомый с издательским делом. Я также весьма признателен моим коллегам А. В. Петрову и И. И. Верняеву за большую практическую помощь в осуществлении издания.

Хотелось бы также особо отметить всех моих бывших студентов, слушавших этот курс и подчас вносявших свою лепту в его подготовку.

Введение в курс

Цель предлагаемого пособия — познакомить студентов с основными проблемами и разделами римского государственного права. Оно дает некоторые представления в области римского государственного права и структуры римского государства, а также должно помочь студентам ориентироваться в обилии литературы по данной тематике.

Разделение государственного и частного права проводилось уже римскими юристами. Классическим было признано определение Ульпиана: «Публичное право — это то право, которое относится к статусу римского государства, а частное право — то, которое относится к пользе отдельных лиц» (Dig., I, 1, 1, 2). По определению известного ученого-правоведа И. Б. Новицкого, основными разделами римского частного права являются право собственности, права на вещи, семейные правоотношения, наследование, а также вопросы защиты частных прав¹. К категории частного права, по-видимому, можно отнести и уголовное право, хотя в эту категорию попадают и преступления против государства, которые относятся к праву публичному.

Таким образом, тема римского государства и государственного права представляет собой очень широкий круг вопросов, основными из которых можно считать такие: структура государственных органов, организация армии и финансов, суд и характер судопроизводства, торговое право, юриспруденция и правовое образование, международное право. В пособии материал размещен в хронологическом порядке, и для каждого периода развития Рима рассматриваются указанные выше вопросы.

¹ Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., 1972. С. 11.

Право, установленное людьми, в отличие от божеского права *fas*, обозначалось в Риме общим термином *ius*. В зависимости от категории лиц, с которыми имело дело право, оно разделялось на *ius publicum* и *ius privatum*, государственное и частное право, первое из которых ограждало интересы отдельных граждан, а второе — интересы государства. Правоведы отмечают преобладание в первом разрешительных, а во втором — императивных (уполномочивающих) норм².

Первоначально римское право концентрировалось только на отношениях полноправных римских граждан. Именно это право именовалось квиритским (*ius Quiritium*) или собственным правом римлян (*ius proprium Romanorum*). Позднее процесс интеграции в единое государство вначале Италии, а затем и провинций, выдвинул необходимость создать более сложную правовую систему. Примерно к III в. до н. э. развивается новое право, *ius gentium* («право народов»), которое получает развитие при Империи. Согласно концепции римских юристов, *ius gentium* (иногда его называли *ius naturale* — естественное право) охватывало значительную область права, как гражданского, так и государственного, а также права международного.

Римское государство основывалось на родовой организации, представляя собой на протяжении первых трех веков своего существования небольшое, сравнительно простое объединение, управляемое органами, развившимися из родового строя: племенным вождем (рексом), советом старейшин (сенатом) и народным собранием. Отношения в этом обществе прежде всего регулировались понятием *fas* (божеское право), обозначающим часть права, установленного богами и относящегося к религии. Исторически божеское право предшествовало *ius* и являлось его источником.

Постепенно с усложнением общественных отношений нормы религиозного права уже не могли охватить всю совокупность правовых отношений. Происходит установление определенной системы правил при решении тех или иных вопросов, из чего появляется понятие обычая (*consuetudo*). Совокупность обычаев выражалась в понятии *mores maiorum* (нравы предков), вначале относившемся к области неписаного права. Уже в царский период делались попытки перехода к письменному зафиксированному праву

²См. Беликов А. П. Римское частное право. Ставрополь, 1995. С. 35.

(*ius scriptum*), прежде всего трактуящему именно сакральные законы. Ссылки на эти законы имеются у поздних авторов, однако учитывая скудность информации о самом царском периоде и наличие анахронизмов, сведений о законодательстве царского периода оказывается сравнительно немного.

Экономический и духовный рост общества, а также борьба за демократизацию общественного строя привели к созданию свода законов, именуемых Законами XII таблиц, которые, согласно традиции, были составлены в 451–450 гг. до н. э. специальной комиссией децемвиров и утверждены центуриатными комициями. Об уважении к законам и их нормативности свидетельствует как то, что римляне не создавали новых законодательных сводов на протяжении долгого времени, так и то, что законы постоянно цитировались более поздними юристами, историками и ораторами.

Посвященные в первую очередь частноправовым отношениям, законы касались и ряда государственноправовых вопросов, впрочем, систематическое изложение последних относится уже к более позднему времени. Вместе с тем именно они начали процесс создания *ius*. Законы устанавливали только основные правила правового регулирования, а многочисленные детали интерпретации законов и судебные формулы находились в руках жреческих коллегий (прежде всего коллегии понтификов) и магистратов, т. е. судебных и исполнительных органов. С другой стороны, сами Законы XII таблиц создавались в период острой социальной и политической борьбы, что вызвало многочисленные поправки и уточнения.

На IV–III века до н. э. приходится период создания римского полисного государства и распространения римского господства на всю территорию Италии. Это время формирования основ римской республиканской государственности и трех основных элементов управленческой структуры: народного собрания, сената и магистратов, которые и стали источниками нормативных постановлений.

Резолюция, утвержденная комициями (народным собранием), называлась *lex* (закон), который во времена ранней Республики мог вступать в силу только после одобрения со стороны сената. В 339 г. до н. э. по закону Публилия Филона это утверждение давалось заранее и превращалось, таким образом, в формальность. В зависимости от вида народного собрания (куриатные, центуриатные или трибутные комиции) закон соответственно именовался куриатным, центуриатным и трибутным (*lex curiata*, *centuriata*, *tributa*).

Вместе с тем в сословной борьбе происходит также выработка основных законов плебейскими сходками, которые в отличие от законов комиций были обязательными только для плебеев и именовались плебисцитами (*plebiscitum*). Они приобрели характер общих законов после закона Гортензия в 287 г. до н. э. Комиции принимали лишь наиболее важные правовые нормы, тогда как повседневная юрисдикция и осуществление управленческих функций оставались в руках сената и магистратов.

Другим источником права были сенатусконсулты, которые уже при Республике имели безусловную юридическую силу. Наконец, источниками права, исходящими от магистратов, были эдикты, причем особую роль играли эдикты преторов, а значительная часть римского права эпохи Республики носит название преторского права. В провинциях роль преторского эдикта играли *edicta provincialia*, содержавшие постановления наместников провинций, проконсулов и пропреторов. При Республике продолжало сохраняться большое значение обычая (*consuetudo*) и прецедента.

Расцвет римских республиканских государственных институтов относится к II — началу I в. до н. э., после чего гражданские войны приводят к их трансформации в имперские институты. В период гражданских войн и ранней Империи сохраняются законы, принятые народным собранием, которые исчезают только к концу I в. н. э. Что касается сенатусконсултов, то их значение в эпоху ранней Империи продолжает сохраняться и, более того, приобретает даже большую юридическую силу, будучи приравнено к *lex*. Вместе с тем особое значение приобретает инициатива императора, и, по сути дела, форма сенатусконсульта все больше скрывает реальное решение принцепса³. В III в. н. э. сенатусконсулт как источник права уступает место прямой императорской юрисдикции.

Комплекс императорских нормативов носил название *constitutiones principum* и состоял из четырех основных групп законов, которые имели правовые корни в юрисдикции магистратов. К этой категории относятся эдикты (законодательные нормы общего порядка), декреты (решения принцепса в качестве высшей административной и судебной инстанции по конкретному вопросу), рескрипты (ответы императора на правовые и административные вопросы) и

³ Бартошек М. Римское право (понятие, определения, термины). М., 1989. С. 285.

mandata (инструкции императора различным администраторам и особенно наместникам провинций). Три последние категории распоряжений помимо конкретных решений могли содержать и общеправовые нормы, а также уточнения этих норм. В период поздней Империи император стал единственным источником государственного права, и в «Институциях» Юстиниана это было выражено формулой: *Quod principi placuit, legis habet vigorem* (Just., Instit., I, 2, 6; Dig., I, 4, 1 praef.).

Помимо решений высших инстанций в римском праве появился и еще один источник — *responsa prudentium*, т. е. ответы и консультации юристов. Уже в раннее время правом занимались лица самого высокого положения и прежде всего коллегия понтификов. Юрист Помпоний, написавший краткую историю римского права («Энхиридион»), называет среди правоведов эпохи Республики Публия Папирия, собравшего законы царей, Аппия Клавдия, Сципиона Назику, Квинта Муция, Тиберия Корункания, Публия Муция Сцеволу, Порция Катона, Аквиллия Галла, Сервия Сульпиция. Для времен Империи наиболее известны Альфен Вар, Офиллий, Антистий Лабейон, Требаций Теста, Каспеллий, Волузий Туберон, Мазурий Сабин, Прокул, Яволен Приск, Сальвий Юлиан⁴.

Расцветом римской юриспруденции стали II–III века н. э., он был связан с деятельностью таких крупных юристов, как Гай, Эмиллий Папиниан, Юлий Павел, Домитий Ульпиан и Модестин, которые сформировали основу римского правоведения поздней императорского времени. Именно их произведения вошли в последующую юридическую редакцию IV–V вв. н. э. и составили основу юстиниановских «Дигест»⁵. Особое значение имело и то, что эти юристы занимали высокие посты в римской иерархии и прежде всего посты префекта претория.

Как видно из замечаний Гая (Gai., Instit., 7), процесс легализации происходит уже во II в. н. э., однако завершается в IV–V вв. н. э. В 321 г. император Константин издал эдикт, по которому некоторые комментарии Ульпиана и Павла по поводу Папиниана не являлись юридическими авторитетом. В 426 г. последовал знаменитый закон Валентиниана III и Феодосия II, именуемый *lex de responsis prudentium*, по которому все произведения Папиниана, Юлия Павла,

⁴ Штаерман Е. М. Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 219.

⁵ Там же.

Гая, Ульпиана и Модестина получали силу закона, за исключением комментариев Ульпиана и Павла, которые фигурировали в законе Константина от 321 г. В случае несогласия между этими юристами решение выбиралось по большинству, а в случае одинакового соотношения решение принималось согласно мнению Папиниана. Если по вопросам спорной ситуации мнения Папиниана не существовало, то судья мог руководствоваться собственным выбором.

Произведения юристов делились на несколько категорий. Это комментарии к законам, эдиктам или сенатусконсультам (*commentarii*), популярное изложение или исследование по какой-либо части права или по всей его совокупности (*institutiones, definitiones*), практические рекомендации (*responsae, epistulae*) и, наконец, произведения общего плана (*Digestae, Pandectae*).

Особенно важным является вопрос о кодификации римского права. После Законов XII таблиц в истории кодификации наступил 700-летний перерыв, и только в III–IV вв. н. э. были предприняты завершающие попытки кодификации. Около 297 г. был опубликован Грегорианский Кодекс, который включал в себя около 70 императорских конституций и был разделен на титулы по сюжетам, а внутри — по хронологическому принципу. Во времена Константина появился Гермогенианский Кодекс, значительно больший по размерам, чем предыдущий, и включивший в себя конституции в период от Адриана до Константина. Оба кодекса получили юридическую силу после императорского утверждения. В 429 г. император Феодосий назначает специальную комиссию для создания коллекции императорских конституций со времени Константина (с 312 г.). В образовательных целях в сборник должны были войти и те конституции, которые уже потеряли силу закона. Планировалось также создание специального раздела, в который входили бы только действующие нормы. Поскольку этот замысел не осуществился, в 438 г. свод законов, именуемый Кодексом Феодосия, был утвержден как в Западной, так и в Восточной империи.

Последняя и самая значительная кодификация римского права была проведена уже при императоре Юстиниане, причем в задачу составителей входил и вопрос о систематизации права. В 528 г. по приказу Юстиниана была создана комиссия во главе с Трибонианом и Феофилом. В начале 529 г. Кодекс Юстиниана был уже составлен и получил юридическую силу, а в 533 г. было выпущено новое издание в 12 книгах, содержащее 4652 закона. В конце 530 г.

Юстиниан создает новую комиссию во главе с Трибонианом для обработки произведений юристов. Основой для сборника «Дигест» стали произведения знаменитых правоведов III в. н. э. Папиниана, Юлия Павла, Ульпиана и Модестина, однако «Дигесты» донесли традиции изучения права начиная с раннереспубликанского времени. Одновременно с составлением «Дигест» Трибониан и два его помощника, Феофил и Доротей, написали и опубликовали официальный учебник права «Институции», который в значительной степени был основан на «Институциях» Гая II в. н. э. Кодекс, «Институции» и «Дигесты» легли в основу *Corpus iuris civilis*. Четвертой частью Корпуса стало собрание законов Юстиниана, изданных после опубликования Корпуса и получивших название «Новелл». До нас дошла коллекция из 168 новелл, из которых 153 принадлежат времени Юстиниана.

Следует различать понятия «источники права» и «источники по истории права». Первое понятие включает законодательные нормы, а второе — те произведения, из которых мы получаем информацию о римском законодательстве, государственных институтах и механизме действия римских управленческих структур.

Говоря об источниках по истории римского государства и права, следует отметить не только юридическую литературу, но и литературу историческую, ораторскую и эпистолярную, произведения грамматиков и комментаторов, а также сведения, содержащиеся в художественной литературе. Большое значение имеют источники документальные, прежде всего надписи и папирусы, а также данные нумизматики. Велико также и значение вещественных памятников.

Из юридической литературы особенно важны *Corpus Iuris Civilis* и Кодекс Феодосия, произведения Ульпиана и Юлия Павла, а также «Институции» Гая. Из других произведений важны сочинения юристов республиканской и императорской эпохи, начиная от «царских законов», собранных Помпонием, и заканчивая произведениями юристов I–III вв. н. э. Эти произведения и их фрагменты составляют значительную часть почти не дошедшего до нас римского юридического наследия. Важным источником являются произведения историков и прежде всего труды Полибия, Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Плутарха, Тацита и Светония, много сообщающих о государственном строительстве и законодательстве времен Республики и ранней Империи. Для III–IV вв. н. э. важны также

произведения Диона Кассия, «Писателей Истории Августов». Аммиана Марцеллина, сочинения эпитоматоров и брeвиаторов (Аврелия Виктора, Евтропия и др.). Для изучения государства и права крайне важны произведения антикваров и грамматиков, прежде всего Теренция Варрона, Веррия Флакка, Плиния Старшего, а также Авла Геллия, Афиней и Макробия.

Особое значение имеют произведения судебных ораторов, среди них следует прежде всего отметить Цицерона. Как судебный и политический оратор, проявивший особый интерес к вопросам государственно-правовой теории, он дает бесценные сведения о римской правовой и политической жизни, а его произведения — один из главных источников по истории государственного права и государственных институтов. Важные сведения имеются у поэтов времени Августа: Вергилия, Горация и Овидия, а также у комментаторов к их произведениям. Особое значение имеют и произведения Квинтиллиана.

Наряду с традицией раннеимператорского времени принципиальное значение имеют и позднеантичные источники, причем не только произведения юристов, но и писателей, ораторов и историков указанного периода. Это произведения ораторов (Либания, Фемистия и Гимерия), трактаты и переписка императора Юлиана, а также византийские произведения Зонары и Ксифиллина.

Немало сведений правового характера дают и христианские писатели начиная с традиции Нового Завета и заканчивая писателями византийского времени, причем если ранняя христианская традиция больше касается вопросов отношений государства и христиан, то начиная со II в. н. э. христианские авторы дают общую правовую характеристику положения в Империи. Для истории римского права особенно важны произведения Юстина и Ириней (II в. н. э.), Тертуллиана, Оригена и Киприана (III в. н. э.), а также труды Лактанция, Евсевия Памфила, Ария, Афанасия Александрийского, Григория Назианзина, Василия Кесарийского, Григория Нисского, Иоанна Златоуста и западных авторов того же периода (особенно Сульпиция Севера, Амброзия Медиоланского, Аврелия Августина). Более конкретно основные источники будут рассмотрены в соответствующих темах.

Множество сведений содержится в эпиграфических документах (особенно в надписях и папирусах), которые приводят тексты законов, сенатских постановлений и императорских распоряжений.

Особое значение для раннеимператорского периода имеют следующие надписи: закон о власти Веспасиана, речь императора Клавдия о даровании *ius honoium* галлам, муниципальные законы Малакки и Сальпензы, надписи императоров II–III вв., а также ряд папирусов и прежде всего папирус с текстом императора Каракаллы от 212 г. н. э. Среди эпиграфических источников особое значение имеют надписи, содержащие данные о политических карьерах сенаторов и всадников, что особенно важно в качестве первоисточников по истории римского права.

Приводимая ниже литература дает возможность общего ознакомления с государственным правом римлян, вводит в курс общих понятий и терминологии изучаемой дисциплины, охватывает историю царского и республиканского периодов государства и права, составляющих первую значительную эпоху римской истории.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Гай. Институции / Лат. текст и русский пер. Ф. Дыдинского. Варшава, 1892.

Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского. М., 1984.

Ливий Тит. Римская история от основания города / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1993.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Пер. с греч. под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.

Тацит Корнелий. Соч. В 2 т. / Пер. с лат. под ред. А. С. Бобовича, Г. С. Кнабе, И. М. Тронского и др. Л., 1969.

Цицерон Марк Туллий. Речи. В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1966.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги «О государстве», «О законах». В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1962.

Литература

История древнего Рима. 3-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994 (введение, гл. 3).

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986.

Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1969. С. 83–100.

Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983.

Нечай Ф. М. Образование римского государства. Минск, 1972.

Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 1. СПб., 1993.

Модестов В. И. Введение в Римскую историю. Ч. I. СПб., 1902.

Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962.

Покровский И. А. История римского права. М., 1913.

Хвостов В. М. История римского права. 7-е изд. М., 1919.

Штаерман Е. М. Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 210–247.

Раздел I

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО В ЦАРСКИЙ ПЕРИОД

РИМСКАЯ РОДОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Проблема населения древнейшего Рима детально разработана в монографии И. Л. Маяк «Рим первых царей» (генезис римского полиса), в которой автор прослеживает версии источников от Марка Теренция Варрона до позднеантичных авторов, Фемистия, Сервия Гонората и Макробия, и дает большой обзор литературы начиная от трудов Б. Г. Нибура и Т. Моммзена и заканчивая исследованиями 80-х годов XX в.¹ Рассматривая сообщения античных авторов, И. Л. Маяк отмечает крайнюю этническую пестроту населения древнейшего Лация, указывая, что в этногенезе его участвовали древние туземцы (или аборигины) и происшедшие от них латины, сикулы, лигуры, лигии, пеласги, троянцы и микенские греки². Несколько позже в Лациум происходит миграция сабинов и этрусков. Этническая динамика во многом стала фактором, обусловившим государственную структуру древнейшего Рима.

В указанной монографии рассмотрена проблема римского рода, основы организации римского государства. Цицерон считает признаком родства ношение одного имени, происхождение от местных жителей, отсутствие в роду рабов и ущемленных в правах лиц (Cic., *Тор.*, 6, 28). Это определение является итогом большой юридической практики установления принадлежности человека к роду (*gens*), а через него и к полноправному гражданству. Соответствие *nomen* и *gens* (имени и рода) было в целом приня-

¹ Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983.

² Там же. С. 70–73.

то историко-юридической наукой³. Исследователи отмечают многозначность понятия рода, его близость, с одной стороны, к понятию семьи, особенно большой семьи, а с другой стороны, к старославянскому понятию племени. Имеющаяся у нас традиция фиксирует наличие отцовского рода, однако материнский род совершенно определенно был предшествующей формой, и следы его четко видны в римской традиции. Отмечается также, что за род могли принимать и части больших *gentes*, представляющие сравнительно обособленные однородные сообщества.

Кроме родового имени, род имел ряд особых функций. Хотя в наследовании имущества речь чаще всего идет о членах семьи (т. е. части рода), наследником мог быть и род в целом (*Legg. XII Tab, I, 5, 7a*). Хотя Законы XII таблиц в основном предпочитают семейное наследование, Цицерон считал роль сородичей вполне естественной. Род имел религиозные функции, родовые культы упоминают Цицерон и Фест, а также Дионисий Галикарнасский (*Dion Hal., II. 65*)⁴. Традиция также упоминает о суде рода над своими членами и о наличии общих мест погребения.

Исследователи XIX в. в основном считали римскую общину земледельческой, у историков XX в. преобладает убеждение в том, что земледелие сочеталось в Риме со скотоводством. Существует даже мнение о скотоводческом характере общины, с высоким развитием ремесел и ранним появлением виноградарства и оливководства⁵. В историографии, начиная с Б. Нибура и Т. Моммзена, доминирует мнение о коллективном землепользовании в древнейшем Риме, однако исследования XX в. (Ф. де Мартино, П. де Франчиши, А. И. Немировский, И. Л. Маяк) внесли в это представление важное дополнение, заключающееся в том, что часть земли уже тогда находилась в частной собственности или арендовалась на условиях, близких к частнособственническим отношениям. Так или иначе, но основным фактором развития частной собственности было, скорее, скотоводство и ремесло, а не земледелие.

Исследования об общественной земле (Л. Занкан, А. Бурдеше, И. Л. Маяк) показывают, что римский *ager publicus* — это общественная земля государства, а также земля гентильных групп и италийских соседских общин до римского завоевания. Дискуссия

³Там же. С. 122–123.

⁴Там же. С. 123.

⁵Там же. С. 186.

в основном касается вопроса о пахотной земле, относительно же лесных угодий, пастбищной земли (*ager compascuus*) и других земель обычно отмечают, что она находилась в руках общины⁶. При рассмотрении вопроса о характере общин раннего Рима отмечается наличие как родовой, так и соседской общин. О родовой собственности на землю говорят также названия триб и курий.

Римский род раннего периода мог быть и значительной военно-политической силой, что зафиксировано даже для царского и раннереспубликанского периода на примере таких родов, как Фабии, которые вели самостоятельную войну с Вейями, или Клавдии, переселившиеся в Рим в начале республиканской эпохи, что значительно изменило соотношение в борьбе между Римом и сабинянами.

Исследование римского рода царского и республиканского периодов показывает, что он представлял собой основную ячейку римского общества. Это было объединение людей, связанных общностью происхождения и родства, общностью культа и самоуправления, единой коллективной собственностью на землю и общим ратным трудом. По структуре *gens* представлял собой совокупность семей, которые и были важнейшей структурной единицей общества наряду с собственно родом.

Исследование римской *familia* со времен Т. Моммзена рассматривалось как важнейший элемент исследования государственного устройства и дополнялось важными деталями. Так, К. У. Веструп считает образующим фактором римской фамилии общность культа и сакральную солидарность поколений, а частную собственность на землю относит ко времени Сервия Туллия. По его мнению, семейная собственность стала возникать из семейного права на урожай.

Состав римской *familia* детально разработан в работе И. Л. Маяк⁷. Рассматривая «Дигесты», отечественная исследовательница отметила следующую структуру римской семьи: отец семейства, *pater familias*, его жена, *mater familias*, их сыновья с детьми, внуками и правнуками и дочери до выхода замуж. Кроме того, в семью входили жены сыновей, внуков и правнуков. В римскую *familia* также входили рабы и клиенты. Власть отца семейства оказывалась важнейшей связующей функцией семьи, причем почитание отца у

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Там же. С. 170–180.

римлян носило культовый характер. Ромуловы законы дают возможность представить римскую фамилию раннего периода не как индивидуальную семью, а как большую многоколенную патриархальную родовую общину⁸. Основой существования семьи постепенно становится частная собственность на землю, которую она получала от рода, и совместный труд. «Эта большая семья состояла из нескольких, 3–4 поколений прямых родственников по нисходящей линии во главе с отцом, или дедом, либо прадедом»⁹.

Обширность родственных связей вызывает дефиницию родства, предполагая деление на агнатов, когнатов и *gentiles*. Агнатская группа включала в себя главу семьи с женой, сыновьями, внуками и их женами, а также незамужних дочерей, все они жили единой большой отцовской семьей и представляли собой основу родственной структуры. Категория когнатов включала как родственников отца (дяди, тети и их потомки), так и родственников, приобретаемых через браки дочерей, внуков, сестер, племянниц и других членов *familia*. Хотя на ранних этапах права агнатов были сильнее, в реальной жизни когнатические связи были для римлянина не менее важны. Сила семейного принципа в жизни и политике ослабла в ходе политического развития Рима, однако, как показано в ряде недавних исследований, ее значимость была велика даже в условиях императорского Рима¹⁰.

Жесткость семейных связей и иерархии была особенно ярко выражена в римской семье даже по сравнению с другими патриархальными обществами. Особенностью римской жизни было то, что мужчина становился персоной *sui iuris* только после смерти отца, а также в случае эмансипации от рода, например, в случае троекратной продажи сына в рабство или же, наоборот, достижения им высокой общественной должности, а для женщин статус *sui iuris* был практически недостижим. Вместе с тем в последних исследованиях показано, что власть отца не была столь жесткой, как это подчеркивала литература XIX в. и не столь тяготила римлян, а случаи ее жесткого применения сочетались с заботой и ответственностью, характерной для власти отца семейства¹¹.

⁸Там же. С. 170–180.

⁹Там же. С. 179–180.

¹⁰*Spath T.* Mannliche und Weibliche bei Tacitus. Frankfurt a. M.; New York, 1994. S. 35.

¹¹*Ibid.* S. 123–149, 222–227.

Близость римской семьи к семьям Нового времени заметна и в положении женщины, когда при формальном правовом бесправии законы и мораль требовали взаимного уважения между супругами, допуская активное участие и влияние женщин в частной, экономической и общественной жизни. Положение *mater familias* оказывалось достаточно высоким и почитаемым, а термин *pietas* (благочестие) касался не только отношения к богам, но и отношения к отцу и к матери. Патерналистская мораль общества, характерная для раннего Рима, оказывается крайне живучей и в дальнейшей истории времен Республики и Империи.

По-видимому, одна из наиболее сложных проблем ранней римской государственности — это проблема курий и триб. По мнению многих исследователей, курии были территориальными институтами, другие видят в них родовые группы, третьи пытаются комбинировать указанные мнения. Были также высказаны теории, согласно которым курии являются не местными и личными институтами, но обозначают рождение римской государственности.

Предметом дискуссии является сообщение традиции о трех трибах (Рамнов, Тициев и Луцеров), а также о 30 куриях и соотношении этих организаций. Уже Б. Нибур выдвинул тезис о разной этнической принадлежности триб, считая рамнов коренными латинами, тициев — сабинами, а луцеров — этрусками, причем если две первые этнические характеристики признавались довольно долго, то мнение о наличии особой этрусской трибы подвергал сомнению уже Т. Моммзен. Впрочем, многие исследователи XX в. снова вернулись к мнению о наличии этрусской трибы. Принципиально другим подходом оказывается концепция Ж. Дюмезиля о профессиональном разделении триб, когда рамны были жрецами, тиции — пастухами, а луцеры — воинами. Однако большинство исследователей считают, что общество было разделено на социально однородные курии и трибы, прежде всего по причине военной необходимости, и составляли равное число войсковых единиц.

Практически все источники (от Цицерона и Тита Ливия до Павла Диакона) приписывают разделение на курии и трибы Ромулу, что указывает на изначальность этих организаций. Курия, по-видимому, может восприниматься как фратрия¹², хотя среди исследователей существует и иная точка зрения, согласно которой

¹² Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972. С. 89.

курия (*curia*, *conviria*) была мужским союзом в отличие от фратрии, института материнского рода¹³.

Сведения о куриях показывают наличие у них сакральных функций, мест сбора, мест для священнодействий, общности земли и то обстоятельство, что курия выставляла определенный военный контингент. Структуры типа курий встречаются и у других итальянских народов (например, умбрская *tekvia*). Структура трибы представляется чем-то близким к структуре племени с его общностью территории и органами управления (племенной вождь, совет старейшин и общее собрание).

Механизм объединения Рима достаточно ясно определен в источниках, и его понимание дает возможность заключительного суждения о куриях и трибах, а также о последующей военной организации. Учитывая крайнюю пестроту населения Лациума, население Рима можно считать весьма разнородным. Ядром римского населения были латины, на что указывает как историческая традиция (переселение колонистов с Ромулом из Альбы-Лонги, переселение в Рим альбанцев Туллом Гостилием, захваты латинских городов и переселение жителей в Рим Анком Марцием, аналогичные действия Тарквиния Приска), так и имена многих древнейших аристократических родов и их родословные, показывающие латинское происхождение (Юлии, Горации, Фабии, Потии, Пинарии, Квинтилии и др.). Латинское население было преобладающим, но не единственным. В Риме было много сабинян, на что указывают легенда о синойкизме с сабинами и наличие родов сабинского происхождения (Валерии, Аврелии, Помпилии, Ветурии, Клавдии и др.). Другие роды имели этрусское происхождение (Сергии, Лицинии), однако их было меньше и они появились позже. Ряд римских аристократических родов возводил себя к троянцам (Юлии, Навтии) и грекам (Эмилии). Наконец, традиция упоминает, что Ромул открыл убежище для всех желающих спастись от преследования и стать гражданами нового города¹⁴.

Некоторые исследователи (в частности, Р. Палмер) видят в куриях и трибах позднюю организацию, однако более вероятно изначальное существование данной системы и включение новых членов именно в рамки этой структуры. Более сомнительно сообщение о

¹³ *Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962. С. 138–139.

¹⁴ *Маяк И. Л.* Рим первых царей... С. 103, 134–140.

300 родах, входивших в курии и трибы, что часто считают элементом поздней организации. С первоначальной структурой связана и организация первичного ополчения, которое Варрон исчисляет в 3 тыс. пехотинцев и 300 всадников, что впоследствии составило основную боевую единицу римской армии — легион.

Другой проблемой, связанной с социальной структурой царского Рима, является проблема происхождения патрициев, плебеев и клиентов. Наиболее привилегированной, фактически единственной полноправной категорией населения были патриции. Этимологически слово происходит от *pater* — отец, и, таким образом, «патриции» буквально означает «отцовские». Патрициями обычно называли отцов семейств и сенаторов, а также, судя по всему, членов коренного римского гражданства. Проблемой, связанной с патрициями, является вопрос о том, входили ли в их число члены первоначального коллектива, или же это была римская аристократия, не включавшая «весь народ» (*populus Romanus*).

Представляется возможным принять теорию, которую С. И. Ковалев именует комплексной теорией происхождения патрициев и плебеев. По-видимому, на ранних этапах патрициями было все первоначальное население Рима, однако уже к середине царского периода (вероятно, ко временам Анка Марция) родовой коллектив постепенно «замыкается», и пришлое население, не входящее в состав 300 родов, становится плебеями или клиентами, точно так же, как и часть старого *populus* тоже попадает в плебс. В число патрициев стали принимать и знатные роды завоеванных городов, и тех, кто принадлежал к числу переселенцев. Последним крупным примером такого рода было, видимо, принятие в патриции рода Клавдиев, происшедшее в самом начале Республики. После этого представители знатных италийских родов считались плебеями¹⁵.

Именно патриции обладали всей полнотой гражданских прав, основными составными частями которых были следующие: *ius conubii* (право вступления в квинритский брак, дети от которого становились гражданами по рождению, а человек попадал в структуру *civitas*); *ius commercii* (имущественная правоспособность с правом обращаться в римский суд для защиты своих имущественных интересов), право пользоваться коллективной землей (*ager publicus*), постепенно сводящееся не к исключительному, а к преимуществен-

¹⁵ Там же. С. 156–162.

ному праву, а также политические права, право голоса в народном собрании (*ius suffragii*) и позже с появлением республики — *ius honorum*, право быть избранным, т. е. пассивное избирательное право. Судя по всему, до реформы Сервия Туллия исключительным правом и обязанностью патрициев была военная служба, а привлечение плебеев носило ограниченный характер.

Второй группой, видимо, наиболее сложной для правового определения, были клиенты. Этимологически слово связывают с *cliens* — «зависимый», *clinere* — «склоняться» и, наконец, *colere* — «обрабатывать землю». Ряд исследователей (Ю. Биндер, К. Нейман, Эд. Мейер) видят в клиентах зависимых людей наподобие патриархальных рабов и крепостных, другие, как Н. Рулан или И. Л. Маяк, считают характер отношений между клиентами и патронами более сложным.

Клиенты упоминаются уже применительно к ранним периодам, их важнейший признак — почитание патронов как своих отцов (Dig., XLIX, 15, 7, 1)¹⁶ и, следовательно, на клиентов распространялись отцовская власть, а также принципы семейных отношений. Клиенты занимались всеми видами производительного труда (земледелие, пастушество, ремесло, они получали от патрона инвентарь (хотя могли иметь и свой), по-видимому, могли иметь земельную собственность, служили в военных отрядах патрона, должны были оказывать патронам помощь, если те находились в затруднительных обстоятельствах, и выказывали всяческое повиновение. Главной функцией патрона была социальная и правовая защита клиента. Законы XII таблиц под страхом проклятия запрещали патрону причинять вред клиенту. Клиент принадлежал к роду патрона как младший представитель, носил родовое имя и участвовал в культах. Клиентов хоронили в усыпальнице патронов.

Принцип клиентелы имел множество параллелей в ранних обществах (галлы, германцы, славяне) и являлся достаточно универсальным. Происхождение клиентов, видимо, было различным. Это и обедневшие члены патрицианских родов, и изгои, не связанные ни с каким родом, и чужаки, и представители римского *proculus*, не вошедшие в патрициат. Представляется справедливым мнение И. Л. Маяк о том, что клиентела предшествовала появлению плебса. В политическом плане клиенты (или их часть) были, види-

¹⁶ Там же. С. 156–162.

мо, полноправными гражданами, но личная зависимость делала их неполноправным населением¹⁷.

Клиентела создавала своеобразную ситуацию в римском обществе раннего и последующего периодов. Богатый и знатный род (как показывают примеры Юлиев, Фабиев или Клавдиев) с сотнями или тысячами клиентов были большой политической или даже военной силой, своеобразным «государством в государстве», и поскольку клиентела была наследственной, это обеспечивало стабильность статуса клиентов и разобщало плебс в его борьбе за политические права.

Третья категория — плебеи (от *pleo* «наполняю») — представляла собой пришлое население, переселенное или добровольно переселившееся в Рим. В типологическом плане они напоминали афинских метеков, однако вскоре плебеи составили большинство населения. Появление плебеев как самостоятельной социально-политической группы относится, видимо, ко времени Анка Марция, хотя у авторов есть указания и на наличие плебеев в Риме в более раннее время. По подсчетам многих исследователей, население Рима и подчиненной ему территории выросло с 10–15 тыс. человек в начале царского периода до 50–80 тыс. в его конце (подсчеты Ю. Белоха, Г. Дельбрюка, И. Л. Маяк, Ф. де Мартино), причем большинство этого населения было плебеями. Плебеи имели личную свободу, могли арендовать землю и, видимо, имели двухюгеровый участок (0,5 га). Вместе с тем плебеи находились вне родового коллектива патрициев, не имели политических прав, а их браки с патрициями были запрещены. Значительная часть плебеев попадает в отношения клиентелы, однако, по определению Т. Моммзена, большинство из них представляли собой, по сути, клиентов государства и царя как его верховного представителя.

Сведения о рабах в царском Риме немногочисленны. Рабами обычно становились военнопленные и люди из числа *populus*, оказавшиеся в крайне тяжелом материальном положении. Раб был формально членом *familia*, однако он находился в самом низу гентильно-государственной системы, так как был лишен прав собственности и личной свободы. Патриархальное рабство обычно принято считать более мягкой формой, нежели классическое, однако разница была, скорее, не в правовом, а в фактическом положении:

¹⁷ Там же.

вследствие того, что раб стоил дороже, рабов было меньше, а общий примитивный уровень жизни не создавал столь сильной пропасти между рабом и хозяином, как это было позднее.

Социальная структура римского общества царского периода показывает его родовой характер, и именно родовая организация стоит у истоков организации государственной. Процесс трансформации родоплеменного общества происходит уже в конце царского периода, но в более консервативном земледельческом обществе, каковым был Рим, сила родовой структуры была, по-видимому, сильнее, чем в ориентированном на торгово-промышленное развитие обществе ряда греческих полисов. Сила родовой организации сказалась впоследствии, проявившись в господстве аристократии, сильном влиянии родовой политики на политическую жизнь Рима, устойчивости института клиентелы и общинной собственности на землю, в особенностях римской морали.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Гай. Институции / Лат. текст и русский пер. Ф. Дыдинского. Варшава, 1892.

Ливий Тит. Римская история от основания города. В 3 т. / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой, М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смиринна. Т. 1. Кн. I. М., 1989.

Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962. С. 31–54, 62–70.

Хрестоматия по истории Древнего мира. В 3 т. / Под ред. В. В. Струве. Т. 3. М., 1953.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги «О государстве», «О законах». В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1962.

Литература

История древнего Рима. 3-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1993 (введение, гл. 3).

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986 (ч. I, гл. 5).

Машкин Н. А. История древнего Рима. 3-е изд. М., 1969. С. 83–100.

Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983.

Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 1. СПб., 1993.

Модестов В. И. Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. В 2 ч. Ч. I. СПб., 1902.

Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962.

Нечай Ф. М. Образование римского государства. Минск, 1972.

Покровский И. А. История римского права. М., 1919.

Хвостов В. М. История римского права. 7-е изд. М., 1919.

Штаерман Е. М. Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 210–247.

Методические указания к теме

Тема 1 имеет особое значение для понимания римской государственности и публичного права, поскольку принципы дальнейшего государственно-правового развития были заложены уже в самые ранние периоды истории древнего Рима. Для ее изучения важно усвоить такие понятия, как *род*, *семья*, *агнаты*, *когнаты*, *курия*, *триба*, *патриции*, *плебеи* и *клиенты*, а также особенности терминологического происхождения и специфику римской государственности, имеющей корни в семейно-родовых отношениях. Наиболее сложные проблемы — это различные категории родства, соотношение рода, семьи и агнатской группы, проблема триб и курий, соотношение патрициев, плебеев и клиентов и отношения между ними, связь между развитием римской истории и правовых норм.

Царский период выделяется сложностью работы с источниками. Литературная традиция является сравнительно поздней, и большое значение имеет привлечение археологического, этнографического и лингвистического материала, сопоставление с родоплеменными институтами других народов. Следует отметить и особую важность архаических традиций в развитии римского государства в последующие времена. При изучении данной темы важно обратиться к исторической литературе, поскольку особый интерес здесь представляет именно анализ развития общества.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РИМА В ЦАРСКИЙ ПЕРИОД

Картина создания римского городского поселения выглядит примерно так. Сначала заселяются римские холмы — Палатин (IX в. до н. э.), а затем, несколько позже, Эсквилин и Квиринал. Археологи определяют этот период как протогородской¹, после чего, примерно в начале VII в. до н. э., идут слияние отдельных племенных поселков и заселение долин. К концу VII в. образуется компактная городская агломерация, включающая в себя холмы Палатин, Целий, Эсквилин, Квиринал и Виминал, а также долины между ними. Окончательное создание города относится к VI в. до н. э. и связано с этрусским завоеванием. Это время интенсивного городского строительства, создания новых кварталов, в том числе и ремесленных, появления городских стен и строительства главных городских храмов (храма Юпитера Капитолийского и храма Дианы на Авентине). Другими важными изменениями становятся переход к соседской общине, который осуществляется постепенно со времени Ромулова Рима, а также развитие внутреннего и внешнего рынка. Создание города, усиление принципа соседской общины и сильное влияние этрусков приводят к важным экономическим, социальным и другим изменениям. Именно эти перемены очень важны для понимания развития римского государства в царский период.

¹ *Gjerstad E.* Innerpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin; New York, 1985. S. 138.

В литературе к теме 2 достаточно полно рассматриваются основные управленческие структуры царского Рима: народное собрание, царская власть и сенат.

Римское народное собрание обычно называется комициями (от *coire* — «сходиться») или *populus* («народ»), однако исследователи отмечают использование других понятий: *consilium* («совещание», «заседание») и *contio* («сходка») — как синонимов к *comitia*. Постепенно, однако, слово *comitia* закрепляется как исключительный термин, обозначающий правомочные собрания народа, которые имели право принимать правовые решения и отличались от *contiones*, бывших обычными народными сходками. Комиции собирались по куриям и именовались куриатными².

Обязательным условием созыва комиций была инициатива со стороны рекса или лица, которое он на это уполномочивал. Судя по всему, важнейшей функцией народного собрания было избрание рекса, а также решение вопроса о составе родового коллектива (регистрация рождения, смерти, брака, принятие в гентильную организацию чужаков, переход из одного рода в другой в связи с замужеством, усыновлением или по другим причинам). Хотя о комициальном законодательстве известно сравнительно немного, есть все основания считать, что оно зародилось уже в царскую эпоху³. Так или иначе, но комиции вмешивались в жизнь общины тогда, когда требовались перемены принципиального характера (например, именно на комициях принимались законы Сервия Туллия). Народное собрание принимало решение об объявлении войны, причем касалось это войны наступательной и достаточно значительной, а отражение мелких набегов, видимо, могло не нуждаться в специальном правовом оформлении. Наконец, как видно из истории с процессом Горация, уже во времена Туллы Гостилия народное собрание играло роль апелляционного суда, способного отменить смертный приговор.

Сказанное позволяет говорить о зарождении у римлян царской эпохи принципа народного суверенитета, но редкое вмешательство собрания в жизнь общины, обязательная инициатива царя, военная дисциплина, система клиентелы, восприятие царя как патрона государства, а также глубокая религиозность и консерватизм римлян

² Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983. С. 233.

³ Там же. С. 234–236.

ограничивали народоправство, концентрируя власть в руках рекса и сената.

Особым видом народного собрания были *comitia calata*, возможно, зародившиеся раньше комиций и призванные решать сакральные вопросы (введение в должность жрецов, устройство празднеств, совершение очистительных обрядов и молебствий по поводу тех или иных религиозных, политических или природных событий). Вопрос о разделении функций между куриатными комициями и *comitia calata* не совсем ясен, и, видимо, первоначально разделение было незначительным. В сравнительно недавнее время был поднят вопрос о технической стороне голосования. Сам термин *suffragium*, связанный с *fragor* («шум»), предполагает простой способ голосования с помощью крика, однако Ливий пишет об индивидуальном голосовании (*viritim*), которое, наверное, появилось несколько позже. В последнее время существовало индивидуальное голосование по куриям, после чего подсчитывались голоса в куриях, а затем определялся сам голос курии и производился подсчет соотношения голосов. При количестве в 30 курий для принятия решений было достаточно большинства 16 курий. Многие исследователи решают вопрос о наличии у комиций законодательных полномочий во времена первых царей отрицательно, но маловероятно, что важнейшие вопросы жизни общины принимались без согласия народа.

Царская власть в Риме проходит в своем развитии несколько стадий, и, вероятно, наиболее сложным оказывается вопрос о ее происхождении и эволюции. Термином, обозначающим царя, является термин *rex* (причем термин сходен с аналогичными обозначениями у индоевропейских народов: *rig* — у кельтов, *raj* — у индоариев). Возможно, исходной точкой может стать жреческая должность фламينا Юпитера (*flamen Dialis*), жреца Юпитера, царя-жреца, окруженного многими табу, имевшими целью защитить его от любых опасностей, и олицетворявшего самого Юпитера. Этот образ царя-жреца, олицетворяющего природу, Дж. Фрезер находит у множества народов. В наибольшей степени ему соответствует образ Нумы Помпилия, второго царя Рима, причем он же, по-видимому, произвел важную реформу, перенеся ряд табу на другое лицо, но сохранив для себя реальную власть в руководстве римской религией. Так или иначе, но сакральные функции царя всегда играли особую роль в системе его власти.

Э. Гьерстад считает, что цари существовали в догородской пери-

од, будучи правителями деревенских объединений, и до синойкизма были родоплеменными вождями⁴. Власть царя имела сакральную основу, рекс был верховным жрецом общины, ее военачальником и главой гражданского управления. Римские источники особенно много пишут о военных мероприятиях рексов и их политической деятельности. Рекс собирал войско, организовывал военные силы, у него были телохранители и корпус целеров. Наконец, рекс командовал армией во время войны и присоединял новые территории. Источники сообщают, что цари проводили политические, религиозные и военные реформы (учреждение сената, курий и триб Ромулом, учреждение религиозных и ремесленных коллегий Нумой, присоединение новых территорий к территории города другими царями). Нума же проводит такую основополагающую реформу, как реформа календаря. Столь же важные реформы проводят и царя-этруски. Вероятно, наиболее сложный в правовом отношении вопрос — это вопрос о степени участия в этих мероприятиях сената и народного собрания, тогда как источники часто не сообщают об этих правовых процедурах. По всей вероятности, нормой была инициатива царя, обязательная консультация с сенатом и привлечение в особо важных случаях народного собрания, однако цари могли издавать и прямые законы.

Рекс был также верховным судьей общины, причем здесь прослеживаются как непосредственное его участие в качестве судьи, так и передача дел другим лицам или инстанциям. Значительное число дел разбирали и жреческие коллегии.

Совокупность прежде всего военных и сакральных полномочий именовалась империем (*imperiū*), и именно царский империй оказывается той первоначальной основой, на которой базируется власть римских магистратов, а затем и власть императоров.

Особое значение имели царские инсигнии (знаки отличия), по традиции заимствованные от этрусков: пурпурная мантия, скипетр с орлом, кресло из слоновой кости (*scipio eburneus*), а также почетная свита-охрана из 12 ликторов с пучками прутьев, в которые были вложены топоры.

Крайне важен вопрос о выборности рекса. После смерти Ромула сенаторы по очереди выполняли царские функции. Ливий пишет, что 100 сенаторов делились на декурии, которые правили по оче-

⁴ Gjerstad E. Op. cit. S. 143–145.

ди, передав одному из своих членов царские знаки власти и ликторов. Каждая декурия правила по 5 дней, передавая власть следующей (Liv., I, 17, 5–6). Этот способ правления именовался «междущарствием» (interregnum) и стал обязательным условием для передачи власти. Целью междущарствия было выдвижение нового царя. Через очередного интеррекса сенат собирал народное собрание, где происходили выборы, а затем проводил птицегадания относительно проведенной кандидатуры (см. Liv., I, 18). Рекс был пожизненным главой римской общины, что придавало стабильность его положению.

Более сложен вопрос о наследственном факторе в передаче власти. Процедура выборов предполагает возможность выдвижения любого лица, и именно это происходит в случае с Нумой Помпилием. Вместе с тем начиная с Анка Марция четко устанавливается принцип, когда наследником становится близкий родственник, а в случае с этрусскими царями явно видна матрилинейная наследственность, т. е. переход власти не к сыну, а к зятю. Э. Гьерстад проводит различие между первым царями, власть которых была основана на легитимной сакральной основе, и «узурпаторским царством» трех этрусских царей⁵. Отличие правления этих последних, по мнению автора, — менее легитимный приход к власти, нарушение сакральных законов и проведение реформ, предназначенных ослабить власть сената и традиционные родовые отношения. Новым в деятельности этрусских царей было и более жесткое проведение в жизнь наследственного принципа⁶. Действия последнего царя, Тарквиния Гордого, привели к конфликту между сенатом и народом. Все эти действия автор, видимо, не без оснований квалифицирует как аналогию с раннегреческой тиранией.

Третьим элементом управленческой структуры был сенат. Бесспорная этимология слова *senatus* от *senex* («старик») допускает два близких толкования, «старик» и «старейшина». Последнее также связано с названием сената как *patres*, т. е. главы родов, создавших первоначальную римскую аристократию. Согласно традиции, Ромул назначил первых 100 сенаторов, Тулл Гостилий добавил еще 100 из числа альбанцев, и, наконец, Тарквиний Приск, видимо, довел их число до 300. Цицерон ничего не говорит относительно по-

⁵Ibid. S. 167–169.

⁶Ibid.

полнения сената Туллом Гостилием именно на 100 человек, что же касается Ливия, то он просто упоминает о пополнении сената за счет альбанцев без указания цифры. Согласно другим сообщениям, удвоение произошло при Тарквиний Древнем (Cic., *De re p.*, II, 20, 35), причем сенаторы делились на две категории (*patres maiorum gentium* и *patres minorum gentium*). Надо заметить, что ко второй категории относились новые сенаторские семьи. Неясным остается вопрос, к какому моменту число сенаторов достигло 300: ко времени Тарквиния Приска либо ко времени начала республики (Liv., II, 1, 9)⁷.

По справедливому мнению исследователей, уже в царскую эпоху формируются три основных компонента сенатских полномочий: *interregnum*, *patrum auctoritas* и *consilium*. Хотя общий смысл сведений традиции показывает подчинение сената рексу — право совета было ограничено волей монарха, а сенат комплектовался исключительно по воле царя, совещание с сенатом, безусловно, было нормой уже в царский период. Именно *consilium* становится той основой, на которой впоследствии основывается власть сената в республиканское время⁸.

Другой функцией сената становится *patrum auctoritas*, т.е. утверждение решений римского народного собрания, существовавшее, по мнению исследователей (Т. Моммзен, П. Виллемс, Э. Гьерстад, А. Момильяно), уже в царскую эпоху. Вероятно, это право возникло уже во время первого междоцарствия, наступившего после смерти Ромула, однако, скорее всего, практически не реализовывалось в условиях всевластия царя⁹. В этом смысле совершенно справедливо мнение М. В. Белкина, согласно которому в царском Риме *patrum auctoritas* была ограничена рамками междоцарствия и развивалась только параллельно с развитием дееспособности народного собрания. Особенно важной в деятельности сената была функция *consilium*, причем особое значение в данном случае имело первое годичное междоцарствие между правлениями Ромула и Нумы¹⁰.

⁷ Подробный обзор мнений см. в диссертации М. В. Белкина: *Белкин М. В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы V–III вв. до н. э.: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук.* СПб., 1998. С. 68–70.

⁸ Там же. С. 72–75.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Видимо, именно в царский период устанавливается принцип *ratum auctoritas*, т.е. утверждение сенатом решений народного собрания. Так или иначе, отношения сената и народа также представляют собой проблему, когда при формальном суверенитете народа сенат делает попытку встать над ним *de iure* и *de facto*. Важным фактором преобладания сената было то, что он имел возможность предварительного обсуждения дел.

В целом значение сената в царский период, видимо, менялось. Оно было невелико при Ромуле и Нуме, вероятно, выросло в середине царского периода и стало падать в его конце, подавленное самовластием этрусских царей, реакцией на которое и стал переворот.

Особую роль, не менее важную, чем сенат, играли жреческие коллегии, которые практически целиком восходят к царской эпохе. Рим имел разветвленную систему жреческих коллегий, центральное место среди которых занимали понтифики и их глава, *pontifex maximus*, бывший заместителем царя по делам религии, фламины (жрецы главных богов Рима — Юпитера, Марса и Квирина), весталки (жрицы богини Весты), фециалы, фактически руководившие соблюдением норм международного права и жрецы Марса, салии. Из Этрурии пришли ставшие крайне важными для римлян коллегии авгуров и гаруспиков, функциями которых было вопрошение воли богов, без чего не совершалось ни одно сколь-нибудь значительное государственное мероприятие. Уже с Ромула начинают действовать жрецы триб и курий (Dion Hal., II, 23). Учитывая проникновение религии во все сферы жизни и то, что ее руководство было сосредоточено в руках знатных фамилий, можно считать, что именно через священнослужителей (даже в большей степени, чем через сенат) знать осуществляла контроль над жизнью общины. В руках жречества находились наблюдение за природой и ее явлениями, фиксация важнейших событий, хранение архивов, руководство производственной деятельностью общин и, в частности, толкование права.

Кроме сведений о высших управленческих органах есть сведения и о подчиненном царю управленческом аппарате, который стал как бы зародышем республиканской власти и администрации. Так, Ромулу приписывается создание корпуса целеров (*celereres*) во главе с трибунами. Проблема целеров рассматривалась многими исследователями (Т. Моммзен, Эд. Мейер, А. Альфельди, П. де Франчиши,

Э. Гьерстад, И. Л. Маяк), которые обычно приходят к выводу, что целеры были всадническими центуриями, набираемыми по одной от каждой трибы, превращаясь, однако, в фактический отряд телохранителей царя и его личную гвардию. Если одни исследователи указывают на наличие конницы с самого начала существования города (И. Л. Маяк), что представляется весьма вероятным, то другие отмечают ее появление только к VI в. до н. э. Спорным остается вопрос, была ли это регулярная кавалерия, или же речь идет о всадниках, посаженных на лошадь и способных сражаться в пешем и конном строю. Имеется информация и о колесницах в ранней римской армии. Кроме данных о целерах имеются данные о префекте города (*praefectus urbis*), назначаемом царем на праздники на время своего отсутствия, и, наконец, в известной мере, управленческим аппаратом общины и царя можно считать трибунов и курионов.

Информация имеется и о военной организации царского Рима, причем наши источники уделяют ей, наверное, наибольшее внимание. Основой армии была пехота, набор которой происходил по троичному принципу (100 солдат от курии, 1 тыс. от трибы и 3 тыс. от общины). Пехотинцев от каждой трибы возглавлял трибун (*tribunus*, возможно, и *tribunus militum*), а в курии — курион. Кроме того, возможно и наличие сотников (центурионов) еще до реформы Сервия Туллия. В связи с военной организацией наиболее сложен вопрос о всаднических центуриях: их было три при Ромуле, шесть при Тулле Гостилии и 18 при Сервии Туллии. Проблему представляет соответствие информации о вооружении римской армии в литературных источниках сведениям, представленным археологическими находками¹¹.

В конце царского периода происходят важные социально-экономические преобразования, вызванные значительным численным увеличением общины, созданием городской агломерации и этрусским завоеванием. Предание о реформе Сервия Туллия, центральном событии этих реформ, детально разобрано в отечественной историографии (В. И. Модестов, И. В. Нетушил, Н. А. Машкин, С. И. Ковалев, А. И. Немировский, Е. М. Штаерман). Ученые отмечают три основных элемента реформы: замену родовых триб территориальными (4 городские и от 16 до 20 сельских), создание цен-

¹¹ Gjerstad E. Op. cit. S. 159–164.

туриатной системы и нового типа народного собрания (центуриатных комиций), допуск плебеев в военное ополчение на правах полноправных членов и, наконец, рост числа всаднических центурий. Наиболее спорными можно считать вопросы о цензе, делении на 5 имущественных классов и степени развития денежного хозяйства. Это ставит под вопрос историчность реформы, а также соотношение между старым и новым типом народного собрания. Примечательно и хронологическое совпадение реформ с реформами Солона и Клисфена в Афинах, причем в связи с этим показательное совпадение дат свержения царей в Риме и свержения Писистратидов в Афинах, что часто приводило исследователей к мнению о том, что в римских событиях имеется известный «подгон датировки».

Похоже, что четко засвидетельствован лишь сам факт появления ценза и территориальных триб. Наиболее спорным можно считать вопрос о цензе и, следовательно, вопрос о степени развития денежного хозяйства, что ставит под сомнение историчность реформы, а также соотношение между новым и старым типами народного собрания.

Многие исследователи отвергают наличие детализированной системы ценза уже в VI в. до н. э., которую Ливий и Дионисий Галикарнасский (Liv., I, 42, 5; Dion Hal., IV, 16, 8) приписывают реформатору, считая, что либральный асс появился только в IV в. до н. э.¹² Однако другие исследователи указывают на наличие у римлян денег в виде грубых медных брусков (*aes rude*), получивших метку при Сервии, к тому же налоги были упорядочены именно при этом царе, что делает цифры более реальными. В ряде исследований делались предложения заменить денежный ценз земельным, либо считать его по количеству скота или объему урожая, как это делал Солон в Афинах. В пользу принятия традиции говорит многое из того, что мы знаем о материальной культуре Рима, а именно: высокий уровень градостроительства, развитость этрусской цивилизации, тесные контакты с греками, раннее (вероятно, VII в. до н. э.) появление письменности и существование ее до реформ Нумы Помпилия, наличие развитого ремесла.

Вопрос о территориальных округах значительно более сложен, и проблема здесь заключается в соотношении участков курий с новыми сервиевыми трибами. Если считать, что гентильные владения

¹²Ibid. S. 17.

соединялись с соседскими, то действия Сервия завершают достаточно длительный процесс¹³.

Источниками пополнения государственной казны были налоги и завоевательные войны. Согласно последним исследованиям, уже в царский период, причем особенно во времена Сервия Туллия, совершенно определенно существовала и денежная составляющая государственного имущества, т. е. казна¹⁴. С глубокой древности в Риме существуют *vestigal* и *tributum*. Римский термин *vestigal* первоначально был связан с *veho* («везти») и существительным *vehicula* («повозка, нагруженная урожаем»), что показывает натуральный характер взиманий. *Vestigal* обозначало арендную плату с земли, а также различные налоги (*vestigal portorium* — налог с морской торговли, *vestigal salinarum* — налог с соляных копей, и *vestigal scriptura* — налог с выпаса на общественных пастбищах). Позднее *vestigalia* стали обозначать прямые налоги. Другим налогом был *tributum*, налог с имущества, собираемый с римских триб.

Другим каналом формирования бюджета была военная добыча, обогащавшая победителей землей, Рим обычно отбирал у противников 1/3 земель — рабами, скотом, металлами, оружием, другим движимым имуществом. Добыча выражалась понятиями *praeda* и *manubiae*, причем если первое обозначало предметы, захваченные на войне, то второе — деньги, полученные в казну в результате продажи добычи.

В это время и появляется государственная бюджетная система. Естественно, казне доставалась, кроме исключительных случаев, только часть захваченной добычи, однако по традиции именно государство в лице командовавшего армией рекса производило разделение военной добычи между частными лицами и казной.

Труднее определить расход бюджета. Значительные суммы расходовались на организацию и вооружение армии (несмотря на обязанность призванных на военную службу граждан приходить со своим оружием), содержание жреческого управленческого аппарата, регулировавшего деятельность общины, помощь общине в случае голода, войн и стихийных бедствий, развитие ремесла, строи-

¹³Подробнее см.: *Маяк И. Л.* К вопросу о пополнении римского бюджета // *Торговля и торговец в античном мире: Сб. статей.* М., 1997. С. 70–71; *Бартошек М.* Римское право (понятия, определения, термины). М., 1983. С. 283, 383.

¹⁴*Маяк И. Л.* К вопросу о пополнении римского бюджета... С. 71–73.

тельство и благоустройство города и на привлечение для этих целей греческих и этрусских мастеров, на развитие сухопутной и морской торговли, привлечение деятелей науки и культуры.

Таким образом, уже в царский период зарождаются основные формы собственности, которые развивались при Республике: собственность коллективная, представленная родовой и сельско-общинной собственностью, собственность государственная, общеримская и собственность частная, причем последняя (прежде всего собственность на землю) восходила к характеру собственности в недрах гражданской общины¹⁵. В царский же период зарождаются основы римской государственности, которые в дальнейшем определяли политическое и экономическое развитие Рима.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Ливий Тит. Римская история от основания города. В 3 т. / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой, М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин. Т. 1. Кн. 1. М., 1989.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Пер. с греч. под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. Т. 1. М., 1961 (прежде всего см. биографии Ромула и Нумы).

Хрестоматия по истории Древнего мира. В 3 т. / Под ред. В. В. Струве. Т. 3. М., 1953. С. 14–37.

Хрестоматия по истории древнего Рима. В 3 т. / Под ред. С. Л. Утченко. Т. 3. М., 1962. С. 31–54, 62–70.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги «О государстве», «О законах». В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1962.

Литература

Белкин М. В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы V–III вв. до н. э.: Дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. СПб., 1998.

Белкин М. В. Эволюция римского сената в V–III вв. до н. э. //

¹⁵ *Штаерман Е. М.* Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 233.

Античное общество (проблемы политической истории) / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1997. С. 84-97.

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986 (ч. I, гл. 5 б).

История древнего Рима. 2-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994 (гл. 4).

Маяк И. Л. К вопросу о пополнении римского бюджета в эпоху республики // Торговля и торговец в античном мире: Сб. статей. М., 1997. С. 69-76.

Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983.

Модестов В. И. Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. Ч. 1-2. СПб., 1902-1904.

Молмзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 1. СПб., 1993.

Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Вып. 1-3. Харьков, 1894-1902.

Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972.

Сергеевко М. Е. Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М.; Л., 1964.

Хвостов В. М. История римского права. 7-е изд. М., 1919.

Штаерман Е. М. Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 210-247.

Штаерман Е. М. От религии общины к мировой религии // Там же. С. 106-209.

Методические указания к теме

Данная тема, как и предыдущая, связана с основами римского государства и права. Ключевыми здесь являются проблемы соотношения полномочий первоначальных органов власти, а также вопросы механизмов их действия, процедуры голосования, соотношения властных функций народного собрания, сената и царской власти. Очень важна терминология, связанная с этими органами и прежде всего такие понятия, как *populus*, *suffragium*, *comitia*, *rex*, *senatus*, *patres*.

Одна из сложнейших проблем — проблема роли римского сената, в первую очередь соотношение его консультативных и властных полномочий, что крайне важно для понимания роли сената в республиканский период. Особое значение имела римская жреческая организация, роль которой никоим образом нельзя преуменьшать.

Чрезвычайно значимы вопросы, связанные с военной и эконо-

мической деятельностью раннеримского государства. В известной мере на первый план выходят не только правовые, но и исторические сюжеты, например вопрос об историчности царских преобразований и реформ, причем особая роль здесь принадлежит данным, связанным с материальной культурой, лингвистикой, обычаями и культурными традициями. Следует отметить, что если в науке XIX в. больше господствовало гиперкритическое отношение к сведениям античной традиции, то с середины XX в. доверие к ее сообщениям постепенно возвращается. Требуют дополнительных знаний вопрос о вкладе этрусков в римскую цивилизацию, а также вопрос о реформе Сервия Туллия и ее значении для перехода к республике.

Раздел II

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И РИМСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ПЕРИОД РЕСПУБЛИКИ

ГРАЖДАНСТВО ПРИ РЕСПУБЛИКЕ. КАТЕГОРИИ ГРАЖДАНСКОГО И НЕГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Для периода Республики существует значительно более достоверная традиция, чем для царского периода. Однако, говоря о Республике, нужно заметить, что разветвленная система разделения властей, под которой мы понимаем республиканский Рим, сложилась в результате ее постепенного развития примерно к V–III вв. до н. э. и сопровождалась процессом первого большого расширения римского государства до размеров римско-италийской федерации. Расцвету республиканских институтов в III–II вв. до н. э. сопутствовали важные события великих завоеваний, которые принципиально изменили характер римского общества и государства, превратив его в имперскую державу. Наконец, особое значение имеет история конца II–I вв. до н. э., когда происходит переход от республиканской к имперской системе, сопровождавшийся ломкой существующих порядков.

Само римское понятие *res publica* нуждается в существенных пояснениях. Противопоставление *regnum* (царства) как монархии или протомонархии и свободного государства (*libera res publica*) идет уже со времен римской традиции и в целом удерживается до времени появления фундаментального труда Т. Моммзена «Римское государственное право» («*Römische Staatsrecht*»), в котором развитие государства и, в частности развитие царства, Республики и Империи, рассматриваются как развитие единой конституционной системы: республиканский строй как бы органично формируется из римского *regnum*, равно как позднее принцепат содержит в себе

республиканскую традицию. Концепция Т. Моммзена господствовала до начала XX в. и развивалась в трудах таких историков права, как О. Карлова, Е. Герцог, и отчасти в труде К. Мипуле.

Иная концепция, противопоставляющая монархический и республиканский строй, содержится в трудах Н. Д. Фюстель де Куланжа и Г. Буассье. Эта концепция продолжает свое развитие в историографии 20–30-х годов XX в., когда исследователи приходят к более четкому противопоставлению двух понятий. Теория противопоставления *regnum* и *res publica* развивается и в российской историографии дореволюционной эпохи, а затем и в историографии советского периода (труды И. А. Машкина, С. И. Ковалева, В. С. Сергеева).

Противопоставление *regnum* и *res publica* невозможно отрицать, однако наличие континуитета также имело место. Оценивая это положение, крупный итальянский правовед Ф. де Мартино считает возможным частично реконструировать теорию Т. Моммзена. В целом эти выводы отчасти разделяются и отечественной историографией, выдвигающей перспективные синтетические теории (в частности, см. труды С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин и других исследователей).

Римское понятие *res publica* детально разбирается исследователями (в частности, в трудах Хр. Мейера и Ж. Эллегуара), которые отмечают особенности римского словоупотребления, постепенно приобретающего современный смысл. Согласно Хр. Мейеру, понятие *res publica* означало государство вообще, не будучи привязано к конкретному политическому строю¹. Так, Саллюстий употребляет это слово по отношению к царскому периоду (Sall., Cat., 6), то же делают и другие авторы. Характеризуя Империю, и авторы, и официальные документы пользуются этим же обозначением. Вместе с тем в римском понятии *res publica* содержится тот оттенок, который привел слово к его современному значению, а именно — государства, в котором власть принадлежит выборному органу и имеет коллегиальный характер. Цицерон пишет, что *res publica* прежде всего характеризуется властью народа, и связывает ее с *libertas* (свободой), а потому прежде всего с республиканским Римом (Cic., De re p., I, 36, 42, 44, 48). Именно исходя из этого, столь неоднозначного, понимания и различия между римским понятием *res publica*

¹ Meier Chr. *Res publica amissa*. Wiesbaden, 1966. S. 9–10.

и пониманием республиканского строя в Новое время, и следует рассматривать римский политический строй.

Что касается римского гражданства, то прежде всего следует отметить существование полисного принципа четкого отделения граждан от неграждан и замкнутости римского гражданского коллектива. Вместе с тем завоевательная политика и особые исторические условия привели к появлению разных правовых категорий жителей государства. Судя по всему, в ранний царский период полные права гражданства имели патриции, а частично и клиенты, которые, однако, были ущемлены в области частного права.

При республике составными частями *status civitatis* были в основном следующие: *ius connubii* (право вступления в квинтитский брак), *status libertatis* (личная свобода), *ius commercii* (имущественная правоспособность и защита ее государством), право иметь долю на общественной земле, политические права (активное и пассивное избирательное право, соответственно *ius suffragii* и *ius honorum*), право *provocatio* (т. е. апелляции к народному собранию в случае приговора со стороны магистрата), право носить соответствующую одежду, прежде всего тогу.

Первой категорией неполноправных граждан были плебеи. Имея личную свободу, *ius commercii* и довольно рано получив доступ к общественной земле, они были лишены права брака с патрициями и политических прав. Будучи в основном представителями небогатых и просто бедных слоев населения, плебеи находились под угрозой потери свободы из-за долговой кабалы, тогда как для патрициев эта опасность скорее носила теоретический характер. Борьба патрициев и плебеев в правовом плане была связана прежде всего с получением плебеями прав гражданства в полном объеме. Вместе с тем правовое сближение патрициев и плебеев вело к сближению в культовом, обрядовом и бытовом плане, поскольку часто именно религиозные факторы становились препятствием к достижению равноправия.

Получение политических прав плебеями началось при Сервии Туллии, когда, будучи допущены в народное собрание и легион, они получили *ius suffragii*, т. е. право голоса в народном собрании, заключавшееся в праве голосовать за законопроекты и выбирать вначале царя (право, которым они не воспользовались), а затем — республиканских магистратов. В 445 г., по закону Канулея, плебеи добились права браков с патрициями (Liv., IV, 1–6), что было за-

прещено Законами XII таблиц, а затем начали борьбу за магистратуры. Переломом в этой борьбе стали реформы Лициния-Секстия (376–367 гг.), ограничившие право оккупации государственной земли путем введения земельного максимума, смягчившие долговое право и предоставившие плебеям право на одно консульское место. Постепенно к 300 г. до н. э. плебеям стали доступны практически все магистратуры и основные жреческие должности. Важнейшим успехом плебеев, собственно и сделавшим их полноправными гражданами, была отмена долговой кабалы, связанная с законом Петелия-Папирия от 326 (или 313) г. до н. э. и обеспечивающая их личную свободу.

К III в. до н. э. плебеи добились уравниения в правах с патрициями и, подобно последним, стали *cives optimo iure*, т. е. гражданами с полными правами. Естественно, правовое равенство не ликвидировало неравенства социального. Наряду с традиционным разделением на патрициев и плебеев, которое уже не имело принципиального правового значения, появляется новое значение слова «плебс», которое обычно обозначало «простой народ» в противоположность аристократии и всадничеству. С ростом римской державы появились, однако, разные категории неполноправных граждан (*cives minuto iure*), а также категории населения, которые вообще не имели римских гражданских прав, но находились под властью римлян. Понятие *cives minuto iure* обозначало тех, кто признавался гражданином государства, но не обладал всей совокупностью юридических прав гражданина или обладал ими в ограниченных масштабах.

В ходе покорения Италии Рим, в зависимости от конкретных соображений и обстоятельств завоевания, ставил завоеванные народы на разный уровень подчинения, причем наиболее благоприятным для них способом было предоставление побежденной или союзной общине статуса муниципия, т. е. самоуправляемой общины. Различались две категории муниципиев: жители муниципиев первой категории (*municipes cum suffragio*) фактически обладали всеми правами римского гражданства, сохраняя гражданство своего города, и считались *cives optimo iure*, гражданами с наивысшими правами, а жители муниципиев второй категории (*municipales sine suffragio*) имели *ius commercii* и *ius connubii* наравне с римскими гражданами, но не имели политических прав последних.

Муниципалы «с правом голоса» отличались от жителей рим-

ских колоний тем, что последние были римскими гражданами и жителями Рима, которые переселились в колонии, обычно с целью получения земли, тогда как муниципалы были местными жителями, получившими права гражданства. Осуществление ими прав римских граждан было связано со сложностями: голосование проходило в Риме на комициях и требовало личного присутствия. Постепенно намечалась тенденция к правовому сближению муниципалов с римскими гражданами, а после Союзнической войны с принятием законов Луция Юлия Цезаря (90 г. до н. э.) и Плавтия-Папирия (89 г. до н. э.) вся Италия получила римское гражданство.

Особенностью муниципия было и то, что он представлял собой самоуправляемую общину, управление которой было построено по принципу управления в Риме — с местными магистратами (двумвирами, эдилами и квесторами), сенатом и народным собранием². Подчинение римским властям шло по линии общих тенденций внешней и внутренней политики, поставки войск и уплаты налогов, однако местные власти имели больше возможностей для решения внутренних вопросов.

Второй категорией неполноправных граждан были эрарии, лица, принадлежавшие к категории *cives optimo iure*, но по причинам *infamia* («ущемления чести») исключенные из триб и занесенные в списки муниципалов без права голоса.

Промежуточной категорией между гражданами и негражданами были латины. Еще со времен царской эпохи жители городов Латинского союза имели права, сближавшие их положение с муниципалами. После договора Спурия Кассия от 493 г. до н. э. такие права распространились на всех членов Латинского союза. По договору 338 г. до н. э. большинство собственно латинских городов получили римское гражданство, однако статус латинов стал распространяться на латинские колонии (к III в. до н. э. их было около 30, в том числе Аримин, Адрия, Венузий, Брундизий и ряд других). Латины не были римскими гражданами и служили в особых латинских легионах, однако имели *ius commercii* и *ius connubii*. Переселившись в Рим, латины получали римское гражданство. Позднее переселение в Рим было несколько ограничено римскими властями по просьбе властей латинских городов, причем теперь при переселении в Рим

² Подробно о муниципальной жизни см.: Сергеев М. Е. 1) Помпеи. М.; Л., 1949; 2) Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М.; Л., 1964.

латин мог стать римским гражданином только при одном из следующих условий: оставив в своем городе потомка, обвинив в коррупции римского магистрата в случае доказанности преступления, наконец, получение места римского гражданства могло быть связано и с занятием магистратуры в своем городе. Латинские города имели положение, сходное с муниципиями, сохраняли самоуправление и даже чеканили собственную монету, будучи обязанными давать Риму войска и платить налоги.

Особую категорию римских граждан составляли вольноотпущенники. Римское право выделяло две категории лиц, перешедших в гражданский коллектив из рабского состояния: сами вольноотпущенники (либерты) и их дети (либертины). В третьем колене они уже становились полноправными гражданами. Либерты и либертины были членами триб и центурий, однако их записывали только в городские трибы и единственную центурию пролетариев, или *capite censi*. В 312 г. до н. э. цензор Аппий Клавдий провел важную реформу, записав либертов и либертинов во все трибы, позднее цензоры вернулись к старому порядку. Постепенно положение вольноотпущенников стало улучшаться: либертинов стали записывать в трибу на общих основаниях, а либертов — при наличии пятилетнего сына или земельного владения стоимостью в 30 тыс. сестерциев. Либерты, их дети и внуки были полностью лишены *ius honorum*, а либерты и либертины ограничены в браках с сенаторами и всадниками.

Сложности политической карьеры для либертов и их потомков вели к тому, что последние, среди которых было много способных людей, активно занимались экономической деятельностью, часто играя роль деловых агентов своих бывших хозяев, с которыми сохраняли отношения, близкие к клиентским. Источники указывают на наличие к концу Республики большого числа весьма состоятельных вольноотпущенников, часто контролировавших разные сферы экономической деятельности.

Большинство общин и городов Италии считались союзниками (*socii*). Формально это были независимые общины, которые имели самоуправление, но должны были давать римлянам военные контингенты, составлявшие примерно половину римской армии, а также платить дань или нести иные повинности. Некоторые из союзников обеспечивали материальными и людскими ресурсами флот. Отношения между Римом и союзниками регулировались договорами (*foedus*). Наиболее значительными союзниками Рима в Италии

были самниты, луканы, этруски, ряд племен центральной Италии и греческие полисы в южной и центральной Италии. Категория итальянских союзников практически исчезла в начале I в. до н. э. после Союзнической войны 91–88 гг. до н. э., когда последние получили римское гражданство, однако реальное их полноправие достигается только при Цезаре и Августе.

В ходе завоевания Италии появилась новая категория зависимых лиц, так называемых «сдавшихся» (*dedititii*), или перегрины-дедитиции, т. е. «подданные», сдавшиеся на милость победителя. В результате *deditio* (сдачи) побежденное государство переставало существовать в правовом отношении, его граждане попадали под власть римлян, которые решали, какая часть имущества станет подвластной римскому государству³. При наличии собственных администраций побежденное население полностью подчинялось римским наместникам. Перегринов-дедитициев следует отличать от собственно перегринов, термина, обозначающего жителей тех областей, которые добровольно перешли под власть римлян. Как правило, эти последние, равно как и итальянские союзники, имели *ius commercii* и ограниченное *ius connubii*⁴, а если перегрины были гражданами независимого государства, то отношения между ними и Римом регулировались договорами. Особую категорию подвластных Риму общин составляли *civitates liberae* (свободные общины), находящиеся под верховным контролем Рима, но имевшие освобождение от податей в отличие от *civitates stipendiarii*, которые эти подати платили.

Уже в Италии на положении перегринов оказались бруттии, а первой заморской территорией (провинцией) стала Сицилия, где впервые была использована провинциальная система управления. После I Пунической войны около половины острова имело статус союзников, причем привилегированным союзником был Гиерон II, правитель Сиракуз, держава которого сохранила независимость и даже была увеличена. Гиерон не должен был платить никаких податей, и всякие действия с его стороны, заключавшиеся в военной и материальной помощи, воспринимались как услуги римлянам. Будучи, однако, равноправными формально, эти отношения все же были договором старшего и младшего партнеров, напоми-

³ Бартошек М. Римское право (понятия, определения, термины). М., 1989. С. 102.

⁴ Там же. С. 242.

навшие отношения вассалитета. Другие общины (Мессана, Тавромений, Кентуриппы, Панорм и др.) были близки к положению италийских *socii*, поставляя войска и деньги, а остальные общины считались подданными (*dedititii*) и платили римлянам десятину, налог, унаследованный от карфагенян и Гиерона. Система вассальных государств, союзных отношений, *civitates liberae* была особенно распространена во II в. до н. э. во времена первых крупных завоевательных кампаний, особенно в Балканской Греции, тогда как в других областях (особенно в центральной и северной Испании, южной Галлии, Иллирике и дунайских провинциях) переход под римский контроль был более полным. Система вассальных царств была особенно распространена в центральной и восточной Малой Азии, в Северной Африке, а также — на границе с Парфией и на Дунае.

В провинциальной системе республиканского Рима прослеживается тенденция постепенного перехода от системы косвенного к системе прямого подчинения, при которой свободные общины и союзнические царства получали статус подданных. Процесс особенно усилился в середине II в. до н. э. когда римляне начали прямую аннексию ряда вассальных территорий в Греции, Малой Азии и Африке и создали провинции: Македонию (148 г. до н. э.), Африку (146 г. до н. э.) и Азию (133 г. до н. э.). Римские завоевания I в. до н. э. и последующей Империи завершаются непосредственным переходом к провинциальной системе, а в случае военного завоевания — превращением населения в *dedititii*.

Степень самоуправления провинциальных полисов была ограничена как контролем со стороны провинциальных римских наместников, так и изменениями внутри городского самоуправления, когда свободные выборы все более заменялись принципами кооптации⁵. Особенностью жизни в римских провинциях стало появление в городах римских граждан, приезжавших сюда или даже постоянно живущих в провинциальных городах. Римляне обычно не получали местного гражданства, но могли иметь земли на их территориях, образовывать специальные *conventus*, участвовать в принятии решений или даже определять жизнь города⁶, власти которого обычно совершали основные действия в соответствии с во-

⁵ Свенцицкая И. С., Ковельман А. Б. Восточные провинции Римской империи // История Древнего мира. В 3 т. / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. 3. М., 1989. С. 77.

⁶ Там же.

лей граждан. Наличие этих привилегированных «неграждан» наносило удар по правовым различиям среди свободного населения, и практика расширения римского гражданства в провинциях относится уже ко времени конца гражданских войн и эпохи Империи. В римский период, однако, продолжается практика эллинистического времени, когда человек мог иметь гражданство в нескольких полисах и даже выполнять там почетные обязанности, причем зачастую это были именно римские граждане⁷. В республиканскую эпоху большинство провинциальных общин имело статус peregrini, и лишь немногие получали статус римской колонии (если это были колонисты из Рима) или статус колонии с латинским правом.

Низшей категорией населения Римского государства были рабы, практически лишенные каких бы то ни было прав не только в плане гражданского статуса, но и в плане личной свободы. Особенностью республиканского времени по сравнению с ранним периодом стало резкое увеличение числа рабов, особенно в результате войн II-I вв. до н. э., когда Рим перешел к так называемому классическому рабству. Источниками пополнения рабского населения были завоевательные войны и разграбление захваченных территорий, морской разбой, система работорговли и естественное воспроизводство. Единственной всерьез защищенной от рабства группой населения были римские граждане и латины, а рабство в провинциях было распространено очень широко⁸. Именно в эпоху Республики рабство принимает наиболее жесткие формы, что в значительной степени вызвало кризис республиканского строя, многочисленные попытки реформ, рабские восстания и гражданские войны, завершившиеся переходом к Империи.

Примерный подсчет соотношения римских граждан и населения огромной Римской державы достаточно важен. Некоторый материал предоставляют данные цензов римских граждан, имеющиеся у

⁷ Там же.

⁸ Тема рабства в античном и, в частности в римском мире, очень детально разработана в отечественной историографии. См.: *Ельницкий Л. А.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII-VI вв. до н. э. М., 1964; *Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985; *Кузищин В. И.* 1) Римское рабовладельческое поместье. М., 1973; 2) Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. – I в. н. э.). М., 1976; *Штаерман Е. М.* 1) Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964; 2) Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978.

нас в довольно большом количестве. Цензы 300–234 гг. показывают от 241 до 297 тыс. граждан (учитываются только военнообязанные мужчины). Цифру для всего населения можно увеличить в 3–4 раза (около 1 млн человек). Согласно переписи всего военнообязанного населения Италии (мужчины 18–60 лет) (данные для 227 г. до н. э. приводит Полибий) общая его численность составляла около 900 тыс. человек, т. е. общего населения насчитывалось 2,7–3,5 млн, более трети из них были римлянами.

Значительное увеличение числа граждан происходит после Союзнической войны, в цензе 86 г. до н. э. указано 463 тыс., а в цензе 70 г. — 910 тыс. человек, когда жители Италии получила римское гражданство.

Новые цифры дают цензы времени Августа: 4063 тыс. человек в 28 г. до н. э. и 4233 тыс. человек в 8 г. до н. э. Мнения исследователей по поводу этого расхождения различны. Как считают Ю. Белох и П. Брюнт, причиной его было изменение «формулы ценза» (*formula censendi*) и внесение в списки женщин и детей. Другие исследователи объясняют рост цифр другими факторами: реальное распространение гражданства на Италию, происшедшее именно при Августе, появление большого количества новых граждан в Цизальпийской Галлии при Цезаре (1–1,5 млн человек) и граждан провинциях (около 800 тыс.). На долю Италии приходилось около 2,5 млн (общее население порядка 7–9 млн). Последняя цифра примерно отражает количество свободных граждан Италии эпохи принципата. Кроме того, по разным подсчетам, в Италии было от 1 до 3 млн рабов.

Несколько труднее оценить население провинций. Население Испании оценивается исследователями в 5–6 млн⁹. Со времен Цезаря и Августа около одной десятой из них составляли иммигранты из Италии, часть которых (около 100 тыс. человек) имела римское гражданство. Примерно столько же (5–6 млн) насчитывало население Галлии и, возможно, Африки. В целом, население восточных провинций республиканского Рима I в. до н. э. могло достигать 35 млн человек¹⁰. В I веке до н. э. оно могло быть меньше (20–25 млн), Египет с его восьмимиллионным населением вошел в состав Империи в 30 г. до н. э.

⁹ Циркин Ю. Б. Древняя Испания. М., 2000. С. 198.

¹⁰ Курбатов Г. Л. История Византии. М., 1984. С. 24.

Итак, к концу республиканского времени на 250–300 тыс. римских граждан (1 млн человек с учетом семей) приходилось, видимо, около 30–40 млн неграждан, в основном жителей провинций. Большая часть из них имела статус peregrini. Некоторое число составляли союзники и граждане «свободных общин» (*civitates liberae*). В Италии и провинциях было много рабов. Численность рабов в Италии достигала не менее 2–3 млн, а соотношение между рабами и свободными в некоторые периоды достигало соотношения от 1:2 до 1:1. Процент рабов в провинциях был также достаточно велик. Кроме того, оставалась перспектива порабощения провинциального населения, которое в правовом отношении реально не было защищено от рабства. Эта ситуация создавала критическое положение, которое во многом определило и события гражданских войн, и последующую политику Империи в направлении массового и постепенного предоставления гражданских прав жителям провинций.

Римским гражданином можно было стать и можно было родиться. Гражданином по рождению считался человек, рожденный в квирическом браке (именно в этом, видимо, и заключался смысл *ius connubii*), причем хотя бы один из родителей должен быть равноправным гражданином или гражданкой, в таком случае ребенок становился *civis optimo iure*. Что касается дарования гражданских прав, то встречаются как индивидуальное, так и коллективное предоставление римского гражданства. Вопросы индивидуальной кооптации решали куриатные комиции.

В период завоевания Италии римляне установили сложную систему вступления в новую федерацию. Некоторые общины сразу получали права римского гражданства, причем вначале этот вопрос решал сенат, а затем он был передан в ведение комиций, центуриатных или трибутных. В последний век Республики крупные римские полководцы, пользуясь огромной властью, сами давали права гражданства целым народам, обычно, впрочем, проводя это через народное собрание. Позже эта практика перешла к императорам. Имело место и индивидуальное предоставление гражданских прав в зависимости от статуса (соответственно для латинов, peregrini и рабов).

Потеря прав гражданства могла произойти двумя способами: в результате собственного желания гражданина (что случалось крайне редко) либо по воле общины. Гражданин мог лишиться

гражданских прав также при дезертирстве или отказе служить в войске. Наконец, цензор мог занести полноправного гражданина в разряд эрариев. До закона Петелия-Папирия (326 или 313 гг.) гражданства лишалось лицо, осужденное в качестве должника, однако позднее это было отменено, поскольку человек не терял личной свободы.

Категория *cives optimo iure* делилась на три сословия: сенаторы, всадники и плебс. Особую проблему представляют история всаднического сословия и его правового статуса. Всадники (*equites*) появились еще в начале царского периода, причем если одни исследователи отмечают различие между *equites* (всадниками) и целерами, то другие считают их одним и тем же сословием¹¹. Увеличение числа центурий было связано с именем Тарквиния Древнего, когда центурий стало шесть, и эти последние стали называться *sex suffragia* («шесть голосующих») — термин, который вызывает ряд неясностей. Полагают, что эти центурии включали в себя прежде всего представителей древнейших аристократических родов. Еще 12 центурий были созданы Сервием Туллем, причем последние состояли из богатых плебеев. С тех пор число всаднических центурий не менялось, но их численность выросла до нескольких тысяч человек. Спецификой всаднического сословия было наличие самого высокого имущественного ценза (более 100 тыс. сестерциев) и цензорской аттестации, причем человек попадал в сословие не только в силу факта рождения, но и в силу своих заслуг. Всадники получали от государства лошадь либо деньги для ее приобретения (10 тыс. сестерциев), а также деньги для ее содержания (*aes hordearium*). Став всадником, человек каждые 5 лет подвергался цензорской аттестации. К началу III в. до н. э. среди всадников появлялись богатые люди, именуемые *equites equo privato* («всадники с частной лошадью»).

Важным конституирующим законом для всаднического сословия стал судебный закон Гая Гракха, который передал в руки всадников комиссии по делам о вымогательствах (*de repetundis*). По мнению Кл. Николе, именно этот закон четко провел размежевание внутри сословия. В 66 г., по закону Росция Отона, за всадниками были закреплены первые 14 рядов в театре.

¹¹См. фундаментальнейшее исследование о римском всадничестве французского историка Кл. Николе: *Nicolet Cl. L'ordre equestre a l'epoque republicaine* (312–43 av. J. C.). Paris, 1966. P. 278–279, 311–314.

Именно сочетание цензового и служилого принципов было характерно для римских высших сословий. Уже в IV–III вв. до н. э. всадники не столько были рядовыми кавалеристами, сколько офицерами, префектами и военными трибунами. Просопографическое исследование Кл. Николе показывает, что всадники могли быть земельными собственниками, представителями делового мира, публиканами (*negotiatores, argentarii*), военными трибунами и префектами, представителями интеллектуальных профессий (юристы, ораторы, писатели), многие имели родственников-сенаторов, что показывает тесную связь этих сословий. Именно всадники были также публиканами, бравшими на откуп государственные налоги. Всадническим отличием были одежда (тога с пурпурной каймой) и золотое кольцо, позднее ставшее атрибутом свободнорожденных.

Отличительным было и положение сенаторов. Они носили особую одежду и обувь, имели особое место на празднествах и, главное, были членами правящего органа, сената, чем определялись их привилегии и отличительные права. Звание сенатора было пожизненным, однако каждые 5 лет при цензуре проводилась своеобразная переаттестация сенаторов. Отметим, что этот сюжет более правомерно рассмотреть в разделе о государственных органах римской Республики (см. тему 4). В юридическом плане сенаторы до начала политической карьеры принадлежали к всадническому сословию и только начав ее попадали в *ordo senatorius*.

Значительную проблему представляет собой и содержание понятия *nobilitas*, под которым обычно подразумевают римскую аристократию. Понятие *nobilitas* не имеет достаточно четких границ, как правило так обозначали людей, занимавших высшие магистратские должности, и их потомков. По дефиниции, введенной в обиход М. Гельцером, особой категорией знати были члены консульских семей¹², за которыми признавалось исключительное право именоваться *nobiles*. Причиной выдвигается то, что консулы и консуляры получали самые крупные армии, самые значительные провинции и наиболее важные экстраординарные полномочия, причем только консуляр мог стать цензором или диктатором (исключения были крайне редки). Наконец, просопографический материал указывает, что в период с 508 по 48 г. до н. э. большинство кон-

¹² *Gelzer M. Regimentsfähigkeit und Nobilität der Römischen Republik. München, 1912. S. 42.*

сульств занимали члены 35–40 семей. В отличие от *ordo senatorius* понятие *nobilitas* не было юридической дефиницией, будучи скорее дефиницией фактической, отражавшей положение в социальной, экономической, политической и идеологической сферах.

Идеологическим оправданием роли *nobilitas* было то, что положение римлянина в обществе зависело от его положения в государственной иерархии. В понимании римлян магистратура была не только *administratio*, но и *honos* — почетом, актом признательности со стороны государства за оказанные ему услуги. *Nobiles* прежде всего ссылались на личную доблесть (*virtus*), а также на услуги, оказанные ими и их родами государству. Особое положение было наградой со стороны государства за эти действия. Хотя реально *nobilitet* был замкнутым, теоретически доступ в него был открыт всем способным людям.

Завершая обзор римских сословий, следует отметить, что в условиях Рима они имели двойственный, цензово-служилый характер. По мнению французского исследователя Кл. Николе, понятие *nobilitas* включает в себя особый отбор, проводимый государством и имеющий смысл прежде всего в связи с ним. Римское общество носило кастовый характер, но эти касты не были неизменными, они детерминировались выполнением политической функции¹³. В этом четко выразился полисный принцип подчинения личности государству.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Гай. Институции / Лат. текст и русский пер. Ф. Дыдинского. Варшава, 1892.

Ливий Тит. Римская история от основания города. В 3 т. / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой, М. А. Гаспарова, С. Г. Кнабе, В. М. Смирин. М., 1989–1993.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Пер. с греч. под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.

¹³ Nicolet Cl. Op. cit. P. 460.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги «О государстве», «О законах». В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1962.

Цицерон Марк Туллий. Речи. В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1966 (2-е изд. — 1993 г.).

Хрестоматия по истории древнего Рима. В 3 т. / Под ред. С. Л. Утченко. Т. 3. М., 1962. С. 31–315.

Литература

Бартошек М. Римское право (понятия, определения, термины). М., 1989.

Беликов А. П. Римское частное право. Ставрополь, 1995.

Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.

История древнего Рима. 3-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994 (гл. 5, 6, 8, 10, 11–15).

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986 (гл. 9–11, 18–22).

Машкин Н. А. История древнего Рима. 3-е изд. М., 1969 (гл. 6, 11, 12, 14, 16, 18, 20).

Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983.

Сергеевко М. Е. Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М.; Л., 1964.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978.

Методические указания к теме

Тема римского гражданства и категорий населения в Римской республике весьма трудна для изучения. Особенность темы состоит в том, что достаточно сложно найти источник, содержащий компактную историческую информацию. Сведения о разных сюжетах темы имеются едва ли не во всех произведениях античных авторов, посвященных республиканской истории, а приведенная выборка литературы, по нашему мнению, может дать возможность представить определенное введение в тему.

Из источников наиболее значительную информацию для раннего периода (V–III вв. до н. э.) дают Ливий и Дионисий Галикар-

наский, а далее особенно важной становится информация Цицерона, Аппиана и Плутарха. Для истории рабства, помимо исторической информации, важны сведения писателей, посвятивших свои труды сельскому хозяйству, — Катона и Варрона. Правовые аспекты гражданства рассмотрены у римских юристов, прежде всего в «Институциях» Гая. Столь же важны эпиграфические и документальные источники. Общее представление о круге источников по теме римского гражданства и основных категорий полноправных граждан, неполноправных граждан, неграждан и зависимого населения в Римской республике может дать «Хрестоматия по истории древнего Рима» под ред. С. Л. Утченко (М., 1962), а представление о литературе по данному вопросу — коллективное исследование «Историография античной истории» под ред. В. И. Кузицина (М., 1980).

Наиболее важно при изучении темы 3 обратить внимание на определение понятия *res publica*, римское понимание соотношения монархии и республики, вопросы о получении политических прав плебеями, о наличии различных категорий населения и их правах (муниципалы, латины, вольноотпущенники, союзники, дедиции). Особую проблему представляет положение жителей римских провинций, причем ей посвящена обширная исследовательская литература (исследования А. Б. Рановича, О. В. Кудрявцева, С. И. Ковалева, Я. А. Ленцмана, Е. М. Штаерман, Е. С. Голубцовой, И. С. Свенцицкой, Ю. Б. Циркина, А. Г. Бокщанина, Г. М. Лившица, Ю. К. Колосовской, Н. Н. Беловой, Н. Ф. Мурыгиной), обзоры историографии можно найти в «Историографии античной истории» (М., 1980), а также в соответствующих историографических обзорах в учебниках. Еще один принципиальный вопрос темы — положение всаднического и сенаторского сословий и их отношения с римским нобилитетом.

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО РИМА

Началом республиканского строя, т. е. превращения родовой организации в государственную, был переворот 509 г. до н. э., свергший царскую власть.

В период Республики народное собрание было основным законодательным органом, имевшим также высшую избирательную и высшую судебную власть. В Риме выделялись три типа политических собраний народа (*contio*, *concilia*, *comitia*), причем в эпоху Республики их различие проявилось достаточно четко. *Contio* представляло собой обычную народную сходку, на которой народ заслушивал информацию или просто обменивался мнениями, т. е. практически любое народное собрание, не имевшее формального характера. *Concilia* чаще всего применяется по отношению к собранию какой-либо части народа (например, *concilia plebis*), а *comitia* были правомочными собраниями народа, принимавшими юридические нормы, обязательные для римских властей. От царского периода Республика унаследовала три типа комиций: куриатные, центуриатные и калатные (*curiata*, *centuriata*, *calata*), что же касается трибутных комиций, то это был новый тип народного собрания, образовавшийся из плебейских сходок, а затем приобретший значение общегосударственного органа.

Общим для комиций был принцип инициативы со стороны председательствующего магистрата. Он председательствовал в собрании (*contionem habere*), выступал сам и определял, кому предоставить слово. Только он мог закрыть собрание или сделать ренунции-

ацию, т. е. объявить результаты голосования, причем в противном случае у него было право этого не делать. Если на *contio* допускалась свобода дискуссии, то на комициях она отсутствовала, и народ давал конкретный ответ на конкретно поставленный вопрос.

Судьба самого древнего вида народных собраний, куриатных комиций, довольно неоднозначна. Будучи архаичным и в основе своей патрицианским собранием, курии начали оттесняться на второй план как центуриями, так и трибами, и их компетенция стала сужаться. За куриями оставались функции пополнения патрициата и вопросы усыновления и кооптации в патрицианский коллектив. Остальные вопросы регулирования переходят к цензорам, а также к другим типам комиций (объявление войны — к центуриям, а законодательные полномочия — к центуриатным и трибутным комициям). Достаточно сложным является вопрос об участии плебеев в куриях, которое одни исследователи полностью отрицают, а другие считают вполне возможным, хотя и в ограниченной степени. Одним из аргументов исследователей в пользу последнего мнения выступает участие плебеев в обедах по куриям и куриальных обрядах, а также доступность для плебеев должности *curio maximus* (высшего жреца курии). Последнее, однако, связано не столько с допуском плебеев в курии, сколько с получением ими государственных должностей. Так или иначе, но куриатные комиции представляли собой именно патрицианские собрания, и с расширением прав плебеев они стали уходить на второй план.

Наверное, самым сложным вопросом, связанным с куриатными комициями, считается вопрос о *lex curiata de imperio*, т. е. утверждении куриями *imperium* магистратов. Одни исследователи считают, что куриатный закон существовал уже при царях, другие полагают, что он появился только во времена Республики¹. Более обоснованным представляется первое мнение, поскольку мы имеем четкую традицию утверждения царской кандидатуры на народном собрании, а единственной его формой были первоначально именно куриатные комиции. Другим вопросом, связанным с темой *lex curiata de imperio*, является проблема *auctoritas patrum*, т. е. утверждение решений комиций *patres* (отцами). Хотя большинство исследователей считает, что под *auctoritas patrum* имеется в виду утвержде-

¹ Martino F. de Intorno all'origine della repubblica romana e delle magistrature // ANRW. Tl. 2. Bd. 1. Berlin; New York, 1975. P. 219–220.

ние сенатом, существует мнение (в частности, мнение французского исследователя К.л. Мипуле), что утверждающей инстанцией могли быть и патрицианские куриатные комиции, а не сенат. В сообщениях Ливия и Дионисия Галикарнасского речь, однако, идет именно о сенатском утверждении, которое по закону Публилия Филона от 339 г. до н. э. давалось до, а не после принятия решения комициями. Не исключено, что народные трибуны приобрели или узурпировали право интерцессии против куриатных комиций.

Узкий патрицианский характер и архаизм куриатных комиций привел к их постепенному отходу на второй план перед другими формами собраний — центуриатными и трибутными. В I в. до н. э. куриатные комиции практически перестали собираться, а их функции выполняли 30 ликторов. Вместе с тем куриатные комиции оставались тесным образом связанными с *comitia calata*, продолжавшими осуществлять религиозные обряды, и в этом смысле *lex curiata de imperio* можно понимать именно как религиозную санкцию власти должностного лица, избранного другим типом комиций — комициями центуриатными.

Центуриатные комиции, созданные Сервием Туллием, стали в V–IV вв. до н. э. основным видом народного собрания, в полной мере отражая социальные отношения в римском обществе. Важнейшая черта комиций — их первоначальный строго военный характер. Так, собирать центуриатные комиции мог только магистрат с империем (обычно консул или претор) или экстраординарный магистрат, заменявший высшее должностное лицо (диктатор, децемвир, интеррекс, начальник конницы). Позднее это могли делать цензоры, империя не имевшие, и народные трибуны, но последние предпочитали обращаться к трибам. Магистрат обычно объявлял день собрания особым эдиктом, собрание происходило на Марсовом поле, бывшем местом военных смотров, а на Яникуле поднимали красный флаг.

После сбора народа магистрат совершал гадания (ауспиции) и начинал собрание. Народ строился по центуриям и трибам, причем в более ранние времена люди являлись на такие комиции вооруженными, поскольку собрание могло быть военным смотром и даже прелюдией для отправления в поход. Как и в случае с куриатными комициями, председатель задавал вопрос в максимально конкретной форме, после чего проводилось голосование. В его конце председатель делал ренунциацию, т. е. объявлял результаты

голосования. Собрания могли происходить только в специальные комициальные дни.

Согласно традиции процедура голосования в центуриях была ступенчатой. Вначале шел подсчет голосов в отдельных центуриях, а затем — подсчет соотношения голосов между центуриями, причем каждая центурия имела один голос. Распределение центурий было крайне неравномерным: 1-й класс (граждане с цензом более 100 тыс. ассов) выставлял 80 центурий; 2–4-й классы (соответственно с цензами 75, 50 и 25 тыс. ассов) выставляли по 20 центурий; 5-й класс (с нижним уровнем ценза 12,5 или 11 тыс. ассов) — соответственно 30 центурий. 18 центурий имели всадники, голосовавшие перед 1-м классом, 2 центурии — ремесленники (голосовали с 1-м классом) и 2 центурии — музыканты, голосовавшие с 5-м классом. Те, кто находился ниже черты бедности, именовались *proletarii* и составляли одну центурию, игравшую роль обозной прислуги (Liv., I, 43). В эту же центурию записывали и вольноотпущенников. По своей структуре центуриатные комиции отвечали той военной системе, которая сложилась в раннереспубликанский период, когда римская община была небольшой и имела недемократический характер. Как упоминалось выше (см. тему 2), центуриатная система в описанной Ливием форме могла сложиться уже в VI в. до н. э., однако не исключено, что ее окончательное развитие приходится на время V и даже IV вв. до н. э.

С середины IV в. начинаются преобразования, целью которых было приведение комиций в соответствие с новой численностью и структурой гражданства. Важной предпосылкой стало резкое увеличение числа граждан с 80 тыс. при Сервии Туллии до приблизительно 260 тыс. в IV в. до н. э. и более 300 тыс. в конце II в. до н. э.² Перемены были связаны также с несоответствием между избирательными и военными центуриями и превращением последних в избирательные округа, снижением границы ценза и соотношением структуры центурий со структурой триб.

Реформа центурий, видимо, произошла в середине III в. до н. э.³

² Подробная информация о римских цензах и динамике изменения количества римских граждан содержится в монографии Я. Ю. Заборовского «Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике» (Львов, 1985. С. 6–64). В монографии также имеется обзор литературы вопроса и таблицы данных.

³ Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986. С. 206–207.

С этого времени каждая триба (всего их было 35) выставяла по 10 центурий, а каждый из пяти классов имел по 2 центурии в каждой трибе. Система увеличила общее число центурий до 350 (2 центурии \times 5 классов \times 35 триб), к которым прибавлялись прежние центурии всадников, ремесленников, музыкантов и пролетариев. Общее число центурий достигало теперь 373, и монополия первого класса была ликвидирована. С введением тайного голосования во II в. до н. э. повысилась и степень независимости комиций, а позже была ликвидирована привилегия всаднических центурий голосовать первыми.

Вопрос о полномочиях центуриатных комиций оказывается непростым, если попытаться соотнести их с полномочиями других видов народного собрания, а также если взглянуть на них с точки зрения взаимодействия с сенатом и магистратами. Центральными сферами деятельности комиций были принятие законов, объявление войны и заключение мира, выборы и юрисдикция. Судя по всему, после реформы Сервия Туллия центуриатные комиции принимали все основные законы, став главным видом народного собрания. Традиция довольно редко дает возможность определить, какие комиции принимали те или иные законы, и известным рубежом могут быть постановления о придании силы закона плебисцитам, причем здесь имеются три разные датировки: 449, 339 и 287 гг. до н. э. (Liv., III, 55; VIII, 12)⁴. В исследовательской литературе существуют разные мнения относительно этих дат (отрицание первой даты как анахронизма, принятие версии о законе Валерия-Горация; утверждение о необходимости повторного принятия законов из-за их несоблюдения и, наконец, мнение о постепенном расширении и разработке закона о плебисцитах). Особенно важным оказывается вопрос об историчности закона Валерия-Горация, поскольку, принимая эту версию, приходится отказаться от мнения, что законы V-IV вв. до н. э. принимались только центуриями, и предположить более сложное развитие событий. Так или иначе, но факт принятия законов Филон и Гортензия связан с ликвидацией долговой кабалы в 326 (или 313) гг., а также со значительными улучшениями в аграрном вопросе.

Точная компетенция центурий связана с военными вопросами: выборы магистратов с *imperium* (т. е. правом командовать армией),

⁴Там же. С. 98.

решение вопроса об объявлении войны и заключении мира, раздел военной добычи, разборы конфликтов между магистратами. В источниках есть указание на то, что именно центуриатные комиции приняли Законы XII таблиц (Liv., III, 34). Сложнее оказывается вопрос о принятии двух других категорий законов времени ранней Республики: законов конституционных и многочисленных аграрных законов. Учитывая, что аграрные законы принимались в интересах бедноты, участие именно трибутных комиций оказывается более вероятным. После закона Гортензия начинается процесс перехода законодательных функций в руки трибутных комиций, естественно, с сохранением за центуриями военной компетенции.

Полномочия центурий в области выборов были определены более четко. Центурии выбирали всех магистратов с империем (консулы, преторы, трибуны с консульской властью), а также цензоров, причем выборы последних были связаны как со значимостью магистратуры, так и с тем, что цензоры имели дело с военными наборами. Центурии не участвовали в выборах народных трибунов и плебейских эдильов, что же касается квестуры и патрицианского эдилитета, то можно предположить, что со временем их выборы перешли к трибам. Утрата полномочий в законодательстве компенсировалась приоритетом центурий в избирательной власти.

Центуриатные комиции играли значительную роль и в юрисдикции, становясь последней инстанцией в судебном процессе. Любой римский гражданин имел право апелляции к народу в случае смертного приговора, вынесенного магистратами, а позднее — и в случае телесных и денежных наказаний. Традиция *provocatio* (апелляция к народному собранию) идет с царского периода, однако в установившуюся процедуру она превращается в республиканское время: вначале по закону Валерия Публикола от 509 г. до н. э. (Liv., II, 8), затем в соответствии с Законами XII таблиц, далее — Валерия Горация (449 г.), законом Валерия (300 г.) (Liv., X, 9), законами Порция Катона (середина II века) и Семпрония Гракха (123 г.). Специальные сюжеты, связанные с законом о провокации, — это прежде всего вопрос об историчности традиции, о ранних законах, возможно, допускающих повторы, а также вопрос об обязательности процедуры и ее характере. Исследователи полемизируют и относительно того, были ли процессы о провокации обязательной частью криминального процесса, как считал Т. Моммзен, или же процедурами *ad hoc*, как полагают противники его теории.

Юридически справедливо именно мнение Т. Моммзена, а его оппоненты, видимо, правы в том, что апелляция и ее осуществление были реально затруднены самой процедурой, когда для привлечения интереса народа требовалось придать делу значение государственной важности. Мнение Т. Моммзена подтверждается и тем, что законы о провокации предполагали наказание магистратов, которые их не соблюдали и запрещали или не давали римским гражданам эти права реализовать, причем санкцией за несоблюдение закона стали смертная казнь или изгнание.

Народное собрание выступает и в качестве суда по крупным политическим делам, когда инициатором было само государство, а обвиняемый уже не мог использовать апелляционное право. В период ранней Республики инициаторами таких дел обычно выступали трибуны (см.: Liv., II, 34–35; III, 29). Есть основания полагать, что в период сословной борьбы многие процессы политического характера происходили именно в комициях, а усложнение политической жизни, рост числа судов и консолидация нобилитета, а также организация *quaestiones* реально снизили роль комиций в судебной области.

Особенностью трибутных комиций было их появление из стихийных сходов плебеев, которые позднее организовывались по трибам и именовались *concilia plebis*. В период фактического разделения патрициев и плебеев они были только собраниями, выражающими мнение плебеев, их постановления не были обязательными для патрицианских властей. Первым актом признания выборных полномочий трибутных комиций стало введение первой плебейской магистратуры, народного трибуната, избираемого на *concilia plebis*. Вопрос о трибунате имеет весьма сложный характер и будет рассмотрен ниже, однако он крайне важен для процесса превращения плебейских собраний в народное собрание, после чего появились законы Филона и Гортензия. Вероятно, именно с этих двух законов происходит превращение *concilia plebis* в трибутные комиции.

Различие между *comitia tributa* и *concilia* заключалось в том, что в первые входили как патриции, так и плебеи, а во вторые — только плебеи. Говоря о *concilia plebis*, надо отметить, что в позднее время грань между ними и трибутными комициями практически стирается, и *concilia plebis* сохраняют свои функции только для выборов народных трибунов и плебейских эдилов. Узаконивание решений трибутных комиций привело к слиянию *lex* (зако-

на) и *plebiscitum* (постановления *concilia plebis*) в единое понятие *lex plebiscitum*. За плебисцитом оставалось одно важное преимущество — возможность выносить это постановление непосредственно к народу, минуя предварительное обсуждение в сенате. Эта практика особенно характерна для гракханских времен, когда конфликт между сенатом и народным собранием возобновился.

По своему типу трибутные комиции были наиболее демократичным видом народного собрания. Голосование проходило по трибам. Каждая триба имела один голос. К началу III в. до н. э. число триб достигло 35 (4 городские и 31 сельская). Изменения начинаются только во времена Союзнической войны 91–89 гг. до н. э., когда союзники были записаны в 8 или 10 новых триб (*Vell. Pat.*, II, 20; *App. B. C.*, I, 53), однако вскоре число триб достигает первоначального количества. Трибы были бессословны: в их состав входили патриции, плебеи, вольноотпущенники и клиенты. Для вхождения в трибу не требовалось никакого ценза, но даже при этой системе число людей в отдельной трибе не было одинаковым. 35 триб делились на 4 городские (*urbani*) и 31 сельскую (*rustici*), причем городские трибы были многочисленнее сельских, и потому реальная цена голосов в сельских трибах была выше. Из триб были исключены *cives sine suffragio* и эрарии, а либерты и либертины были вписаны только в 4 городские трибы.

Процедура деятельности трибутных комиций была значительно проще, чем центуриатных. Председательствовать мог магистрат с империем или без него, однако если консулы, преторы, цензоры, курульные эдилы, как правило, созывали *comitia tributa*, то народные трибуны и плебейские эдилы обычно созывали *concilia plebis*. Созыв комиций не требовал эдиктов, местом сбора был специальный комиций на форуме или другое место в пределах городской черты (померия). Во время голосования по жребию определялась триба, которая должна была голосовать первой. Процедура голосования была аналогична процедуре голосования в центуриатных комициях, а со II в. до н. э. стали появляться бюллетени. Как и в случае с центуриатными комициями, *comitia tributa* не могли собираться без инициативы магистрата, а закон был недействителен без процедуры *renuntiatio*.

Трибутные комиции имели обширные законодательные полномочия. После закона Гортензия они постепенно вытесняют центурии из области законодательства, так что во II–I вв. до н. э. основ-

ные законы обычно принимались трибами. Меньшими были полномочия трибутных комиций в отношении выборов, однако *comitia tributa* выбирали достаточно большое число низших магистратов (квесторов, курульных эдилов, военных трибунов), а на *concilia* избирались трибуны и плебейские эдилы. На трибутных комициях также выбирали некоторых экстраординарных магистратов, в частности аграрных триумвиров.

Практически неизменным оставалось положение с *comitia calata*, продолжавшими заниматься сакральными вопросами и выбирать римских жрецов. Особенностью *comitia calata* было то, что их обычно собирал верховный понтифик, местом сбора была *Curia Calabrigia*, а сбор осуществлялся только через специальных прислужников (*calatores*).

Теперь, после всего сказанного выше, можно рассмотреть вопросы о реальной власти народного собрания и о наличии в Риме народного суверенитета, а также об эволюции комициального устройства. Народное собрание в Риме решало все основные вопросы законодательного характера, избирало всех государственных руководителей, магистратов, и было последней инстанцией в криминальном процессе. Закон, принятый народным собранием, считался высшим юридическим актом и имел преимущество перед любой другой правовой нормой. Вместе с тем проблема народного суверенитета, детальному рассмотрению которой посвящены, в частности, исследования С. Л. Утченко, представляется достаточно сложной и часто решается в сторону отрицания факта его существования⁵.

Исследователи, полемизирующие с идущей от Т. Моммзена идеей о наличии в Риме суверенитета народа, указывают на ряд обстоятельств. Так, ученые констатируют значительную роль магистрата и сильную степень его инициативы, когда *lex* оказывается результатом сотрудничества между магистратом и народом, а также отмечают большие возможности должностного лица по проведению или блокированию решения народа именно во время его приня-

⁵ Подробный обзор историографии по вопросу о суверенитете народного собрания см.: Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 83–85. — Сам автор считает, что под суверенитетом римляне понимали всю совокупность общины, в том числе магистратов и сенат, тогда как народовластия в смысле господства народного собрания у них не было. Другие ученые, впрочем, склонны соглашаться с идеей наличия суверенитета. См.: Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 244.

тия. Другим фактором ограничения полновластия комиций оказывалась коллективная система голосования, нивелировавшая роль голосов отдельных граждан. Полисный характер Рима допускал возможности собрания только в городе, что практически исключало из голосования римских граждан, живших вдалеке от Рима. В центуриатных и даже в трибутных комициях более зажиточные люди имели большинство по сравнению с остальными. Так, в трибутной системе существовала практика, когда знатные и зажиточные люди записывались в сельские трибы. Деятельность комиций сдерживали еще два обстоятельства: предварительное обсуждение постановления сенатом и вначале реальное, а затем формальное утверждение со стороны *patres*.

Тема континуитета собраний царского периода и Республики была рассмотрена в исследованиях Б. Нибура и Т. Моммзена, которые показали, что при всех различиях в положении комиций генетическая связь между ними продолжала сохраняться. Так, факторами континуитета надо считать наличие основных функций собрания (выборы, принятие законов, криминальная юрисдикция), вмешательство комиций в общественную жизнь, по преимуществу в поворотных ситуациях, и большую роль магистратов и сената. Вместе с тем свержение царей, бесспорно, создавало для комиций принципиально иное положение.

При рассмотрении эволюции комициальной системы следует обратить внимание на развитие принципа народовластия в Риме в процессе превращения небольшой полисной республики V–IV вв. до н. э. в огромную полисную державу и постепенного изменения комициальной структуры. В наследство от царского периода Республике достались два типа собраний, патрицианские по сути куриатные комиции и военные собрания по центуриям, включающие патрициев и плебеев, но основанные на сильном преобладании зажиточного населения. Новый вид народного собрания, *comitia tributa*, во многом возник как вид собрания альтернативного типа, основанного на бесцензовом принципе. Эта ситуация существовала в период от 509 г. до н. э. до законов Публилия Филона (339 г. до н. э.) и Гортензия (287 г. до н. э.), которые отменили *auctoritas patrum* и признали за трибутными комициями право принимать полномочные юридические решения. С этого времени, когда плебеи полностью получили *ius suffragii* и было ликвидировано долговое рабство, можно говорить о новом этапе развития народного собрания, кото-

рое реально стало суверенным органом. Этот процесс был завершен комициальной реформой середины III в. до н. э., которая ликвидировала основные различия между центуриатными и трибутными комициями в смысле их представительных функций.

Особое положение народное собрание обретает во времена кризиса конца II — начала I в. до н. э. Предпосылкой было то, что увеличение количества граждан до 300 тыс. человек в середине III в. и почти до 400 тыс. человек после гракханских реформ привело к тому, что они не могли быть организованы в народное собрание, в которое входили достаточно разнородные группы: римский городской плебс, жители колоний и муниципиев, сельский плебс, большое количество вольноотпущенников. Среди каждой категории населения были люди разного достатка, и найти общие точки соприкосновения было все труднее. При сохранении и даже развитии прав народного собрания при Гракхах и во времена до Союзнической войны кризис мелкой собственности, развитие рабства, концентрация собственности и длительные заморские войны привели к кризису комициального устройства, а в ходе гражданских войн права римского народного собрания были практически ликвидированы. Вместе с тем даже политические лидеры I в. до н. э. (начиная с Марка и кончая Октавианом Августом) были вынуждены считаться с народным собранием, и основные решения, зачастую формальные, проводились именно через комиции. Существование народного собрания уже при фактически монархическом строе составляло специфику античного общества вообще и римского в том числе.

Кризис комициального устройства был, таким образом, следствием превращения небольшого государства в Империю. Показательно, что именно римские комиции сошли со сцены с падением Республики, а именно с ними и с сенатом был связан римский республиканский строй. С другой стороны, именно комициальное устройство было в наибольшей степени связано с городским управлением, а в условиях, когда Рим не выработал представительной системы, альтернативой республике оставалась единоличная власть. При рассмотрении деятельности комиций и степени демократизации римского общества следует также иметь в виду и то, что представленные в них римские граждане были только верхним слоем населения римского государства, и в этом смысле Рим сопоставим с греческими полисами, причем скорее не афинского, а спартанско-

го типа. За пределами политической жизни оставалось огромное негражданское население державы.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Аппиан Александрийский. Гражданские войны / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935.

Ливий Тит. Римская история от основания города. В 3 т. / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой, М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин. М., 1989–1993.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Пер. с греч. под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.

Полибий. Всеобщая история. В 3 т. / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. 2-е изд. под ред. А. Я. Тьжова. СПб., 1994.

Саллюстий Крисп Гай. Соч. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги «О государстве», «О законах». В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1966 (2-е изд. — 1993).

Цицерон Марк Туллий. Речи. В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962.

Литература

Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.

История древнего Рима. 3-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994 (гл. 9).

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986 (ч. I, гл. 9).

Машкин Н. А. История древнего Рима. 3-е изд. М., 1969 (гл. 8).

Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 1–3. СПб., 1993.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Хрестоматия по истории древнего Рима. В 3 т. / Под ред. С. Л. Утченко. Т. 3. М., 1962. С. 51–293.

Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 22–104.

Тема римского народного собрания тесно связана с темой римского гражданства и темой категорий населения в Римской республике. Учитывая большое значение этих вопросов, следует отметить отсутствие единого компактного источника по деятельности собрания, а сведения о деятельности различных типов римских комиций содержатся в разных источниках. Из конкретных определений полномочий римского народного собрания следует отметить описания устройства центуриатных комиций у Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского (Liv., I, 42–43; Dion. Hal., II, 9–10; 14, 74), описание государственного строя Рима у Полибия (Polyb., VI, 12) и трактат «О законах» Марка Туллия Цицерона. Сведения о деятельности народного собрания Рима и о конституционном законодательстве эпохи борьбы патрициев и плебеев наиболее полно отражены Титом Ливием. Информация Ливия имеет большое значение также для конца III — середины II в. до н. э., периода великих завоеваний и расцвета римских политических институтов. Для этого времени особенно важна и информация Полибия. При рассмотрении деятельности народного собрания в I в. до н. э. крайне важен весь блок источников, причем прежде всего трактаты, речи и письма Цицерона, исторические произведения Цезаря, Саллюстия, а также труды поздних авторов — Плутарха и Аппиана.

При рассмотрении конкретных вопросов наиболее важны вопросы о содержании терминов *contio*, *consilium*, *comitia*, о разделении компетенций разных типов народного собрания, их структуре и исторических причинах появления разных структур комициального устройства. Особое внимание в силу их сложности следует уделить следующим вопросам: о *lex curiata de imperio*, об истории развития трибунных комиций, о превращении их в полномочные собрания, вопрос о разделении функций между комициями, о роли народного собрания в юрисдикции, о соотношении магистратской инициативы и *auctoritas patrum* с деятельностью народного собрания. Вероятно, ключевыми проблемами истории римского народного собрания являются следующие: 1) проблема континуитета собрания при царях и при республике, 2) проблема суверенитета народного собрания у римлян и 3) этапы развития комициального устройства и его кризис в I в. до н. э. Тема комиций — одна из центральных в вопросе об уровне демократического развития античного мира.

При оценке степени демократизма римского общества, наивысшим показателем которого являлось народное собрание, следует иметь в виду то, что представленные в нем римские граждане были только верхним слоем населения огромной Римской державы, а большая часть жителей была исключена из системы выработки решений, даже в форме участия в комициях. Необходимость освоения римлянами огромной державы вела к другим путям развития государственного управления, и, как это ни парадоксально, распространение римского гражданства повлекло за собой развитие имперских структур, сочетавшихся с более живучим местным самоуправлением. Римское народное собрание из общегосударственного постепенно превратилось в городское собрание Рима.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ. РИМСКИЕ РЕСПУБЛИКАНСКИЕ МАГИСТРАТУРЫ

Формирование римской магистратской системы — довольно сложная проблема. Традиционная версия, разделяемая до середины XIX в. историографией, выглядит примерно следующим образом: началом в создании новой магистратской системы была замена царской власти годичной властью двух консулов, переход к которой и считался римлянами актом установления Республики. Главным отличием новой власти от власти рекса была ее кратковременность (1 год) и коллегиальность, ставшие гарантиями от единоличного правления, а возможность временного восстановления последнего была связана с введением временной чрезвычайной власти, заключавшейся в назначении единоличного магистрата (диктатора) на срок 60 дней (позднее — 6 месяцев), причем первая диктатура появилась почти сразу после переворота (в 501 г. до н. э. — Liv., II, 18) или же в близкое к этой дате время. В 451 г. до н. э. с целью создания свода законов были избраны децемвиры для составления законов, *decemviri legibus scribundis*, которые пытались узурпировать власть, а их свержение стало фактически новой революцией.

К 444 г. относится начало первой демократизации высшей власти, когда была введена должность военных трибунов с консулярной властью (*tribuni militum consulare potestate*), которые чередовались с консулами вплоть до принятия закона Лициния-Секстия (Liv., IV, 3–6). С 366 г. до н. э. консульская система была восстановлена (Liv., VIII, 1), причем новым правилом стал паритет патрициев

и плебеев. В начале Республики также была зафиксирована должность помощников консулов, квесторов, ведавших судебными и финансовыми делами. Второй магистратурой, имевшей особое значение, стал созданный в ходе сословной борьбы народный трибунат, традиционная датировка которого — 494 г. до н. э. (Liv., II, 21–27), что создало известную систему политического дуализма, поскольку трибуны стали лидерами плебеев в сословной борьбе.

Итак, если первый период представляет собой консульскую республику с фактически неограниченной властью высших магистратов с империем, то с середины V в. до н. э. консульская власть постепенно ограничивается и ряд ее функций передается другим должностным лицам при оставлении за консулами значительных властных полномочий.

Появление цензуры в 433 г. до н. э. привело к передаче новым магистратам функций, связанных с учетом населения и проведением ценза, с середины V в. до н. э. выборной стала должность квестора, а введение претуры с 366 г. до н. э. повлекло за собой передачу судебных функций новым магистратам.

Если с IV в. до н. э. картина развития магистратской системы становится более засвидетельствованной источниками, то ранний период вызывает споры среди исследователей. Итальянский исследователь Ф. де Мартино приводит широкий спектр мнений относительно первоначальной высшей власти в Римской республике, выделяя три основные точки зрения, представляющие собой альтернативу господствующей в традиции версии. Первой из них является мнение, что вслед за свержением царской власти Римом управляли диктаторы (В. Ине, Э. Корнеманн, К. Ю. Белох), вторая точка зрения — это тезис о неравной коллегиальности и существовании двух консулов (или преторов), один из которых был выше, чем другой (*praetor maximus*) (И. В. Нетушил, С. И. Ковалев, Г. Вейзенберг и др.) и третья — мнение о наличии трех преторов в коллегии во главе с *praetor maximus* (Г. де Санктис). К вопросу о количестве магистратов добавляется вопрос об их терминологическом обозначении.

Если большинство источников именуют этих (высших) магистратов консулами, то словарь Феста указывает, что первоначально консулы именовались преторами, а Дион Кассий именует первых консулов *strategoï*, что обычно обозначает именно преторов. В Законах XII таблиц упоминается претор, что, возможно, дает ос-

нование считать, что так назывались высшие должностные лица Республики того времени¹. Сам термин *consul* предполагает коллегальность магистратуры, тогда как в случае с термином *praetor* эта идея отсутствует. Принятие данной точки зрения несколько меняет взгляд на реформу Лициния-Секстия, которая предполагает дополнение старших преторов младшим².

Спорен и термин *praetor maximus*, который может обозначать как самостоятельного магистрата, так и диктатора, претора или консула. Еще одним важным понятием раннереспубликанского времени является понятие *magister populi*, видимо, служившее для обозначения диктатора³.

Таким образом, картина высших магистратур в ранней республике оказывается весьма непростой. Наиболее вероятной все же видится традиционная версия, но с рядом дополнений. Надо полагать, что основной властью была консульская, причем на первом этапе консулы могли именоваться преторами (примерно до середины V в. до н. э.). Маловероятной оказывается гипотеза диктатуры, которая, видимо, существовала как чрезвычайная власть, подстраховывавшая основную. Теория «третьего претора» все же противоречит традиции. Особой проблемой остается появление именно двух высших магистратов, обзор причин их появления представляет С. И. Ковалев: стремление ослабить единоличную власть, наличие городского ополчения из двух легионов, существование «старших» и «младших» центурий, руководство переворотом со стороны двух патрицианских родов⁴. Вместе с тем, даже принимая традиционную версию, можно обратить внимание на то, что для первых веков Республики характерен плюрализм высшей власти. Так, с 444 по 366 г. кроме консулов избирались военные трибуны, наделенные консульской властью (*tribuni militum consulare potestate*), в ранний период — диктаторы, которые появились как параллельно, так и вместо консулов.

Вторая проблема — происхождение народного трибуната и трибуната с консульской властью. Если традиция источников обычно

¹ Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986. С. 74.

² Там же. С. 75–76.

³ Martino F. de. Intorno all'origine della repubblica e delle magistrature // ANRW. Tl. 2. Bd. 2. Berlin; New York, 1975. P. 240–243.

⁴ Ковалев С. И. История Рима... С. 76.

считает трибунат результатом сословной борьбы, то в историографии есть и другие точки зрения, согласно которым должность трибунов оказывается связанной с вождями триб, действовавшими еще в царский период, а в V в. до н. э. ставшими вождями революции, причем в первом случае трибунат более органично вписывается в систему магистратур, нежели по версии Ливия и других авторов.

В момент появления все магистратуры, кроме народных (плебейских) трибунов, были патрицианскими, и важным фактором политического развития стал доступ к ним плебеев, который осуществлялся как через специальные законы, так и просто через практику без специального декларирования. Первыми фактами такого рода были случаи вхождения плебеев в коллегии децемвиров и военных трибунов как следствие практики, однако поворотным пунктом стал закон Лициния — Секстия от 367 г., закреплявший одно консульское место за плебеями (Liv., VI, 35; VII, 1). В 339 г. по закону Публилия Филона аналогичным образом за плебеями закрепилось одно цензорское место (Liv., VIII, 12), а в 300 г. по закону Огульниев паритет был установлен в отношении высших жреческих должностей авгуров и понтификов (Liv., X, 6–9). Доступ плебеев к другим должностям происходил без специальных постановлений: в 356 г. до н. э. появился первый плебей-диктатор (Liv., VII, 17), а в 337 г. до н. э. — первый претор (Liv., VIII, 15). В таком же порядке происходил доступ плебеев к квестуре и эдилитету. Получение плебеями *ius honorum* было крайне важным — как для достижения ими формального равноправия, так и в смысле реального доступа плебеев к высшей власти и в сенат. Крайне важным было и еще одно обстоятельство: после принятия закона Канулея и разрешения смешанных браков патрицианско-плебейская знать уже к IV в. до н. э. стала единым целым, что во многом и обеспечило доступ плебеев к магистратурам.

Magistratus populi Romani — это лицо, получавшее власть от римского народа и бывшее его законным представителем. Большинство магистратов избирались большинством голосов в комициях. В коллегиях трибунов и квесторов на первых порах допускалась кооптация, которая исчезла уже к концу IV в. до н. э. Не выборами, а назначаемыми были интеррексы, диктаторы, начальники конницы (*magister equitum*) и специальные экстраординарные магистраты. Условием избрания была принадлежность к *cives optimo iure*, а в период ранней Республики и патрицианское происхождение.

ние. На первых порах отсутствовали запреты на регулярное переизбрание в должности и исполнение нескольких должностей одновременно.

В 342 г. до н. э. был принят первый закон из серии годовичных законов (*leges annales*), регламентировавших занятие высших должностей. Закон Генуция запрещал переизбрание на одну и ту же магистратуру в течение 10 лет и исполнение двух магистратур в течение одного года. В 180 г. до н. э. это правило было подтверждено законом Виллия, а кроме того, устанавливались возрастной ценз для прохождения должностей и их твердая последовательность (*cursus honorum*). Основными этапами карьеры были квестура, претура и консульство, между которыми устанавливался промежуток в 2 года. Минимальным возрастом для квестора был установлен возраст в 28 лет, для претора — 31 год, для консула — в 34 года.

Значение закона Виллия заключалось в фиксации иерархии должностей, которая намечалась в ходе политического развития IV–III вв. до н. э. От низшей к высшей должности иерархия выглядела следующим образом: коллегия 26 (*vigintisexviri*), квестура, народный трибунат, эдилитет, претура, должность начальника конницы, консульство, диктатура и цензура. Примерно на уровне консульства находилась должность интеррекса. При прохождении должностей экстраординарные должности были необязательны. Закон Виллия был подтвержден в 80 г. до н. э. законом Корнелия Суллы, который поднял возрастную планку квестуры, претуры и консульства соответственно до 37, 40 и 43 лет.

Достаточно сложным является вопрос о классификации магистратур в зависимости от различных параметров, что помогает понять концепцию магистратской власти. Основные принципы деления магистратур обозначены С. И. Ковалевым в его «Истории Рима». Автор указывает, что римские магистратуры делились на ординарные и экстраординарные, курульные и некурульные, патрицианские и плебейские, с империем и без империя, старшие и младшие⁵. Деление на ординарные и экстраординарные должности предполагает, что первая категория магистратов избиралась регулярно и на определенный срок, а вторая — в зависимости от ситуации, на различные сроки и при чрезвычайных обстоятельствах. К ординарным принадлежали цензоры, консулы, преторы, народные

⁵ Там же. С. 109.

трибуны и квесторы, а также члены постоянных комиссий (например, коллегия 26), к экстраординарным — диктаторы, начальники конницы, интеррексы, децемвиры, члены различного рода экстраординарных комиссий. Наличие широкой системы экстраординарной власти указывает на крайнюю сложность внешней и внутренней ситуации, в которой оказывалось римское государство.

Второе принципиальное деление — это деление на патрицианские и плебейские магистратуры, а отсюда и разделение на магистратуры курульные и некурульные, что было крайне значимо для римлян. Ранняя Республика знала деление на патрицианские магистратуры (консулы и квесторы) и плебейские (плебейский трибуна́т и эдилитет). Патрицианскими магистратурами были на момент своего появления также цензура, претура, курульный (патрицианский) эдилитет, а также экстраординарные должности интеррекса, диктатора и начальника конницы. Отличал магистратуры по существу принцип выборов, когда патрицианские должности (если они были выборными) проходили через центуриатные комиции, а плебейские — через *concilia plebis*⁶. С доступом плебеев к высшим должностям и принятием законов Публилия Филона и Гортензия (соответственно 339 и 287 гг.) различие в принципе выборов практически стерлось. Низших магистратов-квесторов, стали выбирать на трибутных комициях, а свой плебейский характер сохранили только трибуна́т и плебейский эдилитет.

На базе этого разделения, а также при создании сложной иерархической системы важным разделением было деление на курульные и некурульные должности, и хотя внешним признаком было только наличие курульного кресла, в этом разделении имелся важный иерархический смысл.

Курульными магистратами были цензоры, консулы, преторы, диктаторы, децемвиры, военные трибуны с консулярной властью и курульные эдилы, остальные магистраты считались некурульными, что ставило их в более низкое и подчиненное положение. Вероятно, в наследовании царского атрибута заключался и особый смысл, согласно которому курульные должностные лица оказывались как бы наследниками царского положения.

Третье деление — это деление на магистратов с империем (*cum imperio*) и без империя (*sine imperio*). Империй имели консулы,

⁶Там же.

диктаторы, децемвиры, трибуны с консулярной властью и преторы. Принципиальную особенность *imperium* составляли военное командование и все связанные с ним функции: набор войск, формирование легионов и вспомогательных войск, ведение военных действий, юрисдикция в отношении солдат и офицеров, право на получение овации и триумфа. Имея военный характер, *imperium* также предполагал гражданскую юрисдикцию, как личную, так и через другие судебные инстанции. Обладатель *imperium* имел широкие права криминальной юрисдикции (заключение в тюрьму, приговор к телесным наказаниям и даже смертной казни). Магистраты с *imperium* проводили также ауспиции и были наделены правом созыва центуриатных комиций. Наконец, созыв сената был почти исключительно прерогативой именно магистрата с империумом.

Проблема магистратского *imperium* представляется достаточно сложной. С одной стороны, существует концепция, идущая от Т. Моммзена, относительно происхождения власти магистратов непосредственно от царской власти, когда ограничение было не внутренним, а внешним (годовичность и коллегиальность). С другой стороны, в римских магистратах видели представителей суверенного народа, и в этом смысле они смыкались с выборной властью в государствах Нового времени. Так или иначе, но в магистратских полномочиях республиканского Рима можно видеть эволюцию от одного принципа к другому, хотя полной реализации второго принципа не происходит. Вместе с тем ограничение высшей власти с *imperium* было следствием развития других органов власти (рост значения комиций, эволюция власти сената и, наконец, появление новых магистратских должностей). Империй магистратов тем не менее не превратился в чисто исполнительную власть, подчиненную коллегиальным органам и сохранял сильную степень независимости от них. Отражением восприятия римлянами именно этой особенности магистратской власти является определение Полибием и Цицероном монархического элемента как одного из трех составляющих элементов государственного строя (Polyb., VI, 12; Cic., De re p., I, 45; 69; 46, 70).

Деление магистратов на *maiores* и *minores* (старших и младших) было связано со сложной системой субординации, исходящей из того, что, во-первых, практически все магистраты получали власть не через назначение друг другом, а через выборы народом, а во-

вторых, из того, что они должны были образовывать вертикаль исполнительной власти. К *magistratus maiores* относились цензоры и все магистраты с империем, а к *magistratus minores* — квесторы, эдилы, члены коллегии 26. Особое положение имели народные трибуны, причем это положение затрудняет их отнесение к той или иной категории. Более подробно мы остановимся на этом ниже.

Правило *par maiore potestas* заключалось в субординации и интерцессии (первое означало подчинение низших магистратов высшим, а второе — право вето против действия других должностных лиц). Если субординация выражалась в выполнении приказов вышестоящих органов, то интерцессия была наложением запрета на действия младшего или равного по рангу лица и могла быть направлена против магистратского постановления или решения по конкретному поводу. Вместе с тем принцип выборности выражался, в частности, в том, что вышестоящий магистрат не мог по своей воле сместить магистрата, стоящего ниже по иерархической лестнице. Последнее, правда, компенсировалось тем, что магистрат, не подчинившийся интерцессии вышестоящего лица, подвергался уголовному преследованию.

Особенностью римской интерцессии было право меньшинства коллегии кассировать решение, принятое остальными его членами, причем особое место занимала интерцессия народного трибуна, действовавшая против любого магистрата или магистратов и даже против сената в целом.

Римские магистратуры были безвозмездны, а деньги из казны давали только на государственные расходы, следствием чего было то, что бесплатные магистратуры лишали должности людей, не имевших стоящего за ними капитала, тем более, что некоторые (например, эдилитет) требовали расходов, затруднительных даже для состоятельного человека. Неоплачиваемость магистратур и большие предвыборные траты были фактором, в немалой степени способствовавшим коррупции властей, особенно в эпоху поздней Республики. В политическом словаре понятие *honos*, обозначающее магистратуру, обычно связывалось с представлениями *existimatio* («оценка»), *gloria* («слава»), *laus* («похвала»), а весь комплекс магистратур именовался *cursus honorum*.

В отношениях магистратов помимо чисто правовых действовали политические и личностные факторы, причем в обычной ситуации нормальным явлением было все же взаимодействие властей,

а в периоды кризиса межведомственные конфликты усиливались и власти стремились присвоить себе чрезвычайные полномочия. В руках сильного консула или диктатора остальные власти часто оказывались, по сути дела, звеньями единой управленческой системы, а цензура в руках Катона Старшего, трибунат в руках Гракхов, претора в руках Катона Младшего и даже эдилитет в руках Юлия Цезаря, не говоря уже о консульстве или диктатуре, оставались сильным самодовлеющим фактором римской политики.

Особая проблема — это проблема подотчетности магистратов и их смещение и привлечение к ответственности за нарушения. Своеобразие Рима состояло в том, что отчеты магистратов во время пребывания в должности были частыми, но республиканская система не практиковала смещение с должности до ее окончания, что обычно было связано с революционным актом, причем именно этим объясняются частые судебные преследования именно после снятия магистратуры и стремление крупных лидеров любым путем сохранить магистратскую неприкосновенность, имевшую не только политическую, но и религиозную сущность.

Естественно, вокруг римского магистрата должны были сложиться как группа лиц, участвовавших в выработке решений, так и определенные корпорации обслуживающего персонала. Вокруг магистрата, как правило, существовал *consilium*, состоящий из его родственников, друзей, политических союзников и других близких ему лиц, в том числе и вольноотпущенников, советом которых он пользовался. Особенность республиканского *consilium* — его неофициальный характер: решение принимал сам магистрат, однако выработка решения происходила коллегиально. При Империи такой *consilium*, из которого вырос *consilium principis*, постепенно превратился в альтернативу сенату. Другой категорией персонала, обслуживающего магистрата, были так называемые *officiales*, представлявшие достаточно замкнутые корпорации. *Officiales* набирались магистратами и находились в их подчинении, однако, учитывая профессиональный фактор, магистраты обычно прибегали к услугам одних и тех же лиц. Наиболее значимыми из них были объединения ликторов (почетной свиты-охраны магистратов), количество которых зависело от ранга должностного лица, объединения писцов (*scribae*), посыльных (*viatores*), глашатаев (*praefones*). Некоторые функции, например функции падачей, выполняли кленты, либерты и рабы. Таким образом, формирование магистратского аппара-

та соединяло в себе личный персонал богатого римского нобилия и специальные государственные корпорации.

Знаки отличия магистратов восходили к царскому периоду. В литературе обычно указывается на их этруское происхождение. Курульных магистратов отличало курульное кресло из слоновой кости (*sella curulis*), жезл (*scipio eburneus*) и особая одежда. У магистратов с империем были ликторы с фасциями и топорами. Облачение триумфатора напоминало облачение царя: пестро расшитая тога, туника, расшитая пальмовидными фигурами, золотой венок.

Говоря об отдельных магистратурах, имеет смысл выделить три ветви ординарной власти: магистраты с империем, цензура и народный трибунат. Первая из них выполняла управленческие функции, вторая — комплектующие, а третья играла роль контрольного органа.

Консулы были первыми и главными магистратами Республики. Они ежегодно избирались на центуриатных комициях под предводительством консула, диктатора или интеррекса, были магистратами-эпонимами и имели царские инсигнии (курульное кресло, претексту, военный плащ (*paludamentum*) и 12 ликторов). Имена консулов записывались в специальные списки-фасты. Консулы ежегодно вступали в должность 1 марта (позднее — 1 января).

Консулы были равноправными, имели равную власть (*par potestas*) и право интерцессии друг против друга. Во время пребывания в должности консулы делили полномочия в зависимости от ситуации. Если они находились в Риме, то выполняли функции управления как совместно, так и чередуясь ежемесячно. В случае войны один консул мог отправиться на войну, а другой оставался в Риме. Вместе с тем оба консула могли находиться на войне либо во главе объединенного войска, либо во главе собственной армии. В качестве военных руководителей общины консулы оказывались главнокомандующими римской армией, а военные полномочия консулов давали им практически неограниченную власть в армии и за пределами городской черты. Вплоть до Пунических войн крупные армии обычно всегда возглавляли консулы или диктаторы, позднее военное командование стало весьма широко осуществляться проконсулами и пропреторами.

До 366 г. до н. э. консулами были только патриции, после закона Лициния — Секстия одно консульское место стало резервироваться за плебеями. Теоретически место консула за патрициями

не закреплялось, но случаев появления двух консулов-плебеев при Республике почти нет. Если консул умирал или был смещен досрочно, то второй консул должен был провести выборы коллеги, который именовался консулом-суффектом, а если второй консул не мог этого сделать, римляне прибегали к власти диктатора или интеррекса, что четко указывало на континуитет между царской и консульской властью. Назначение диктатора или интеррекса было обязательным и в том случае, если ни один из консулов не имел физической возможности провести выборы.

По-видимому, следует признать правоту мнения школы Т. Моммзена о том, что власть консула была универсальной и не ограничивалась конкретными функциями, давая ему право вмешиваться во все сферы государственной жизни, как бы сочетая полномочия президента и главы исполнительной власти, причем от президента консула отличала степень подчиненности коллегиальным органам, а от главы исполнительной власти — независимая выборность и возможность законодательной и судебной деятельности. Кроме высшего командования консулы наделялись высшим правом ауспий, частично сохраняя функции царя как представителя общины перед богами, что, правда, ограничивалось и ростом значения великого понтифика, и появлением специального царя для священнодействий (*rex sacrorum*). В отличие от царского времени выборные жрецы приобретали все большую степень независимости от высшего магистрата.

В качестве магистратов, управляющих гражданскими делами в Риме, консулы имели право созывать комиции (*ius agendi cum populo*) и сенат (*ius agendi cum patribus*), в которых они играли роль председателей комиций и сената и во многом руководили их деятельностью. Хотя это право имели и другие магистраты, *ius agendi* консулов было наивысшим, и прочие магистраты (кроме цензоров и трибунов) могли созывать народ только с согласия консулов или по их поручению. Консул мог председательствовать в любом типе комиций: куриатных, центуриатных и трибутных. В Риме действовала и консульская юрисдикция, причем право провокации действовало только в границах померия и прекращалось за его пределами. Особое значение имела консульская интерцессия, бывшая самой сильной после трибунской.

При том, что власть консула всегда была велика, можно заметить ее эволюцию. В первой половине V в. до н. э. консулы по

существо, хотя и временно, сохраняли царские полномочия: были предводителями ополчения, председателями сената и комиций, имели высшее право ауспий, фактически всю полноту гражданского управления, гражданской юрисдикции и цензовые функции. Консолидация сената и патрициев в борьбе с плебеями вела к консолидации сената вокруг консулов. Ограничение консульской власти было связано только с трибунами, во многом стоящими за рамками официальной системы.

Ограничение консульской власти произошло в IV в. до н. э. и продолжалось до начала III в. до н. э., когда из компетенции консулов были изъяты функции ценза и *lectio senatus*, значительная часть юрисдикции и надзор за порядком в городе, что было связано с появлением цензуры, претуры и эдилитета, а также с увеличением общины, ростом значения коллегиальных органов и усложнением дел в общине. Политическое развитие III–II вв. до н. э. указывает на подчинение консулов сенату, превращение их в большей степени в исполнительную власть со значительной долей автономии, а также в спикеров сената и глав исполнительной власти. Показателем отсутствия всеобъемлющей власти консулов служит *senatus consultum ultimum* — «крайнее решение сената», которое особым образом давало консулам по сути дела диктаторские полномочия, которых у них не было.

Заморские войны, особенно конца II — начала I в. до н. э., привели к некоторому вытеснению консулов из военной и провинциальной сферы управления, а закон Корнелия Суллы от 80 г. фактически запретил консулам вести военные действия за пределами Италии. Этот закон соблюдался достаточно жестко, и в действительности все основные войны 70–40-х годов I в. велись проконсулами или должностными лицами с чрезвычайными полномочиями. Сохраняя высшее положение в государстве, преимущественное право управления в Италии, соответствующий престиж и традицию, консулы оказывались только элементом, хотя и важным, управленческой структуры. Попытки превратить консульство в диктаторскую власть встречаются в I в. до н. э. как в плане длительного удержания консульства за одним лицом (консульства Мария в 104–100 гг., а затем и в 87 г.; консульства Цинны в 87–84 гг., консульства Карбона в 85, 84 и 82 гг. до н. э.), так и в плане придания консулам по сути дела диктаторских полномочий. Реакцией на эти действия стал закон Суллы от 80 г. до н. э. Начиная с Суллы римские диктаторы и

принцепсы (вначале Сулла, а затем Помпей, Юлий Цезарь, Август и его ближайшие преемники) использовали консульство как один из компонентов власти, либо занимая его сами, либо контролируя процесс выборов.

Со времен Цезаря обозначилась еще одна тенденция, когда ординарные консулы стали слагать с себя власть раньше положенного срока, передавая ее другим консулам, именуемым суффектами, причем в течение одного года могло появиться от 2 до 6 суффектов. При этом одновременно действующих консулов всегда оставалось двое.

Если принимать версию традиции, то с 367 г. до н. э. (Liv., VI, 42) в Риме была создана новая магистратура, сохранившая название прежней высшей государственной должности, но изменившая статус и частично смысл. Сначала в Риме был только один претор, считавшийся коллегой консулов. Только с 242 г. до н. э. появился второй претор, после чего речь могла идти уже о самостоятельной коллегии. Число преторов постоянно росло. В 227 г. до н. э. после захвата Сицилии и Сардинии появились два новых претора, ставшие первыми наместниками этих провинций. В 197 г. до н. э. были избраны еще два претора в связи с образованием двух испанских провинций (*Hispania citerior* и *Hispania ulterior*), и общее количество преторов выросло до 6. Сулла увеличил их число до 8, а Цезарь — до 16.

В отличие от консульской коллегии в преторской коллегии существовало четкое разделение. У первых преторов, городского (*praetor urbanus*) и иностранного (*praetor peregrinus*), на первый план выступали судебные функции, и именно организация претурь приводит к развитию римского суда и частного права. Одновременно с этим оба претора имели *imperium*, равно как и консулы, однако империй преторов был ниже, нежели империй консулов. Преторы командовали армиями меньших размеров или находились под командованием консулов. О том, что преторам часто поручались чрезвычайно важные военные задачи, говорит, к примеру, то, что ранг претора имел Красс, командовавший армией против Спартака. В ряде случаев претор, особенно городской, мог созывать комиции и сенат или замещать консула во время его отъезда из Рима.

В области судопроизводства функции претора включали первичный разбор дел, допуск сторон к процессу, назначение судей и дачу им формул для ведения дел, а также председательство в

судебных комиссиях или личное осуществление судебных полномочий. Наконец, преторы играли значительную роль в развитии права, издавая свои эдикты. Как высшая судебная власть претор отвечал за исполнение судебных приговоров.

Уже с начала существования претуры как коллегии можно увидеть разделение функций между *praetor urbanus* и *praetor peregrinus*. Первый разбирал дела между гражданами, второй — между гражданами и перегринами.

Остальные преторы играли вначале роль провинциальных наместников, сочетая управленческие, судебные и военные функции. Однако к концу второй половины II в. до н. э. в связи с ростом числа провинций, а также и с развитием промагистратской власти преторов сменили промагистраты, проконсулы и пропреторы, становившиеся наместниками провинций. По законам Суллы преторы, как и консулы, должны были находиться в Риме в течение всего года, если не получали специального поручения от высших властей.

Другое изменение было связано с развитием судебной системы. Если в IV и даже в III вв. до н. э. претор часто выступал в качестве прямого судьи, то во II—I вв. до н. э. эти функции стали выполнять другие лица (например, *duumviri perduellionis*), специальные судебные комиссии (*quaestiones*) или же выборные судьи, а роль претора сводилась к координации их действий и исполнению судебных приговоров, причем именно это обстоятельство во многом и стало причиной ограничения коллегии функциями суда. Наконец, преторы устраивали всевозможные игры. В целом, аналогично случаю с консулами, заметно ограничение претуры по преимуществу гражданскими функциями и превращение ее в городскую и италийскую магистратуру.

Традиция зафиксировала проведение ценза и общей переписи населения еще со времен Сервия Туллия. При Республике эти функции перешли к консулам, а с 443 г. до н. э. были переданы специальным магистратам-цензорам (*Liv.*, IV, 8), избираемым сроком на 5 лет. В 434 г. до н. э. диктатор Мамерк Эмилий провел закон об ограничении цензуры полутора годами (*Liv.*, IV, 24), тогда как в течение трех с половиной лет Рим обходился без цензоров. В отличие от консульских цензорские довыборы не практиковались, и в случае смерти или отставки одного из цензоров второй должен был оставить должность. На протяжении почти столетия цензуру

занимали только патриции. В 351 г. до н. э. цензором впервые стал плебей (Liv., VII, 22), а по закону Публилия Филона от 339 г. до н. э. (Liv., VIII, 12) один из цензоров обязательно должен был быть плебеем. В 265 г. до н. э. переизбрание в цензоры одного и того же лица было запрещено, хотя оно не практиковалось и ранее. С III в. до н. э. было установлено правило, согласно которому должности цензора могли занимать только консуляры, и цензура была превращена в *summus honos*, вершину карьеры римлянина, а цензории, т. е. сенаторы, занимавшие в свое время должность цензора, считались сенаторами высшего ранга.

Цензоры избирались центуриатными комициями под председательством консулов. Затем принимался закон о цензорской власти (*lex de potestate censoria*), после чего цензоры вступали в должность. Цензоры принадлежали к *magistratus maiores*, имевшим, как и консулы, соответствующие ауспиции. Империя у цензоров не было, и в этом смысле они не могли заменить консулов. В отличие от консулов цензоры не могли заниматься в комициях законодательной деятельностью и были лишены гражданской и уголовной юрисдикции. Вместе с тем в отличие от консулов цензоры имели вполне определенные функции и в их рамках были независимы в своих действиях, не подчиняясь даже трибунской интерцессии. Цензоры имели курульное кресло, тогу-претексту с пурпурной каймой.

Основной функцией цензоров было производство переписи населения, а также проведение всаднического ценза (*recognitio equestris*) и ревизия списков сената (*lectio senatus*). К этим функциям цензоров примыкал общий надзор за нравами (*regimen morum*). Наконец, цензоры имели и ряд финансовых функций. После опубликования эдикта на Марсовом поле собиралось *contio* из отцов семейств, каждый из них должен был сообщить свое имя, возраст, данные о подвластных лицах, месте жительства и имуществе. При проведении ценза мобилизовывались практически все магистраты, а также кураторы триб и большое число писцов.

На ценз были обязаны являться все граждане. Человек, не явившийся на ценз, считался *incensus* и попадал в число эрариев. Цензоры составляли списки по трибам и центуриям, а также списки лиц, подлежащих военной службе. Цензоры никоим образом не были статистами-переписчиками: они производили ревизию списков путем включения новых членов и перевода граждан из одной трибы или центурии в другую. Каждый акт ценза заканчивался очисти-

тельным обрядом и молитвами за новую общину граждан, без чего ценз считался недействительным⁷.

Детальный разбор римских цензов дан в монографии Я. Ю. Заборовского «Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике» (Львов, 1985), где анализируются цензовая процедура, цензорские права, данные римских цензов и их достоверность, а также возможности различного рода нарушений. Согласно мнению автора, главной функцией ценза было прежде всего определение суммы налогов и числа военнообязанных, тогда как с переходом к добровольной военной службе и фактическому упразднению налогов с римских граждан смысл цензов начинает утрачиваться⁸. Тем не менее особое значение имел факт внесения человека в цензовые списки, фиксировавший его принадлежность к римскому гражданству, что делало функции цензоров особенно важными⁹.

В связи с общей переписью населения важнейшей обязанностью цензоров было проведение *lectio senatus* и *recognitio equitum*, причем возможности цензоров были весьма велики.

Не имея криминальной юрисдикции, цензоры контролировали нравственность граждан. Эта функция называлась *cura morum* или *cura legum et morum*, будучи своеобразным судом чести римлян, и касалась проступков, не наказуемых в уголовном порядке, но неприемлемых с точки зрения римской морали (непочтение к родителям, пьянство, роскошь, моральная распущенность, дурное отношение к детям и рабам и т. п.). Воздействие цензоров было различным: оно включало замечание (*notatio*), имевшее огромное моральное значение, или ущемление прав (исключение из сената или всаднического сословия, перевод в менее престижную трибу или центурию, лишение прав гражданства). Кроме конкретных наказаний цензоры могли издавать общие эдикты, например, эдикты против роскоши. Среди прочих действий цензоров источники упоминают и очистительные обряды (*lustrum*).

Другие функции цензоров — это функции финансовые. В этом качестве от лица государства цензоры заключали договоры на откуп различного рода функций, как, например, сбор налогов с государственных земель, сбор налогов с провинций, распределяли под-

⁷Подробнее см.: Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 49.

⁸Там же.

⁹Там же.

ряды на строительство дорог, построек и акведуков, будучи в этих сделках представителями римского государства. Цензорам же принадлежал верховный контроль за ведением крупных общественных работ, в частности они руководили строительством больших дорог (Фламиниевой, Аппиевой, и др.). Цензоры участвовали и в строительстве храмов.

Цензорская власть была безапелляционной, а распоряжения цензоров могли отменить только новые цензоры. На распоряжение цензоров не распространялись ни вето трибунов, ни решение сената, ни даже постановление народного собрания. Закон предусматривал наличие обязательного консенсуса между цензорами и правомочность решения только в случае его одобрения обоими магистратами.

Большая и независимая власть цензоров становилась как бы дополнением и в какой-то степени противовесом власти магистратов с империем. Яркими страницами в истории римской цензуры стали цензуры Аппия Клавдия (312–308 гг. до н. э.), Катона Старшего (184 г. до н. э.), Геллия и Лентула (70 г.). Поскольку цензура была механизмом ограничения власти магистрата с *imperium*, диктаторы I в. до н. э. пошли по пути ее подчинения. Так, в 80 г. до н. э. Сулла отменил цензуру, которая была восстановлена в консульство Помпея и Красса в 70 г. до н. э. По другому пути пошли Цезарь и Август, которые взяли себе цензорские полномочия, постепенно ставшие прерогативой императоров.

Третьим элементом системы власти был народный (или плебейский) трибунат. Традиция сохранила сведения о том, что в 494 г. до н. э., после сецессии плебеев, были избраны два народных трибуна — Гай Лициний и Луций Альбин, кооптировавшие затем трех помощников (Liv., II, 33). Под 471 г. до н. э. Ливий сообщает, что трибунов стало пятеро и что все они впервые стали избираться на трибутных комициях (Liv., III, 55–56). Так или иначе, но, по версии Ливия и других авторов, трибунат сформировался в начале V в. до н. э. как революционная магистратура и на протяжении длительного времени как бы противостоял официальным магистратам. Крупный исследователь права и истории раннего Рима Э. Гьерстад рассматривает различные датировки трибуната, которые колеблются от 494/3 гг. до 425 г. до н. э. и указывает, что многие исследователи считают сообщения о революционности трибуната анахронизмом. По его мнению, сецессия плебеев была вполне мирной колонизаци-

ей, предпринятой по инициативе Сервия Туллия, доверившего трибунам раздел земли¹⁰. По всей вероятности, возникновение трибуната действительно тесным образом связано с организацией триб и их предводителями, которые были представителями царя. Вместе с тем с обострением борьбы между патрициями и плебеями трибуны все же неизбежно становились лидерами в борьбе за его права.

Особенностью трибуната было то, что он фактически оказывался контрольным органом римской демократии и в этом смысле несколько выделялся из общей системы магистратур на протяжении всего периода борьбы патрициев против плебеев в V–IV вв. до н. э. Трибуны были лидерами плебса и в этом смысле долгое время оставались особыми плебейскими должностными лицами, лишь несколько позже вписавшимися в общую государственно-политическую систему. Трибуны избирались на *concilia plebis*, и собственно трибуном мог быть только плебей. На ранних этапах встречается кооптация в трибунскую коллегию (например, Liv., III, 64–65), но позднее это прекратилось. На *concilia plebis* председательствовал трибун. Народные трибуны избирались сроком на один год (выборы происходили летом) и вступали в должность 10 декабря. В отношении трибунов закон Виллия, видимо, не действовал, и особенно в период сословной борьбы итерации были часты, как, например, в случае с выборами Лициния и Секстия (с 376 по 367 г. до н. э.). Позднее, с середины II в. до н. э., регулярные итерации прекратились, так что переизбрание Тиберия Гракха рассматривалось едва ли не как нарушение закона многими современниками, более поздними авторами и исследователями Нового и Новейшего времени, хотя ситуация в отношении этого вопроса остается неясной.

Народные трибуны не имели *imperium*, не были курульными магистратами, а власть их действовала только в черте города и в радиусе полутора миль от города. Важнейшим фактором власти трибуна была его священная неприкосновенность (*sacrosanctitas*), защищавшая его, наверно, больше, чем любого другого магистрата.

Первой функцией трибуна было *ius auxilii*, т. е. ходатайство по делам отдельных плебеев и помощь любому обратившемуся к нему гражданину. Важным фактором, связанным с *ius auxilii*, было и

¹⁰ Gjerstad E. Innerpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin; New York, 1985. S. 184–187.

то, что двери дома трибуна всегда были открыты и любой нуждавшийся находился под его защитой. Вместе с тем трибуны были защитниками сословия плебеев в целом. Из функции защитников народа выросла трибунская интерцессия, ставшая наивысшей по отношению к интерцессии других магистратов. Трибунская интерцессия действовала против любого должностного лица, в том числе консулов, самих трибунов и даже против решения сената. Интерцессия не имела силы только против решения цензора и диктатора, а магистрат, игнорировавший трибунское вето, подлежал наказанию.

Наряду с запретительной функцией трибунов у них имелось и *ius agendi cum populo*, т.е. право собирать народное собрание и предлагать законопроекты. При всей действовавшей субординации никто не имел права помешать народному трибуну созывать народное собрание, а несколько позже трибуны получили и *ius agendi cum patribus*. Прежде всего от трибунов исходили аграрные законы, предложения о равноправии плебеев и другие меры по демократизации римского строя, а также контроль за налогами и военной добычей. Народные трибуны могли применять и меры принуждения: привлечение к судебной ответственности, арест, денежный штраф, запреты на награды и даже предложение смертной казни.

В историческом плане трибунат был особой магистратурой, и на протяжении V–IV вв. до н. э. трибуны были лидерами плебса в борьбе за равноправие, претендуя на положение органов контроля над властями, и большинство законов, изменивших римское общество в IV в. до н. э., было проведено трибунами.

Особое значение трибунат приобрел в период с 494 по 366 г., т.е. от возникновения трибуната до принятия законов Лициния–Секстия, после чего лидерами плебейского движения становятся скорее плебейские консулы, которые тоже в значительной своей части вышли из трибунских родов. Трибунат начал вписываться в общую систему римских магистратур, что было связано с доступом плебеев к патрицианским должностям.

С конца IV и примерно до середины II в. до н. э. сенат и магистраты в основном ставят трибунов под свой контроль, используя трибунат во внутрисенатской борьбе и для контроля над народным собранием. Особое положение трибуната усилилось в конце II века до н. э., когда в руках Гракхов, Сатурнина, Сульпиция и Клодия он превратился в важный орган борьбы за народные пра-

ва, орган оппозиции сенату и правовое прикрытие движения популяров.

Во времена диктатуры Суллы полномочия трибунов были значительно сокращены. Диктатор запретил им проводить законы в народном собрании без санкции сената, ограничил право интерцессии и запретил бывшим трибунам занимать курульные должности (Caes., B. C., I, 7; App., B. C., I, 100; Liv., Epit., 89), Цезарь, Аппиан и Ливий называют действия диктатора практическим лишением народных трибунов их власти. В 70 г. до н. э. власть была восстановлена в консульство Помпея и Красса. Упадок трибуната, который все более подчинялся авторитарной власти, отмечен в конце I в. до н. э. Однако особое положение трибуната и его связь с римской демократией стали основой власти принцепса — начиная с Цезаря носитель высшей власти брал на себя функции как бы постоянного трибуна (*tribunicia potestas*)¹¹.

Восприятие трибуната позднереспубликанской традицией сочтало в себе признание его контрольным органом римской политической системы, защищавшим интересы народа и связанного с ним особыми узами, неким началом, сдерживающим народные волнения, и вместе с тем органом революции и мятежа (см.: Cic., *De leg.*, III, 10, 23–11, 26).

Видимо, одновременно с трибунами появились их помощники, плебейские эдилы (*aediles plebis*) — два человека, которые первоначально были хранителями плебейских храмов Цереры, Либера и Либеры, подчинялись трибунам и постепенно превратились в независимую магистратуру. В 367 г. до н. э. патриции создали свою магистратуру курульных эдилов (Liv., VI, 42). В 366 г. до н. э. доступ к курульному эдилитету получили и плебеи (Liv., VII, 1). Две группы эдилов так и не объединились в одну коллегию, но весьма активно сотрудничали. В последующее время их функции сблизились. Должность курульного эдила была более престижной и доступной представителям обоих сословий, а плебейским эдилом мог стать только плебей. Функции эдилов были достаточно разнообразны. Это *cura urbis* (надзор за порядком в городе), регулирование распределения продовольствия, надзор за правопорядком. В *cura urbis* входили также надзор за благоустройством города, на-

¹¹ Детальное исследование развития трибунской власти от начала до времени принципата см.: Михайловский Ф. А. Трибунская власть в политической системе принципата: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1985.

блюдение за городскими храмами и постройками и состоянием дорог. Плебейские эдилы охраняли храмы Цереры, Либеры и Либеры, причем в первом из них хранились решения сената (Liv., III, 55). Другой функцией эдилов была полицейская, и в плане полицейского управления эдилы обладали определенной юрисдикцией и также, как преторы, издавали эдикты, в основном касавшиеся правил поведения в общественных местах. Еще одной функцией эдилов был надзор за рынком, греческие авторы называют их *agoranomoi*. Ливий сообщает, что эдилы контролировали цены на рынке, привлекали к суду ростовщиков в случаях нарушения ими законов (Liv., X, 23), брали пени со скотовладельцев и привлекали к суду за владение слишком большими угодьями на государственной земле (Liv., X, 13). В отдельных случаях эдилы даже выполняли решения сената по религиозным вопросам (Liv., IV, 30).

Важной функцией эдила было проведение раздач привозного хлеба. После завоевания Сицилии Рим стал активно ввозить хлеб, прежде всего из Сицилии, а затем из Африки и Египта. Сам процесс сбора хлеба для Рима зависел от провинциальных наместников, его погрузкой и выгрузкой ведал квестор римского порта Остии, а непосредственной раздачей римскому населению — эдилы. В 44 г. до н. э. Цезарь учредил должность специальных «хлебных эдилов» (*aediles caereales*), которые занимались исключительно этим вопросом.

Наконец, в круг обязанностей эдилов входила *cura ludorum* — устройство общественных игр (Liv., XXIII, 31) и общественных празднеств. Довольно часто эдилам приходилось тратить на это собственные деньги, причем немалые. Поскольку эдилитет был одной из первых ступеней политической карьеры, он превращался в способ конкуренции между богатыми аристократическими семьями, бороться с которыми было достаточно трудно более бедным и незнатным кандидатам. Римский народ, особенно в последние десятилетия Республики, придавал роскоши игр огромное значение.

Квесторы появились довольно рано. Очень вероятно их появление в царский период в качестве лиц, расследовавших уголовные преступления (термин *quaestor* происходит от глагола *quaerere* «спрашивать, расследовать»). Вероятно, эту функцию они выполняли при ранней Республике, одновременно они занимались охраной эрария. После 421 г. до н. э. к двум квесторам были добавлены

еще два военных квестора, и с этого момента должность стала доступна плебеям (Liv., IV, 43). В 246 г. до н. э. появились 4 новых квестора для административной деятельности в Италии. С завоеванием провинций число квесторов выросло: Сулла довел их число до 20 (Tac., Ann., XI, 22), а Юлий Цезарь — до 40 (Dio Cass., 43, 47). Квесторы были *magistratus minores* и не являлись курульными магистратами. Функции квесторов отличались, и их распределение происходило либо по жребию, либо по решению сената, либо через специальное назначение (*extra sortem*).

Квесторы делились на три группы, причем это деление отражало историческое развитие их появления. Два городских квестора (*quaestores urbani*) заведовали государственной казной — эрарием Сатурна, где под надзором находились деньги, военные знамена и государственные архивы, они разбирали конфликты между государством и его должниками. Чисто уголовные функции, не связанные с финансами, стали постепенно исчезать и переходить к так называемым *quaestores parricidii*.

Появившиеся в 421 г. до н. э. новые квесторы имели военные функции. Каждый военачальник с *imperium* имел квестора, управлявшего войсковой казной и ведавшего продажей военной добычи. Квестор оказывался крайне важным лицом в римской армии, часто он был заместителем командующего или получал под свое начало часть войска (*quaestor pro praetore*). Квестор был помощником командующего и в решении правовых вопросов, касавшихся солдат и офицеров, а его место (квесторий) находилось рядом с преторием (местом командующего). После покорения Италии появилось 4 новых квестора, ведавших управлением и особенно сбором налогов в разных частях Италии. Один из них находился в римской гавани Остии, второй — в Кампании, третий — в Циспаданской Галлии, видимо, в Аримине, а четвертый — в Лилибее в Сицилии. С сицилийским квестором появляется новая категория квесторов — квесторы провинциальные, к которым относились и квесторы, добавленные Суллой и Цезарем, причем в провинциях они играли ту же роль при наместниках, что и преторы при консулах в Риме. Некоторые новые квесторы были военными квесторами. Особое значение имел квестор Остии, осуществлявший контроль над портом и приемом хлеба, привозимого в Рим из Сицилии, Африки и Египта.

С квестуры римляне обычно начинали государственную карьеру, однако на некоторые важные военные должности отбирали уже

опытных людей. Увеличение числа квесторов имело принципиальное значение с точки зрения развития аппарата имперского государства, что приспособляло его к управлению провинциями. Динамика развития квестуры показывает постепенный переход от небольшого государства, занимающего часть центральной Италии, к государству Италийскому и имперскому.

Достаточно значимой, хотя ниже квестуры, была и коллегия 26 — так называемый *vigintisexviratus*, не составлявший единой комиссии, но объединявший несколько разнородных коллегий должностных лиц, имевших одинаковый ранг. Вначале они назначались консулами, но позднее стали выборными должностными лицами. Цезарь увеличил коллегия на одного человека, но Август вернул число членов коллегии к первоначальному. Уголовные (или ночные) триумвиры (*tresviri capitales nocturnae*) появились в начале III в. до н. э. и назначались вначале консулами, а позднее они стали выборными должностными лицами. *Tresviri capitales* были помощниками преторов и квесторов в осуществлении юрисдикции, в их задачу входили инспекция тюрем, надзор за выполнением смертных приговоров, а также наблюдение за безопасностью дорог ночью и во время пожаров. Другая комиссия, *triumviri monetales*, ведала чеканкой монеты. Особые комиссии должны были наблюдать за состоянием дорог и стен города (*quattuorviri viis in urbe purgandis*, *duumviri viis extra urbem purgandis*). К коллегии 26 относились и децемвиры для разрешения споров (*decemviri stlitibus iudicandis*) в разного рода судебных делах. Наконец, четыре префекта были представителями претора для исполнения юрисдикции в разных частях Италии.

Наряду с ординарными магистратурами в Риме существовали также магистратуры экстраординарные, которые вводились в исключительных случаях, когда ординарные по какой-то причине отсутствовали или же не могли справиться с ситуацией. Формально число экстраординарных магистратов не было ограничено, хотя практика, естественно, такое ограничение допускала. Экстраординарных магистратов могли выбирать или назначать. Они не подчинялись *leges annales* и избирались на какой-то определенный срок или на неопределенный срок в зависимости от ситуации. Экстраординарные магистраты могли быть разделены на несколько категорий: заменявшие обычных магистратов, продолжавшие их континуитет и выполнявшие специальные функции. При систематическом

обзоре магистратур можно начать с тех, которые остались в наследство Республике еще со времен царского периода: междуцари (*interreges*) и префекты города (*praefecti urbis*).

Interregnum появился со времен царского периода, а в период Республики сохранил ту же самую роль в отношении к консульской власти, как прежде к царской. Очередной интеррекс обычно проводил выборы консулов и снимал с себя полномочия. Сохранилась и должность *praefectus urbis*, когда при царях он был должностным лицом, заменявшим рекса в городе во время его отсутствия. Аналогичную роль *praefectus urbis* играл и при консулах. Префект города назначался сначала рексом, а затем — консулами, однако после появления претуры должность префекта потеряла свой смысл, хотя и не ликвидировалась, возродившись позднее в императорскую эпоху. *Praefectus urbis* ежегодно назначался в течение специальных *feriae Latinae* (латинских праздников), а также других праздников. *Interregnum* и префектура должны были сохранять континуитет консульского правления, но не заменять его. В других случаях консульство оказывалось недостаточным и вместо него назначались экстраординарные магистраты — диктаторы, децемвиры, военные трибуны с консулярной властью (*tribuni militum consulare potestate*).

Вопрос о назначении диктатора решал сенат, и одному из консулов поручалось сделать конкретное назначение, причем делалось это при соответствующих ауспигиях (Liv., VIII, 16, 23; IX, 38). Требованием для самого диктатора было его нахождение в пределах *ager Romanus*, а акт назначения не мог быть подвергнут интересессии ни со стороны коллеги-консула, ни со стороны трибуна. Вступив в должность, диктатор получал *imperium* от куриатных комиций и назначал помощника — *magister equitum*. Диктатор имел инсигнии обоих консулов, 24 ликтора с фасциями и топорами, причем последние не вынимались даже в черте города, и, естественно, он был курульным магистратом. Поскольку диктатура была как бы возрождением царской власти, римляне делали все возможное, чтобы ограничить ее во времени. Диктатора также называли *magister peditum* и *magister populi*. Первоначально срок диктатуры ограничивался 60 днями, позднее он увеличился до 6 месяцев, однако если диктатор выполнял свою миссию в более короткое время, то сразу слагал с себя власть.

Назначение диктатора было обусловлено рядом причин. Чаще

всего диктаторы назначались для ведения военных действий (*dictator rei gerendae causa*) или для подавления мятежа (*dictator seditionis sedandae*). Например, диктатор был назначен во время мятежа Спурия Мелия в 440–439 гг. до н. э. (Liv., IV, 13–16), мятежа Марка Манлия Капитолийского (Liv., VI, 11, 14–20), во время борьбы за закон Лициния-Секстия в 368 г. до н. э. (Liv., VI, 38–41), а также в ряде других случаев. Нередко диктатор не ограничивался действиями против нарушителей, а проводил в жизнь важные законодательные акты: к таким законодательным актам относятся законы Публилия Филона 339 г. до н. э., законы Гортензия 287 г. до н. э. (Liv., Epit. 11). Иногда диктатора назначали для проведения выборов (*dictator comitiorum habendorum*), как в случае с интеррексом, либо для устройства праздников и игр. Существовал также и сакральный момент диктатуры. Так, в 363 г. до н. э. диктатор Тит Манлий Импертиоз получил должность во время эпидемии чумы для торжественного забивания священного гвоздя, что было важным для отсчета количества лет от основания города и предотвращения эпидемий (Liv., VIII, 3–5). Комментируя эти события, Ливий четко указывает, что власть диктатора стоит выше консульской власти. Зафиксированы случаи освящения храмов диктаторами. В принципе диктаторы имели одинаковый *imperium* независимо от функции, однако власти следили, чтобы диктатор ограничивался функциями, для осуществления которых он был назначен.

Во II в. до н. э. диктаторов не было, однако в I в. до н. э. диктатура возобновилась. Диктатура Суллы, скорее всего, отличалась неопределенным временным характером. Это, правда, оспаривалось многими исследователями, считавшими, что диктатура ограничивалась полугодом, затем Сулла был консулом, а далее просто сохранял фактическое влияние и огромную всеобъемлющую власть, которая позволяла ему контролировать всю жизнь римского государства. Оформление власти Суллы представляет собой новый шаг в развитии системы военных диктатур. Экстраординарный характер придавало ей прежде всего то, что должность была впервые введена после II Пунической войны, а Плутарх и Цицерон сообщали о неограниченных полномочиях диктатора и юридическом оправдании всех его действий (Cic., *De leg. agr.*, III, 5; Plut., Sulla, 35). Аппиан указывает, что диктатура не была ограничена временем, он же упоминает функции Суллы как диктатора для

Специальным законом Сулла освобождался от ответственности за все утвержденное и совершенное им ранее и даже добился утверждения законов, принятых в период с 88 г. до н. э., когда он был консулом и проконсулом (Plut., Sulla, 32; App., Ibid). Главным отличием диктатуры Суллы от прежних диктатур была ее всесторонняя компетенция и право принимать законы. Будучи тесно связанной с традиционной диктатурой, диктатура Суллы имела уже новое содержание, приобретая монархическую суть.

Завершением монархического развития диктатуры стала диктатура Юлия Цезаря. Первая принятая им в конце 49 г. до н. э. диктатура длилась всего 11 дней и была связана с консульскими выборами (Caes., B. C., III, 1; Plut., Caes., 37; App., B. C., II, 48). Однако в 48 г. он уже получил диктаторские полномочия на более длительный срок, а после сражения при Тапсе (46 г. до н. э.) — на 10 лет, что явилось переходом к новой структуре власти. Заключительным актом в правовом развитии диктатуры была передача Цезарю полномочий постоянного диктатора (*dictator perpetuus*), полновластного пожизненного носителя диктатуры (App., B. C., II, 106; Liv. Epit., 116; Suet., Iul., 76, 1; Dio, 43, 45). Именно диктатура послужила главной правовой основой абсолютной власти Цезаря. Особенность положения Цезаря заключалась еще и в том, что диктатура сочеталась с рядом почетных прав и почетных титулов (*imperator* и *pater patriae*). Диктатура Цезаря стала переломом в развитии монархических институтов, однако, будучи по природе чрезвычайной властью, позднее она была заменена преемниками Цезаря на другие правовые полномочия, прежде всего проконсульский империй и трибунскую власть. В 44 г. до н. э. по *lex sacrata*, предложенному Антонием, диктатура была упразднена, а позднее Август отказывался от нее, когда ему ее предлагали. Впрочем, уже и Цезарь начинал искать другие формы власти.

Помощником диктатора был начальник конницы (*magister equitum*), должность которого, по-видимому, происходит от должности *tribunus celerum* при царе. Начальник конницы назначался лично диктатором и был подчинен ему во всех вопросах. *Magister equitum* имел все права диктатора, будучи его полномочным заместителем. Из инсигний он имел претексту с пурпурной каймой, курульное кресло и 6 ликторов, а по рангу был примерно эквивалентен претору. В 217 г. до н. э., как показал случай Квинта Фабия Максима и Марка Минуция Руфа, начальник конницы мог стать реальным

коллегой диктатора. Но и после этого случая старая система полного подчинения начальника конницы диктатору продолжает сохраняться.

Особой должностью, занимавшей промежуточное положение между ordinарной и экстраординарной структурами власти, были военные трибуны с консульской властью (*tribuni militum consulare potestate*). Впервые должность появилась в 444 г. до н. э. (Liv., IV, 7, 11) и предназначалась для замены власти консулов. Происхождение этой категории трибунов не совсем ясно и, видимо, более связано с должностью предводителя триб, нежели с должностью народных трибунов. Эти трибуны избирались вместо консулов — от 3 до 8 человек — и обладали такой же властью, но меньшим социальным престижем, а вопрос, кого избирать, решал сенат. В 367 г. до н. э. после принятия законов Лициния-Секстия магистратура перестала существовать. Более сложен вопрос о причинах замены консулов трибунами, что объясняется военной ситуацией, требовавшей более дробной системы командования, стремлением передать управление в руки предводителей триб или, возможно, стремлением допустить плебеев к высшим должностям. Последнее предположение очень вероятно, так как следует буквально после закона Канулея (445 г.), разрешившего браки между патрициями и плебеями. Уже в списке трибунов 444 г. до н. э. встречается имя плебея Луция Атилия. Однако более или менее постоянно плебеи стали входить в коллегию военных трибунов с 400 г. до н. э. В целом введение этой должности было связано с предоставлением плебеям *ius honorum*. Замена консулов трибунами была частым явлением. Так, с 444 по 367 г. до н. э. консулы заменялись трибунами 44 раза, тогда как в остальные годы избирались консулы.

К числу экстраординарных магистратур относится и децемвират, согласно традиции введенный в 451 г. до н. э. и просуществовавший в течение всего 450 г., а затем свергнутый в 449 г. до н. э. Особенностью децемвирата было избрание вместо консулов 10 магистратов для записи законов (*decemviri legibus scribundis*), причем в отличие от других магистратов эта должность не допускала действия против нее права провокации (*sine provocatione*). Децемвиры получали всю полноту власти, их империй также не подлежал интерцессии (*sine intercessione*: Cic., *De re p.* I, 37, 62). Выборы производились центуриатными комициями. Все децемвиры имели равную власть, ежедневно меняясь на посту главы коллегии, а каж-

дые 10 дней один из децемвиров председательствовал в суде (Liv., III, 33). Между децемвирами существовал принцип консенсуса. В 450 г. до н. э. часть децемвиров была переизбрана, однако другие оставались на своем посту. Среди них доминируют представители патрицианских фамилий, но имеются и плебеи.

В целом деятельность децемвиров сходна с деятельностью греческих законодателей-эсимнетов, а сообщения о втором децемвирате демонстрируют попытку захвата ими власти и возможного установления господства лидера децемвиров Аппия Клавдия. Протест в сенате и сецессия плебеев вызвали свержение децемвиров, оставивших о себе в традиции память и как о законодателях, создавших основы римского права, и как о лицах, пытавшихся установить тираническое правление. Исследователи иногда высказывают сомнения относительно последнего факта, однако децемвират мог быть прообразом чрезвычайных комиссий поздней Республики, а предание о децемвирском произволе занимает слишком большое место в традиции, чтобы его отвергать.

Такого рода объединениями, сходными с децемвиратом, были первый и второй триумvirаты. Тема первого триумvirата детально разобрана в отечественной историографии, где подробно рассматриваются вопросы о дате его создания, целях его участников, роли каждого из членов триумvirата и характере их союза. На первом этапе триумvirат представлял собой неофициальное объединение трех влиятельнейших политиков Рима — Цезаря, Помпея и Красса — с общей декларацией не допускать, чтобы что-либо неугодное троим совершалось в государстве, а также с конкретными целями на ближайший период. После консульства Цезаря в 59 г. до н. э., а затем предоставления ему, по закону Ватиния и сенатус-консульту, проведенному по инициативе Помпея (App., B. C., II, 13; Plut., Caes., 14; Pomp., 48; Cato, 33; Vell., II, 44), управления Цизальпийской и Нарбонской Галлиями и Иллириком сроком на 5 лет союз приобрел официальный характер. Принципиальным шагом в оформлении триумvirата стало Лукское соглашение 56 г. до н. э., предоставившее большинство провинций (испанские и галльские провинции и провинция Сирия) под контроль членов триумvirата¹². Вместе с тем члены первого триумvirата имели власть

¹²Подробный обзор темы первого триумvirата см.: *Машкин Н. А.* Принципах Августа. М.; Л., 1949. С. 28; *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 91–95; *Чеканова Н. В.* Система триумvirата в политической

не как триумvirская коллегия, а как носители других ординарных и экстраординарных полномочий, которые постепенно перешли в единоличную власть Цезаря¹³.

Второй триумvirат Цезаря Октавиана, Антония и Лепида отличался от первого более официальным характером, когда все трое были объявлены триумвирами для устройства государственных дел (*triumviri rei publicae constituendae*) сроком на 5 лет с официальным обозначением статуса. При рассмотрении второго триумvirата исследователи отмечают неограниченность власти триумвиров и то, что они стояли над всеми магистратами. От них зависело назначение магистратов и сенаторов, издание законов, установление налогов в Италии и провинциях, верховная юрисдикция без права апелляции. Триумвирам принадлежали верховное военное командование, суверенитет во внешних отношениях, право объявления войны и заключение мира. Триумвиры могли смещать магистратов и перестраивать систему исполнительной власти, контролировать налогообложение. Обычно триумvirат считается коллегиальной военной диктатурой, столь же полновластной, как диктатура Суллы и Цезаря. Показательно, что постепенно триумvirат трансформируется в дуумvirат Октавиана и Антония, а затем в единоличное правление первого, причем эта перемена не привела к изменению должности. В 36 г. до н. э. был смещен Лепид. В 33 г. до н. э. Антоний и Октавиан формально сняли с себя полномочия триумвиров, хотя реально сохранили их до победы Октавиана в 30 г. до н. э. В формально-правовом плане конец триумvirата означал конец чрезвычайной ситуации и переходного периода.

Помимо должностей с общими полномочиями возникали и экстраординарные должности, полномочия которых ограничивались какой-либо конкретной областью. Посвящение, строительство и освящение храма в Риме было важным делом как с религиозной, так и с финансовой точек зрения. Обеты от имени государства могли давать диктаторы, консулы, преторы, цензоры, они же могли заниматься и освящением храма, однако зачастую римляне прибегали к услугам специальных дуумвиров (*duumviri aedibus dedi-*

жизни Рима при переходе от Республики к Империи: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук..Л., 1988. С. 110–157.

¹³ Наиболее подробная информация имеется у Цицерона в речи «О консульских провинциях» (особенно см.: Cic., *De prov. cons.*, I, 1–II, 4; VII, 17–XX, 47).

candis), обычно выбиравшихся сенатом из числа консуляров. Такие же дуумвиры избирались для проведения угощения богов — лектистерния. Наконец, в критических ситуациях римляне обращались к Сивиллиным книгам, для чего выбирались специальные *decemviri sacris facindis*, которые устраивали также и всенародные молебствия.

Иные функции выполняли аграрные триумвиры, обычно избиравшиеся для распределения земель. В более ранний период этим занимались главные ординарные власти, консулы, преторы и народные трибуны, они же действовали и в особо важных ситуациях распределения или перераспределения земель. Около III в. до н. э. появились специальные *trimviri agri dividendi*, или *triumviri agris dedicandis adsignandis*. Особую известность эта комиссия получила после аграрной реформы Тиберия Гракха в 133 г. до н. э., причем именно в руках Гракхов комиссия приобрела особое значение. При выводе колоний всегда появлялись специально избранные *triumviri coloniae deducendae*, ответственные за все, что касалось новой общины.

Роль *duumviri perduellionis iudicandae* заключалась в вынесении приговоров по делам о крупных преступлениях уголовно-политического характера и была аналогична роли *quaestores paricidii*. В отличие от квесторов дуумвиры выбирались в каждом конкретном случае и подчинялись решениями высшего магистрата, консула или претора. Из других должностных лиц можно отметить существование *triumviri (quinqueviri) mensarii* (ответственные за национальные займы), *triumviri aedibus reficiendis* (триумвиры для восстановления храмов), *quinqueviri muris turribusque reficiendis* (квинквиры для восстановления стен и башен) и др.

Как и в древности, особое значение имели жреческие коллегии, причем на центральное место выдвигались коллегии понтификов и авгуров, а глава коллегии, *pontifex maximus*, сохранял свое положение главы римской религии. В 300 г. до н. э. по закону братьев Огульниев к 4 авгурам и 4 понтификам из патрициев были добавлены 5 авгуров и 4 понтифика из плебеев (Liv., X, 6–9). Значение понтификов особенно увеличилось после того, как в руках Юлия Цезаря соединились должности диктатора и великого понтифика, что создало основу для всеобъемлющей власти римского императора. Продолжало сохраняться и значение других коллегий — фламинов, фециалов, салиев и гаруспиков, а также жрецов

курий и триб. Новым институтом, характерным для Республики, было появление *гех сасогит* (царя богослужебных дел), который должен был иметь религиозные функции бывших рексов. Особенностью римской религии было то, что «волю богов мог вопрошать и любой глава фамилии, относительно своих частных дел, так же как и римский царь, жрец, впоследствии консул, главнокомандующий -- относительно дел, касавшихся всего римского народа. Это было не в собственном смысле гаданием, т. е. попыткой с помощью неких приемов узнать будущее -- речь шла о том, чтобы определить волю богов, дабы не противоречить ей»¹⁴.

Сведения источников показывают происхождение *imperium* высших магистратов непосредственно от царской власти. Они скорее демонстрируют не столько внутреннее, сколько внешнее ограничение *imperium* царей. Все данные указывают на его сохранение в *imperium* консулов и диктаторов, о чем говорят и внешние атрибуты: курульное кресло, ликторы, одежда, институт *interregnum*. Значительные полномочия были заметны и в других ветвях власти, прежде всего цензуре и народном трибунате. Ограничение *imperium* шло и по другим линиям, а именно через введение коллегийальности и временного годичного ограничения, а также за счет усиления полисных органов власти, что влекло за собой ограничение *imperium* в трех направлениях: расширялись права комиций, росло значение сената, развивались другие магистратуры. В условиях военного характера Рима магистратская власть сохранила прежнее качество. Дополнительным каналом для развития магистратской власти были и экстраординарные магистратуры, которые одновременно оказывались антагонистичны республиканской системе, но вместе с тем были ее интегральной, неотъемлемой частью, а также резервом для регенерации монархической власти, которая в определенной ситуации могла возродиться уже на новом уровне. Разветвленная магистратская система также выполняла ту сложную функцию поддержания государственной жизни, которая была крайне необходима для государства, прошедшего длительный путь от небольшой по своим размерам полисной республики до гигантской средиземноморской империи.

¹⁴ Штаерман Е. М. Римская религия // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 133.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Аппиан Александрийский. Гражданские войны / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935.

Гай Саллюстий Крисп. Соч. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. В 6 ч. / Пер. с греч. И. Алексеева. СПб., 1774–1775.

Ливий Тит. Римская история от основания города. В 3 т. / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой, М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнина. М., 1989–1993.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.

Полибий. Всеобщая история. В 3 т. / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. 2-е изд. под ред. А. Я. Тъжова. Л., 1994.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги: «О государстве», «О законах». В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1966.

Цицерон Марк Туллий. Письма. В 3 т. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.; Л., 1949–1951.

Цицерон Марк Туллий. Речи. В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. 2-е изд. М., 1993.

Хрестоматия по истории Древнего мира. В 3 т. / Под ред. В. В. Струве. Т. 3. М., 1953.

Хрестоматия по истории Древнего мира / Под ред. В. Г. Боруховича. Саратов, 1973.

Хрестоматия по истории древнего Рима. В 3 т. / Под ред. С. Л. Утченко. Т. 3. М., 1962.

Литература

Бартошек М. Римское право (понятия, определение, термины). М., 1989.

Беликов А. П. Римское частное право. Ставрополь, 1985.

Грималь П. Цицерон. М., 1991.

Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н. э.). Ярославль, 1996.

Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.

- Игнатенко А. В.* Древний Рим: От военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988.
- История древнего Рима.* 3-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994.
- Кнабе Г. С.* Древний Рим — история и повседневность. М., 1986.
- Ковалев С. И.* История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986.
- Кузищин В. И.* Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.
- Маликин Н. А.* История древнего Рима. 3-е изд. М., 1969.
- Маликин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949.
- Михайловский Ф. А.* Трибунская власть в политической системе принципата: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1985.
- Моммзен Т.* История Рима. В 5 т. СПб., 1993–1995.
- Нечай Ф. М.* Образование Римского государства. Минск, 1972.
- Сергеенко М. Е.* Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М.; Л., 1964.
- Утченко С. Л.* Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952.
- Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
- Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1977.
- Федорова Е. В.* Латинская эпиграфика. М., 1969.
- Чеканова Н. В.* Система триумvirата в политической жизни Рима при переходе от Республики к Империи: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1988.
- Штаерман Е. М.* Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 210–247.
- Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Там же. С. 22–106.
- Штаерман Е. М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1977.

Методические указания к теме

Тема магистратур Римской республики, как никакая другая, показывает функционирование римского государства, ту сложную государственную структуру, которую римляне создали и которая имела большое значение для развития государственности в Средние века, Новое и Новейшее время.

При рассмотрении темы особое значение приобретает проблема происхождения магистратур и становления верховной консульской власти. Говоря о первом периоде, можно считать Рим консульской республикой, сохранявшей черты царского времени с его сильной

авторитарной властью. Вместе с тем постепенно происходит развитие коллегиальной системы управления и прежде всего власти сената, которая с течением времени подчиняет себе магистратскую систему.

К III в. до н. э. относятся создание определенной иерархии магистратур, из которой выросла сложная политическая система, а также проведение четкого деления на ординарные и экстраординарные должности и курульные и некурульные магистратуры. Среди конкретных проблем формирования магистратур особое внимание следует уделить вопросам происхождения консульской и преторской власти, военного трибуната с консулярной властью и народного трибуната, а также концепции римской магистратуры, сочетанию в ней «царской» и представительной функций, т. е. генетической связи магистратуры с царской властью и вместе с тем ее положению представителя римского народа — она избиралась последним и выполняла его волю. Представляет интерес и субординационный момент: сочетание определенной подчиненности магистратов, неизбежной в правильно организованном государстве, и их относительной независимости друг от друга в силу самостоятельного избрания народом. Правовые отношения оказались теснейшим образом связаны с политической жизнью, когда политическая ситуация либо жестко подчиняла магистратов сенату и народу, либо, наоборот, давала им возможность большей самостоятельности, а кризис правовых основ Республики привел к превращению магистратской власти (в разных ее формах) в монархическую, которая затем трансформировала коллегиальные органы в свой управленческий аппарат.

Из отдельных ветвей власти особое значение имели три: консулы, цензоры и народные трибуны, первые из которых были высшей исполнительной властью, вторые контролировали состав общины, а третьи были как бы контрольным механизмом римской демократии. Говоря о римских магистратах, можно отметить особое значение экстраординарных структур, причиной существования которых было то крайне сложное положение, в котором находился Рим. В I в. до н. э. наряду с развитием республиканских магистратур и наиболее детальной разработкой их функций имеет место попытка превращения их в особые должности, дававшие уже малоограниченную, а затем и неограниченную власть. Этапами этого пути можно считать консульскую власть Мария и Цинны

и диктатуру Суллы, с которой начинается окончательный выход за пределы обычной магистратской власти. Новый этап знаменовали чрезвычайные полномочия Помпея, первый триумvirат, диктатура Цезаря и, наконец, второй триумvirат, который перерос в монархическую власть.

Особо следует отметить сакральные функции высших магистратов, тесно связанные с выполнением государственных обязанностей, а также самостоятельные функции жрецов. Особенностью Рима было тесное слияние жреческих и магистратских функций, а «послужные» списки римских политиков показывают, что практически все они совмещали государственные и жреческие должности, хотя, естественно, практика и личные способности допускали определенную «специализацию».

Рассматривая систему магистратур в Риме, можно понять не только систему государственной власти, но и другие сферы жизнедеятельности римского общества: военную организацию, вопросы защиты прав личности, комплектование римской общины, судебную систему и охрану общественного порядка, вопросы, связанные с вмешательством государства в экономическую, финансовую сферы и частную жизнь римлян.

СЕНАТ ВРЕМЕН РЕСПУБЛИКИ

Сенат был третьим основным элементом римского государственного организма и, по сути дела, играл решающую роль в Римской республике, причем именно он был реальной силой, которая правила Римом. Расцвет сената был связан с расцветом Республики, а упадок ее характеризовался упадком власти сената. Цицерон пишет о сенате следующее: «Его постановления да имеют силу, ибо положение таково: если сенат главенствует в решениях по делам государства, то всякое его постановление должны защищать все, а если остальные хотят, чтобы государство управлялось в соответствии с решениями первого сословия, то это соразмерное и преисполненное согласия государственное устройство может держаться на основе такого распределения прав, когда власть принадлежит народу, а ответственность несет сенат» (Cic., *De leg.*, III, 12, 28).

Вопрос о сенате может быть разделен на три части: комплектование сената, парламентская процедура и функции. Тема сената в отечественной историографии очень подробно рассмотрена в диссертации М. В. Белкина «Римский сенат в эпоху сословной борьбы V–III вв. до н. э.» (Санкт-Петербург, 1998), где автор детально разбирает его терминологическое обозначение, исторические этапы формирования и сферу компетенции, а также место, которое он занимал в римской политической системе. В работе также дан обзор историографии XIX–XX вв., и она может быть взята за основу при изучении римского сената.

Наша традиция достаточно единодушна в том, что к моменту начала Республики численность сенаторов достигла примерно 300

человек, причем, видимо, особое значение имела первая *lectio senatus* 509 г. до н. э., конституировавшая римский сенат, придавшая ему новое качество и превратившая его из царского сената в республиканское правительство. Рассмотрение связи между соотношением численности сената и организацией триб и курий чаще всего решается отрицательно. Сенат, бывший первоначально советом родовладык и приближенных царя, стал советом экс-магистратов¹. Со времен ценза 509 г. до н. э. численность сената в основном удерживалось на фиксированном уровне, хотя конкретное число, видимо, не было установлено. Увеличение числа сенаторов связано с Суллой, который добавил 300 новых сенаторов из числа молодых нобилей, всадников и собственных офицеров (Cic., *De leg.*, III, 12, 27; Liv., XXIII, 23). Увеличение сената Суллой рассмотрено многими исследователями (П. Виллемс, Х. Хилл, Р. Сайм, Э. Габба и др.), причем если одни авторы полагают, что в новом сенате было 600 членов, прибавляя 300 новых сенаторов к 300 старым, то другие считают, что численность сената была меньше (возможно, около 450–500 человек), так как сенат понес большие потери во время гражданской войны и террора Мария и Суллы. В 70 г. до н. э. цензоры Геллий и Лентул сократили число сулланских сенаторов на 64 человека, что вернуло сенат к цифре, близкой к прежним временам. В 60–40-е годы I в. численность сената, видимо, достигала 450 человек. Новое большое увеличение связано с преобразованиями Юлия Цезаря, увеличившего число сенаторов до 900 (Dio, 43, 47). В ходе гражданских войн 43–31 гг. их количество тоже растет. В 32 г. до н. э. их стало около 1 тыс. (R. g. D. A., 25; Plut. *Ant.*, 59; Suet. *Aug.*, 35). Возвращение к цифре 600 относится ко времени Августа.

Особенностью Рима было отсутствие прямых выборов членов сената народным собранием, что сближает его скорее с афинским Ареопагом, нежели с выборным Советом 500. В царский период сенаторов назначали рексы, позднее это делали консулы, а с 443 г. до н. э. — цензоры. Указанная дата перехода к цензорскому назначению представляется наиболее вероятной, хотя среди исследователей есть мнения, что составление списка сенаторов перешло к цензорам с IV в. до н. э., а конкретно — с цензуры Аппия Клав-

¹ См.: Белкин М. В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы V–III вв. до н. э.: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 113, 122, 131–135.

дия (312–307 гг. до н. э.). Цензоры проводили составление списков сената каждые 5 лет и были единственным органом, контролировавшим состав сената. Кроме цензоров, это право принадлежало диктаторам, производившим *lectio senatus* в особенно сложных для государства ситуациях (Фабий Бутеон, Сулла, Цезарь). Примечательно, что самые большие пополнения сената были связаны именно с действиями диктаторов.

Действия цензоров, имевших достаточно значительную свободу в составлении списков, регламентировались и другими правилами. Практикой составления сената было его комплектование из числа бывших высших магистратов, затем бывших эдилов, трибунов и квесторов и, наконец, тех, кто не занимал никаких должностей, прежде всего из числа всадников. Очень редко в сенат попадали люди, не принадлежавшие к высшим сословиям. Таким образом, в отсутствие прямых выборов народом, последние все же оказывали большое влияние на составление списков сенаторов.

Список сената составляли цензоры. Он включал в себя разные категории сенаторов, располагавшихся по рангу. Разделение сенаторов было постепенным: в царский период устанавливается деление на «отцов старших родов» (*patres maiorum gentium*) и «отцов младших родов» (*patres minorum gentium*), возникшее либо при Тарквиниях, либо в начале Республики².

В V в. появилось новое деление на *patres* и *conscripti*, что, видимо, обозначало соответственно патрицианских и плебейских сенаторов³. С IV в. до н. э. после законов Лициния – Секстия это деление, происшедшее в ходе сословной борьбы, было заменено на деление по принципу последней занимаемой магистратуры. Во главе списка находились бывшие цензоры (цензории) и консуляры, далее шли претории, эдилции, трибунии и квестории, а затем сенаторы, не занимавшие должностей.

Цена голоса сенаторов была одинакова, хотя, естественно, фактор авторитета играл особую роль, и древние авторы определяют как элиту сената именно цензориев и консуляров, которые обычно задавали тон дискуссии и оказывали особое влияние на принятие решений.

Принцип комплектования сената изменил Сулла, который лик-

² Белкин М. В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы V–III вв. до н. э. СПб., 1998. С. 125–130.

³ Там же. С. 146–151.

видировал цензуру и превратил пополнение сената в прямой выборный процесс. Число квесторов при Сулле выросло с 8 до 20 человек (Тас., Анн., XI, 22), причем все квесторы, не бывшие еще членами сената, попадали в его состав. В 70 г. до н. э. цензура была восстановлена. Цезарь частично вернулся к сулланской системе, оставив за собой и цензорские полномочия. При Августе функция пополнения сената перешла в руки принцепса.

Как и при царях, сенат обязательно должен был созываться, но теперь уже магистратом, имевшим *ius agendi cum patribus*. Это были консул, диктатор, децемвир, трибун с консулярной властью, начальник конницы, претор, позднее — народный трибун. Понятием *ius agendi cum patribus* охватывался целый ряд функций: собирать сенат (*vocare*), председательствовать в нем (*senatum habere*), делать доклад (*referre*), проводить опрос мнений сенаторов (*consulere*) и, наконец, принимать решение сената (*senatusconsultum facere*). В отличие от ряда других государственных советов сенат не имел фиксированного места для сбора, но выбирал разные места, чаще всего храмы. Для республиканской эпохи источники обычно указывают Капитолий (сама крепость или подножие холма), Палатин, храм богини Верности (App., В. С. I, 16), храм Диоскуров (Ibid., I, 25), курию Гостилия (Liv., I, 30, 2), храм Согласия (Concordia), построенный Луцием Опиимом, храм Сатурна (Liv., I, 31) и реже другие места. Юлий Цезарь начал строительство курии Юлия, законченной при Августе с целью превратить ее, по крайней мере, в основное место заседаний. Дни сбора сената регламентировались календарем. Сенат мог заседать только в *dies fasti*. Обычно сенаторы не могли собираться до восхода солнца и продолжать заседать после его захода.

Председатель сидел на особом возвышении, курульные магистраты — в курульных креслах, сенаторы — на скамьях в зависимости от ранга. Вопрос о кворуме был достаточно сложным. Примечательно, что надпись 186 г. до н. э. указывает на сравнительно небольшое число сенаторов — 100 человек (Dess., I, 18), однако факты показывают достаточно жесткий контроль за сенаторской явкой, когда уважительной причиной для отсутствия считались либо болезнь, либо выполнение государственного поручения. Такими поручениями могли быть нахождение в армии, посольстве, выполнение инспекционных поручений и т. п., что физически делало присутствие невозможным. Поскольку сенаторы составляли

командный состав армий, состав посольств, многие из них находились в провинциях по различным делам государственной важности, довольно значительное их количество отсутствовало по этим причинам, и, таким образом, кворум в 100–200 человек не был слишком маленьким.

Председатель делал доклад (*relatio*), в котором излагал суть дела, после чего следовала дискуссия. Иногда председатель проводил опрос мнений всех сенаторов, начиная с самых пожилых и высокопоставленных. Первый человек в сенаторском списке именовался *princeps senatus*, и его положение давало огромный престиж и право первого слова. В других ситуациях право первого слова давалось консулу, избранному на следующий срок. Со временем, как это было при Империи, положение *princeps senatus* превращалось в функцию председателя сената. После дискуссии начиналось голосование: голосовавшие расходились в разные стороны (термин *redibus vocare*). По окончании голосования несколько специально выбранных сенаторов записывали решение (сенатусконсульт), который и получал силу закона. Если трибуны совершали интерцессию, то сенатусконсульт лишался своей силы.

Наиболее сложен вопрос о правовой и политической власти сената. Согласно теории Т. Моммзена, сенат, по большому счету, был консультативным органом при магистратах, и его власть — во многом результат фактического положения, т. е., в какой-то степени, правовой узурпации. Вместе с тем, по мнению многих исследователей (П. Виллемс, А. Хойсс, В. Кункель и др.), сенат имел ряд самостоятельных полномочий и был реально действующим римским правительством.

Подробный анализ материала показывает, что именно сенат стал центральным органом власти в Римском государстве и именно он был основной решающей силой. Характеризуя полномочия сената, Полибий указывает на следующее: ведение реестра доходов и расходов казны, когда квесторы не могли выдавать из казны деньги без разрешения сената, а цензоры брали деньги на исправление и сооружение общественных зданий также только с сенатского разрешения. Сенат выносил решения по преступлениям, совершаемым в Италии (измена, заговор, убийство, отравительство и др.), решал споры в отношении отдельных лиц и городов Италии, отправлял посольства с целью «замирения, призыва в подданство, объявления войны». Полибий также сообщает, что от сената зави-

сел и прием явившихся в Рим посольств и ответы им (Polyb., VI, 13). Конкретное рассмотрение полномочий сената показывает, что они были еще более значительными.

Проблема роли сената как совещательного органа оказывается несколько более сложной. В самом деле, для созыва сената требовалась воля магистрата, однако сенат имел множество возможностей заставить магистрата провести заседание, а в случае нежелания одного магистрата можно было найти другого, который на это согласился бы. Функция *consilium* превратилась в арбитраж между магистратами, и в отношениях с ними сенат, без сомнения, оказывался более сильной и авторитетной стороной. В источниках есть указания на то, что сенат распределял обязанности между магистратами (например, Liv., XXII, 8; XXXIII, 24), давал им прямые поручения, причем это касалось не только квесторов и эдилов, но и консулов (например, Liv., VIII, 29) и давал им указания относительно ведения войны (например, Liv., IX, 37). Во время войны сенат оказывался как бы генеральным штабом, куда стекались все донесения, где разрабатывались планы военных действий, давались поручения представителям военного командования. К III в. сенат добивается подчинения даже от народных трибунов. Письма Цицерона свидетельствуют о регулярности донесений от военачальников в сенат, отчетов командующих армиями и провинциальных наместников. Сенат принимал к рассмотрению конфликты между магистратами, решал вопрос о продлении полномочий наместников провинций, принимал донесения от военачальников любого ранга. Строго говоря, все это было связано с категорией *consilium*, однако из *consilium* выросло всеобъемлющее право общего контроля за положением в государстве и общего государственного управления.

Сенат принимал большое участие в регламентации выборов, хотя последние осуществлялись народом. Так, между 444 и 367 гг. до н. э. сенат рассматривал вопрос, кого выбирать — консулов или трибунов с консулярной властью. С сенатом был связан институт *prorogatio*, и, как правило, именно сенат решал вопрос о назначении экстраординарных магистратов. К компетенции сената относился вопрос о продлении полномочий разным должностным лицам. Именно сенат решал вопросы о необходимости назначения диктатора, поручая конкретный выбор одному из консулов. С другой стороны, магистраты были членами сената (или готовились ими стать), и конфликт с ним был им крайне не выгоден. Сенат был посто-

янно действующим органом, а происходящие раз в 5 лет ротации редко приводили к радикальным переменам в его составе. Сенат имел множество способов косвенного давления на магистратов, а обойти его было крайне трудно. Это требовало прямого обращения к народному собранию, что нарушало неписаное правило. Наконец, до 339 г. до н. э. (закон Филона) сенат даже утверждал решения народа.

Модель отношений между сенатом и магистратами может показать история с принятием решения о запрете вакханалий (187 или 196 г. до н. э.), причем мы располагаем информацией как литературного источника — произведения Тита Ливия, так и надписи, содержащей решение сената (Liv., XXXIX, 9–20; Dess., I, 18). Информацию о распространении вакханалий, связанных с оргиями и убийствами, получил консул Постумий Альбин, он же провел следствие и сделал доклад сенату. Сенат, видимо, считая необходимым продолжение преследования, поручил его консулам, и тогда консулы начали действовать на основании сенатского решения, принимая меры против заговорщиков (Liv., XXXIX, 9–17). Фактически окончательный запрет культа и регламентацию регистрации тех, кто хотел проводить вакханалии, произвел сенат, разрешая отдельным лицам отправление этого культа только с сенатского разрешения под наблюдением городского претора и поручая магистратам привести решение в исполнение (Dess., I, 18). Данный эпизод дает возможность сделать вывод о полном контроле положения дел сенатом и явном преобладании сенатского руководства над магистратским.

Важнейшей функцией сената было управление финансами и государственным имуществом. Уже в раннее время сенат ведал судьбой военной добычи, определяя, какую добычу продать, какую передать в казну и какую распределить между воинами⁴. По сообщению Полибия, к ведению сената относились управление всяким приходом и расходом, т. е. финансами государства, составление бюджета (обычно на пятилетний срок), установление характера и сумм налогов. В этом смысле от сената зависело все, в том числе военные и культовые расходы. Достаточно примечательна и роль сената в военной области, этой, казалось бы, магистратской сфере

⁴ Маяк И. Л. К вопросу о пополнении римского бюджета // Торговля и торговец в античном мире: Сб. статей. М., 1997. С. 73.

деятельности. Решение о войне и мире принимало народное собрание, однако затем сенат принимал решение о наборе войск и их количестве, а также о распределении по театрам военных действий. Сенат координировал военные кампании. В его ведении находилось выделение денег действующим армиям, объявление благодарности командующим армиями, назначение триумфа или овации или отказ в них (Liv., IX, 40; X, 37), решение о вынесении благодарности воинам (Ibid., V, 7), решение судьбы военнопленных (Ibid., XXII, 59), присуждение наград и вынесение наказаний собственным воинам. Сфера экономической деятельности сената включала контроль за торговой деятельностью государства и урегулирование торговых сделок (Ibid., VII, 27), урегулирование продовольственных кризисов (Ibid., II, 34, 35), решение вопросов о продаже соли (Ibid., II, 9).

Сенат был главным хранителем безопасности римского государства в самые критические периоды римской истории: в период сессий плебеев, тяжелых войн V–IV вв. до н. э., в годы I и II Пунических войн, восстания италийских союзников и др. Сенат брал на себя управление, магистраты выполняли его приказы, народные трибуны использовали свои права по преимуществу по воле сената, а народное собрание послушно вотировало сенатские решения. Сенат принимал меры в случае тяжелых экономических и криминальных ситуаций.

Методы действия сената в чрезвычайных ситуациях были различными. Это были специальные постановления, не выходящие за пределы обычной компетенции, а также назначение диктатора и так называемое «крайнее решение сената» (*senatusconsultum ultimum*), впервые, видимо имевшее место в 123 г. до н. э. с целью подавления гракханского движения. При формальной независимости судебной власти от сената ее связь с ним была очень велика. До 123 г. до н. э. (гракханского закона о судах) все судебные комиссии состояли из сенаторов, а после Гракхов в руки всадников попали *quaestiones repetundarum* — суды по делам о вымогательствах, однако после долгой борьбы сенаторы сохранили по закону Аврелия Котты от 70 г. до н. э. треть мест в *quaestiones* и большинство (или все места) в других комиссиях. Наконец, в особо важных случаях сенат сам выступал в качестве суда, как это было в деле катилинариев в 63 г. до н. э.

В руках сената находились и дела союзников римского народа,

причем он рассматривал все дела об их статусе. Сенат часто предоставлял гражданство, и здесь его компетенция смешивалась с компетенцией народного собрания (Liv., VIII, 21), принимал решения о выводе колоний и поселений (Liv., IX, 20), определял политический статус общины (Ibid., X, 12), вел переговоры с союзниками, отвечал на их запросы и просьбы (Liv., VI, 21). Ливий упоминает о заключении союзных договоров (Liv., X, 12) и назначении патронов общин (Liv., IX, 20).

Из основных проблем, связанных с сенатом, наиболее существенны следующие: 1) соотношение власти сената и магистратов, а также сената и народного собрания; 2) правовой и неправовой факторы в практике деятельности сената; 3) различные стадии в развитии сенатской власти.

Для решения первого вопроса особое значение имеет тема *auctoritas patrum* как утверждения решений народного собрания со стороны *patres*, под которыми обычно понимают сенат. По Ливию и Дионисию Галикарнасскому (Dion Hal., II, 14; Liv., I, 17, 19), право это было введено еще Ромулом. Если считать, что корни *auctoritas* находятся еще в царской эпохе (П. Виллемс, Т. Моммзен, Э. Гьерстад, А. Момильяно) и, быть может, первое утверждение *patres* решений народного собрания состоялось во время первого междоусобия, то справедливо и мнение, что в царский период, в условиях полновластия рекса, закон, проведенный царем через комиции, не нуждался в таком утверждении и более частым стало предварительное обсуждение законопроектов, предложенных царем (мнение М. В. Белкина).

С переходом к республике *auctoritas patrum* бесспорно становилось привилегией сената и существовало до законов Публилия Филона и Гортензия (339 и 287 гг.), когда сенатское утверждение давалось до голосования независимо от его исхода. Вероятно, в более ранние времена *concilia plebis* игнорировали это право, причем создается впечатление, что многие законы были приняты без этого утверждения. Так или иначе, но в правовом плане *lex* стоял выше сенатусконсульта, однако в руках сената находилось очень важное право (и даже обязанность) предварительного обсуждения вопросов, выносимых на рассмотрение народа, причем многие вопросы часто и решались на уровне сената. Сенат также реализовывал конкретные решения народного собрания.

Соотношение сената и магистратов мы уже рассмотрели. Одна-

ко при всем значении магистратской власти руководство магистратами, осуществлявшееся сенатом, носило вполне определенный характер. Согласно теории Ж. Руфино и Т. Моммзена, *imperium* магистратов сохранял властные полномочия царей, а сенат был прежде всего консультативным советом при магистратах. В таком случае положение сената было результатом только фактического развития, и сенатусконсулт представлял собой лишь мнение сената, которое магистрат мог выполнять или не выполнять.

В данном случае более правомерным представляется мнение других исследователей (в частности, В. Кункеля и А. Хойсса), согласно которому решения сената были обязательны и нормативны для магистратов. Тон сенатских постановлений не оставляет никаких сомнений в том, что это было именно так, и, видимо, мало кто из римлян сомневался в обязательности сенатских решений. Если магистрат не хотел их выполнять, он либо обращался к народу, либо искал возможности использовать трибунское вето, либо пытался не выполнить их на практике. Гораздо чаще те или иные группы влияния стремились провести или отменить нужные им решения именно через сенат. Обязательность решений сената для магистратов оказывалась отчасти правовой, отчасти фактической необходимостью, и постепенно сенатусконсулт становился конституционным законом, а римляне, как правило, воспринимали магистратуру как исполнительный орган сената⁵. Наконец, сенат был хранителем континуитета магистратской власти, о чем свидетельствуют как обычные меры при организации выборов, так и действия сената, когда нормальная выборная процедура не могла состояться (введение *interregnum*, диктатуры, создание чрезвычайных магистратур). Различие между магистратской властью и властью сената отразилось даже в терминологии: власть магистрата передавало достаточно определенное понятие *potestas*, подразумевающее правовую власть, а власть сената чаще именовалась *auctoritas* — термином, содержание которого кроме властных полномочий включало авторитет, неформальное лидерство и политическое влияние. Похоже, что термин *auctoritas* в большей степени, чем *potestas*, указывал и на религиозную значимость сената. Именно *auctoritas* обозначает огромное морально-политическое влияние, не только легальное, но

⁵ Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft // ANRW. Tl. 1. Bd. 2. Berlin; New York, 1972. S. 7–9, 17–20.

и экстралегальное, которым обладал сенат, превосходивший в этом плане остальные элементы римской власти.

Говоря о стадиях развития сенатской власти, можно выделить несколько этапов. После свержения царей происходит превращение сената из царского совета в римское правительство, однако в V—IV вв. до н. э. он был прежде всего органом правящего патрициата, противостоящего плебейскому народному собранию и в значительной степени контролируемого магистратской властью. Сохраняя три старые функции — *interregnum*, *patrum auctoritas* и *consilium*; сенат изменил качество царского совета, а из принципа *consilium* начинало развиваться уже новое качество правительства государства, контролировавшего финансы и политику, военную и религиозную жизнь. Сенат, изменив свое качество народного совета, из принципа *consilium* начинает развивать положение реально правящего органа⁶.

Усиление сената было связано со многими процессами середины IV — конца II вв. до н. э. Это были: доступ плебеев к магистратурам и в сенат, усложнение самой государственной жизни, связанной с ростом государства и новыми завоеваниями, увеличение числа магистратур, создание новой сенатской иерархии, развитие комициальной жизни. На это время приходится расцвет сенатского господства и расцвет Республики. Концентрируя в себе социальную и политическую элиту общества, родовую и служилую аристократию, сенат уверенно руководит Римской республикой.

Третий период в истории сената связан с кризисом конца II — начала I вв. до н. э. В правовом смысле в положении сената, казалось, ничего не изменилось, и даже, наоборот, деятельность сената стала более сложной и многогранной. Вместе с тем кризисные явления давали о себе знать. Гракханские реформы и борьба вокруг них впервые после времен патрициев и плебеев создали конфликт между сенатом и народным собранием и усилили противоречия внутри сената, превратив трибунат в орган антисенатской борьбы. После Гракхов такого рода деятельность была связана с реформами Сатурнина, Сульпиция и Клодия.

Новым ударом по сенатскому господству явилось развитие системы военных диктатур, когда при Марии, Сулле и Цезаре сенат послушно вотирует волю диктаторов и пополняется их ставленни-

⁶ Белкин М. В. Эволюция римского сената... С. 113–122, 131–135.

ками. Период I в. до н. э. стал переходным этапом от полновластного республиканского сената к сенату имперскому, имевшему все еще огромное значение, но уже подчиненному императорской власти.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Аппиан Александрийский. Гражданские войны / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935.

Гай Саллюстий Крисп. Соч. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Ливий Тит. Римская история от основания города. В 3 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1989–1993.

Полибий. Всеобщая история. В 3 т. / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. 2-е изд. под ред. А. Я. Тыжова. СПб., 1995.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Пер. с греч. под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги «О государстве», «О законах». В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1966.

Цицерон Марк Туллий. Письма. В 3 т. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.; Л., 1949–1952.

Цицерон Марк Туллий. Речи. В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962.

Литература

Бартошек М. Римское право (понятия, определения, термины). М., 1989.

Беликов А. П. Римское частное право. Ставрополь, 1985.

Белкин М. В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы V–III вв. до н. э.: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. СПб., 1998.

Белкин М. В. Эволюция римского сената в V–III вв. до н. э. // Античное общество. Проблемы политической истории / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1997. С. 84–97.

Виллемс П. Римское государственное право / Пер. с франц. под ред. Бодянского. Вып. 1–2. М., 1888–1890.

История древнего Рима. 3-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994.

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986.

Машикин Н. А. История древнего Рима. 3-е изд. М., 1969.

Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 1–3. СПб., 1993.

Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Вып. 1–3. Харьков, 1894–1902.

Покровский И. А. История римского права. 7-е изд. М., 1919.

Сидорович О. В. Социальный состав римского сената в эпоху ранней Республики // Из материалов античного общества. Горький, 1975. С. 52–61.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977.

Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1977.

Штаерман Е. М. Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 210–247.

Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Там же. С. 22–106.

Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1977.

Методические указания к теме

Рассмотрение римского сената завершает тему организации высших римских государственных органов и обобщает их характеристику. Наибольшую сложность представляют проблемы, связанные с комплектованием и компетенцией сената. По-видимому, наиболее важным в вопросе комплектования было отсутствие прямых выборов в сенат и наличие цензорской власти, однако, как показывает практика, результаты магистратских выборов оказывали на сенатский состав огромное влияние. Другой важный аспект проблемы — это обозначение сенаторов и содержание терминов *patres*, *conscripti*, *patres conscripti*, а также понятия *ordo senatorius*. Крайне значим смысл преобразований Суллы и Цезаря, заключавшийся в подчинении цензорской власти высшему магистрату с *imperium*, а также в получении Суллой и Цезарем контроля над составом сената.

Среди других проблем, наверное, наиболее спорной является проблема власти сената, суть ее состоит в сочетании этим органом консультативных функций и решающей власти, причем последняя преобладала. Важна и проблема эволюции сената от царского и магистратского совета в сторону реального правительства, состоявшего из действующих и бывших магистратов и управлявшего практи-

чески всеми делами государства, главного хранителя государственной безопасности, государственной религии и магистратского континуитета. Другая проблема — соотношение империя магистратов, полномочий комиций и власти сената, особое сочетание *potestas* магистратов и *auctoritas* сената. В связи с этим встает вопрос о правомерности определения римского государственного строя как синтеза монархии, аристократии и демократии, которое принадлежит античным теоретикам римского государства и права, прежде всего Полибию и Цицерону. Существенно, что при всей значимости доминирования сенатского правления и олигархического характера Рима схема античных авторов отражает глубинные стороны римской государственной системы, выражавшиеся в принципе верховенства народного собрания (во многом теоретически) и значительной степени независимости магистратской власти.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Уже ко времени начала Республики в Риме существовала достаточно отлаженная военная система, практически основанная на всеобщей воинской повинности граждан. Первоначальным термином, обозначавшим римское войско, был термин *legio* (от *legere* — «набирать»), а позднее легион стал подразделением римской армии. Во времена Сервия Туллия, по сообщениям Ливия (*Liv.*, I, 42–43) и Дионисия Галикарнасского (*Dion Halic.*, IV, 15–18), римская армия комплектовалась по классам и центуриям (см. тему 1) и в общей сложности насчитывала 193 центурии, из которых 18 центурий составляла кавалерия, а остальные — различного рода пехоту с более или менее тяжелым вооружением. Последний, 5-й класс представлял собой легковооруженную пехоту — велитов. С появлением сервианской системы Рим переходит к гоплитской фаланге. Принципиальным делением центурий было деление на *iuniores* — «младших», и *seniores* — «старших», возрастной гранью между ними был возраст в 45 лет, причем если первые представляли собой мобильные войска, то вторые были предназначены для охраны города (*Liv.*, I, 42–43). Реформа Сервия Туллия определила формирование в Риме гоплитской фаланги, которую в основном составляли граждане 1–4-го классов, тогда как 5-й класс давал лучников и прапщников. Большинство центурий по сервианской системе поставлял 1-й класс (98 центурий), 2, 3 и 4-й поставляли по 20, и 5-й класс — 30 центурий. Кроме того, в сервианской армии существовали 2 центурии ремесленников, 2 центурии музыкантов и 1 центурия пролетариев.

Сервианская система, видимо, просуществовала, по крайней мере, до IV в. до н. э. без принципиальных изменений. Исследователи спорят относительно возможности Рима выставлять такое количество воинов, однако наиболее достоверной все же является информация Ливия и Дионисия.

Судя по всему, в IV в. до н. э. произошли важные изменения в римской военной системе. До этого времени фаланга строилась по цензовому принципу, тогда как теперь построение осуществлялось по принципу возрастному, и она делилась на гастатов, принципов и триариев. Легион дробился на 30 манипул по 2 центурии и становился более гибким. Манипулярное деление исследователи часто связывают с Самнитскими войнами 340–290 гг. до н. э., однако возможно появление этого деления и в более раннее время. В начале IV в. до н. э. произошли важные изменения, которые традиция относит ко времени взятия Вей (396 г. до н. э.) и последующим десятилетиям, а исследователи обычно именуют реформой Камилла, которая сводилась к введению жалования, улучшению конструкции вооружения (шлема и щита), введению новых осадных сооружений и совершенствованию военной техники.

Детальное описание военной системы времён великих завоеваний, сложившейся к концу Самнитских войн, дает Полибий. Высшее командование принадлежало магистратам с *imperium* (консулам и преторам), которым были подчинены 14 военных трибунов. Они были выборными должностными лицами (Polib., VI, 19) и распределялись по 4 легионам, которые и были стандартной цифрой для численности римской армии. В первый легион назначались 4 трибуна, а в остальные — по 3 (Ibid., VI, 20), причем функции трибунов были весьма разнообразными, начиная от выполнения общих поручений консулов и заканчивая командованием тем или иным легионом. Трибуны собирали легион, требовали принести присягу, распределяли солдат, назначали более мелких начальников отрядов, прежде всего центурионов, и осуществляли руководство военными действиями, причем неупоминание Полибием легатов показывает, что эта должность в его время была относительно эпизодической и не стала элементом постоянной структуры армии (о функциях трибунов см.: Ibid., VI, 20–24). Полибий мало пишет о значительной роли квестора, однако другие источники показывают, что квестор был фактическим руководителем тыловой службы.

Следующее звено римской военной системы составляли центурионы, которые представляли собой унтер-офицерский и в какой-то степени младший офицерский состав, командовавший центуриями и манипулами, а иногда и когортами, причем старший центурион легиона был его примипилом (*primus pilus*), также будучи помощником трибунов (позднее — легатов) по управлению легионом (Polyb., II, 24). Римские источники, прежде всего Юлий Цезарь, совершенно определенно показывают центральную роль центурионов в управлении римской армией. Численность легиона Полибий определяет в 4200 пехотинцев и 300 конных воинов (Polyb., II, 20), есть также основания полагать, что в более поздние времена легион состоял из 5–6 тыс. человек, однако зачастую легионы не имели полного состава, и в «Записках» Цезаря указываются обычно реальные цифры в 3–4 тыс. человек, правда, в условиях, когда легионы вели военные действия.

Полибий же фиксирует систему деления на гастатов, принципов и триариев, отражающую возрастную структуру легиона. Автор указывает на численность в 1200 гастатов, 1200 принципов и 600 триариев, что составляло 3 тыс. тяжеловооруженных воинов, разделенных на манипулы и центурии и отличавшихся друг от друга вооружением (Polyb., II, 22). Другую категорию римских воинов составляли также разделенные на центурии велиты (легковооруженные) (от *velox* — «быстрый, проворный»), вооруженные мечами, дротиками и легкими щитами (Ibid., II, 22). Наконец, Полибий описывает структуру легионной кавалерии, состоящей из 300 всадников, разделенных на 10 эскадронов (*turmae*) конницы. В каждом легионе выбирали трех начальников, декурионов. По мнению исследователей, римская конница представляла собой всадников, способных сражаться на лошадях, а также в спешенном строю.

Вторую часть римской армии образовывали союзнические контингенты, имевшие ту же легионно-манипулярную структуру, причем италийская союзническая конница была вдвое многочисленнее римской.

Особое значение имела и техническая сторона римского военного дела, характерные черты которой — отлаженное производство стандартизированного вооружения, знаменитая система устройства римских военных лагерей, как временных, так и постоянных, а также использование строительной и осадной техники, прогресс которой был особенно значителен после II Пунической войны. Здесь

государственно-правовые вопросы теснейшим образом смыкались с сугубо военно-тактическими, но рассмотрение последних выходит за рамки данного пособия.

Военная система, сложившаяся ко времени Полибия, подверглась значительным изменениям на рубеже II—I вв. до н. э.: вначале — в процессе того, что называют реформой Мария, а затем и в ходе внешних и гражданских войн I в. до н. э. Исследователи оценивают эту систему по-разному, начиная с оценки ее как радикального военного преобразования, создавшего особую профессиональную армию из пролетариев, фактически отменившего цензовый принцип, введшего новую когортную тактику и вооружение и превратившего крестьянскую милицию в постоянное войско (Т. Моммзен, К. В. Нич, С. И. Ковалев, отчасти А. В. Игнатенко) и заканчивая мнением, согласно которому реформа была только звеном в цепи постепенных преобразований, а не единичным актом или качественным скачком в развитии (С. Л. Утченко, Э. Габба, Р. Смит, П. Брюнт, Й. Фогт, В. Шмиттнер и особенно французский исследователь Ж. Арман).

Второе мнение представляется более основательным. Нехватка людских ресурсов из числа граждан, входивших в цензовые классы, и значительные потери вынуждали государство привлекать в армию солдат-добровольцев за счет негражданских контингентов, проводить снижение цензового уровня, увеличивать экстраординарные вербовки вплоть до вербовки заключенных и рабов, как это было после поражения при Каннах (Liv., XXII, 57; XXIII, 14). Крайне важным в этом смысле можно считать понижение нижней границы ценза, видимо до 4 тыс. ассов уже в период II Пунической войны¹. Особым фактором были дополнительные вербовки ветеранов и так называемых *evocati*, постепенно игравших все более значительную роль в армии. После сильнейшего военного напряжения II Пунической войны произошел некоторый возврат к старой системе цензового набора, однако реформа Мария «открыла все шлюзы, через которые и хлынули в армию различные слои населения»².

Основой для мнения о радикальном преобразовании Мария послужило сообщение Саллюстия о наборе воинов «не по обычаю

¹ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 175–176; см. также: Smith R. E. Service in Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958. P. 10.

² Утченко С. Л. Кризис и падение... С. 175.

предков (*non more maiorum*) из числа входивших в классы (*ex classibus*), но из числа добровольцев, среди которых было много пролетариев» (Sall., *Bell. Iug.*, 86), а также указание Плутарха о наборе неимущих и рабов (Plut., *Mar.*, 9). Действительно, африканская армия была невелика, однако этот принцип воплотился в германских войнах Мария, Союзнической и гражданских войнах 80-х годов, а затем в военных кампаниях 70–30-х годов I в. до н. э. В ходе этих войн были развиты главные черты профессионального войска: материальная зависимость от военной службы в виде военной добычи, жалования и ветеранского землевладения и появление специфических требований, интересов и образа жизни. Вместе с тем практика показала и сохранение старого цензового принципа, и применение принципа нового.

Изменения были связаны также с политическими переменами этого периода: обезземеливанием крестьянства, длительными заморскими войнами и, наконец, развитием ветеранского землевладения. Формально римский гражданин был обязан служить в войске до 46-летнего возраста и совершить 10 походов в коннице или 20 в пехоте (Polib., VI, 19), причем в римской армии реальное участие в войнах, видимо, доходило до 4–5 лет, что практически делало воинов профессионалами, так что в этом смысле перемены были не столь радикальными. Завершив военную службу, римлянин переходил в когорты *seniores*, а всадники и сенаторы служили до глубокой старости. Более значительными были перемены, касавшиеся увеличения жалования, расширения допуска к военной добыче и ветеранского землевладения.

Появление ветеранского землевладения относится ко времени, когда произошло массовое обнищание италийских землевладельцев, начавшееся в ходе кризиса II в. до н. э. Первым крупным мероприятием, отразившим это новое явление, стал закон Сатурнина от 100 г. до н. э., когда вместо наделения земель в силу принадлежности к гражданской общине солдаты наделялись землей в качестве награды за службу³. Продолжением этой традиции было массовое расселение по Италии ветеранов Суллы, число которых оценивают в 120 тыс. человек (App., *B. C.*, 100; 104, *Liv.*, *Epit.*, 89 — называется цифра в 27 легионов). В 59 г. до н. э. по аграрному закону Цезаря землю получили многие ветераны, участвовавшие в кампаниях

³Там же. С. 104.

Помпея (Vell., II, 44; Dio, 38, 7; Sall., Iug., 20; Plut., Cato, 33). Наконец, развитием этой традиции явилось массовое наделение земель ветеранов Цезаря, а затем и раздача земель вторыми триумвирами. Продолжением и развитием данного принципа стала практика Империи, когда ветераны обязательно получали землю по окончании службы.

Наконец, ряд изменений, происшедших в конце II—I вв. до н. э., коснулся организационной структуры римского войска и его вооружения. В качестве промежуточного подразделения между легионом и манипулом была введена когорта, причем, насчитывая 3 манипула (450–600 солдат), она становилась, судя по всему, не менее значимым тактическим подразделением, чем легион, скорее превращавшийся в военно-административную единицу. Другим изменением стало введение пилума (более усовершенствованного по сравнению со старым типа копья), развитие саперной и осадной техники, а также изменение боевого порядка, когда легион увеличивался численно (до 5–6 тыс. человек) и включал в себя 10 когорт, 30 манипул и 60 центурий. Еще одно изменение — переход от римской к союзнической кавалерии, к которой стали добавляться контингенты из жителей провинций и вассальных царей (испанская, галльская, германская, азиатская и греческая конница), а также замена легковооруженных римских войск на контингенты из провинций, причем на этом фоне шло и увеличение провинциальных контингентов в легионной пехоте. В армии после II Пунической войны появились новые должностные лица — префекты (префект лагеря, префект когорты, префект ремесленников — *praefectus fabrum*, одновременно он был и начальником инженерной службы).

Система постоянной армии обычно связывается со временем Империи, поскольку республиканская система, как правило, заключалась в наборе армии *ad hoc* для ведения конкретных военных действий и ее отправления на войну, а затем в роспуске после похода, обычно ограниченного годовым сроком, однако длительные военные кампании создавали ситуацию, когда солдат задерживали на службе значительно дольше, что особенно проявилось после Самнитских войн. При этом небольшая часть римской армии уже с середины II в. до н. э. находилась в провинциях более или менее постоянно⁴.

⁴Там же. С. 104.

Морские силы Рима в раннереспубликанскую эпоху были сравнительно невелики, и впервые значительное строительство флота началось в период I Пунической войны, а первая морская победа над карфагенянами была одержана в 260 г. до н. э. у мыса Милы к западу от Мессаны на северном берегу Сицилии (Polyb., I, 23). В ходе I Пунической войны Рим завоевал господство на море. Римский флот активно использовался во II Пунической войне, а затем во время войн II в. до н. э., прежде всего против карфагенян, Селевкидской державы и Македонии (сражение у мыса Корик — сентябрь 191 г. до н. э., у Мионесса — лето 190 г. до н. э., и др.). Активно использовался флот в III Пунической войне при осаде Карфагена, а затем — в Митридатовой войне, кампании против морских разбойников в 66 г. до н. э. и, наконец, в войнах Юлия Цезаря. Последними крупными операциями римского флота в период Республики стали гражданские войны 44–31 гг. до н. э., когда две крупнейшие кампании были выиграны именно на море (война против Секста Помпея в 36 г. до н. э. и Актийская война 31 г. до н. э.), после чего римский флот уже не имел соперников. Впрочем, перечисленные кампании были именно кампаниями гражданских войн.

Максимальная численность римских кораблей в сражении во время I Пунической войны оценивается в 330 судов (сражение у мыса Экном), а в дальнейшем их численность, видимо, удерживалась на уровне 200–300 кораблей, причем в период I Пунической войны римляненесли огромные потери из-за бурь. В начале II Пунической войны у римлян было 220 кораблей, примерно такие же силы использовались в Македонских и Селевкидских войнах. Значительное увеличение флота отмечено для I в. до н. э. (500 кораблей во время пиратской войны, 300 у Антония в 37 г. до н. э., столько же в сражении у Навлоха в 36 г. до н. э. и, наконец, гигантская цифра — 900 кораблей с обеих сторон — в сражении при Акциуме). Судя по всему, не все корабли были собственно римскими: Цезарь, описывая корабли Бибула, указывает на наличие египетских, азиатских, сирийских, родосских, либурнских и других греческих кораблей (Caes., B. C., III, 5), сам же Цезарь пользовался кораблями из Египта, Понта, Родоса, Ликии и римской провинции Азии (Bell. Alex., 13). Так или иначе, но флот римлянам поставляли практически все подчиненные им морские союзники, вначале греческие города южной Италии, а затем восточные и западные провинции, прежде всего разные области иллирийского побережья, общины Греции

и Малой Азии, Понт, Сирия, Египет, имелись также кипрские и причерноморские корабли. Ведя военные действия, римляне, как правило, пользовались кораблями, поставляемыми народами, жившими в данной местности. Крупное строительство флота велось во время Галльских кампаний Юлия Цезаря.

Командование флотом обычно осуществляли римские магистраты, возглавлявшие сухопутные армии, при этом морские силы подчинялись сухопутному командованию, однако в ряде кампаний именно флот играл ведущую роль. Отряды флота могли находиться как под непосредственным командованием римских легатов, так и под руководством собственных военачальников (например, родосца Эвфранора, служившего у Цезаря, или вольноотпущенников Менодора и Менекрата, служивших у Секста Помпея). Конкретными кораблями командовали специально поставленные начальники кораблей, на кораблях находились легионные солдаты и рабы-гребцы, численность которых составляла от 50 до 300 человек и более. Так, в сражении при Экноме в 256 г. до н. э. у римлян было 100 тыс. гребцов на 330 судах. Боевые корабли были обычно трех- или пятипалубными (триеры или пентеры), но позднее римляне, сохраняя корабли старого типа, стали переходить на более легкие либурны. Экипажи набирали преимущественно из жителей провинций, вольноотпущенников и рабов.

Всадническая и сенаторская военная карьера начиналась, как правило, со службы в кавалерии, в качестве контубернала полководца или офицера при штабе главнокомандующего, после чего начиналась военная служба в качестве трибуна или префекта, а затем и служба в качестве квестора, после чего становилась возможной военная и политическая карьера. Рассматривая известных нам всадников, французский историк Кл. Николе отмечает, что значительное число их фигурирует в качестве военных трибунов и префектов, причем на этих должностях служили как всадники, так и сенаторы. В целом командный состав римской армии испытал на себе влияние принципа сословности, когда должности центурионов занимали представители плебеев, а офицерские должности (трибуны и префекты) — всадники и сенаторы. Высшие же командные должности могли занять только представители сенатского сословия и нобилитета.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Аппиан Александрийский. Гражданские войны / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935.

Аппиан. Римско-иберийские войны / Пер. с греч. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1946. № 4.

Аппиан. Митридатовы войны. Сирийские дела / Пер. с греч. С. П. Кондратьева // Там же.

Вегетий Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. с лат. С. П. Кондратьева // Там же.

Полибий. Всеобщая история. В 3 т. / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. 2-е изд. под ред. А. Я. Тьжова. СПб., 1995.

Ливий Тит. Римская история от основания города. В 3 т. / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой, М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин. М., 1993.

Фронтин Секст Юлий. Стратегмы (военные хитрости) // ВДИ. 1946. № 1.

Цезарь Гай Юлий. Записки / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948.

Литература

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. В 6 т. Т. 1. СПб., 1994.

Игнатенко А. В. Древний Рим (от военной демократии к военной диктатуре). Свердловск, 1988.

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986.

Машкин Н. А. История древнего Рима. 3-е изд. М., 1969.

Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 1–3. М.; СПб., 1995.

Разин Е. А. История военного искусства. В 2 т. 2-е изд. Т. 1. М., 1955.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Методические указания к теме

При рассмотрении военной системы древнего Рима нужно обратить внимание на наличие нескольких стадий в ее развитии. Первый этап — период от реформы Сервия Туллия до реформы Камилла, второй — от реформы Камилла до реформы Мария и, наконец,

третий период — I в. до н. э., завершивший эволюцию республиканской армии, т. е. периоды существования обычной гоплитской фаланги, манипулярного легиона и когортной системы. При рассмотрении структуры римской армии особое значение имеет вопрос о структуре унтер-офицерского и офицерского состава, т. е. о системе центурионов, префектов и трибунов. Важен и вопрос о техническом оснащении римской армии. На протяжении своего развития римская военная система испытала на себе влияние карфагенской и эллинистической систем, их стратегии и тактики. Особую проблему представляет реформа Мария с точки зрения ее места в развитии ветеранского землевладения. Большое значение имеет также и сравнительно малоисследованная в настоящее время проблема развития морских сил у римлян.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Римская судебная система проделала эволюцию от магистратского суда к развитой организации судебной структуры. В римском процессуальном праве имело место ведение судебных процессов должностными лицами. Правом юрисдикции обладали вначале консулы, а затем преторы, в присутствии которых обычно и происходили судебные процессы. Преторы изучали материалы обвинения и делали предложения по ходу процесса, начиная с назначения специальных судей (*iudices*) и кончая утверждением приговора, причем в случае назначения *iudices* утверждение со стороны магистрата было обязательным. Магистраты могли также разбирать дело сами. Кроме преторов юрисдикцией обладали цензоры, эдилы и квесторы. Особую категорию составляли дела в армии, которые разбирались непосредственно магистратами с *imperium*. Если в ведении консулов и преторов находились, как правило, дела, связанные с уголовными преступлениями, то цензоры разбирали дела, прежде всего касающиеся нарушения прав гражданства, эдилы — нарушения правопорядка в Риме. Законы XII таблиц предусматривали ведение имущественного процесса либо перед магистратами, либо перед народным собранием.

Основной тип гражданского процесса носил характер легисакционного, когда стороны на первой стадии (*in iure*) являлись к судебному магистрату, который разбирал дело, затем он передавал его присяжному судье или специальной коллегии, а после решения утверждал приговор. Такая же процедура, т. е. участие маги-

страта и судьи, предполагалась в формулярном или экстраординарном процессе. Судебная процедура была довольно проста. Стороны должны были договориться, а если этого не случалось, то дело передавалось магистрату, который и организовывал процесс. Наряду с магистратским судом существовал и суд народного собрания, имевший особое значение в ранние периоды. В ведении комиций находилось (см. тему 5) как апелляционное право, так и тяжелые преступления (государственная измена, дезертирство, стремление к захвату царской власти). Обвинителем в процессе выступал кто-либо из магистратов, который готовил дело для народного собрания и проводил обычную процедуру голосования¹.

Следующим этапом стало создание постоянных судебных комиссий, вначале *decemviri stlitibus iudicandis*, решающих вопросы о свободе граждан, а затем специально выбираемых центумвиров (150 судей, избираемых по трибам)². В 149 г. до н. э. происходит важная перемена в судебной системе, связанная с появлением *quaestiones repetundarum*, постоянных судов, утвержденных по закону Кальпурния Пизона о вымогательствах и злоупотреблениях в провинциях (*crimen repetundarum*), затем в ведение такого рода судов переходят и дела по оскорблению величия римского народа (*crimen maiestatis*)³.

Первоначально судьями были сенаторы, однако по закону Гая Гракха от 122 г. до н. э. суды о вымогательствах были переданы всадникам. Сведения об этом законе довольно разнообразны. По Аппиану, Веллею Патеркулу и Диодору (App., В. С., I, 22; Vell., II, 6; Diod., 35, 48), всадникам были переданы суды, по Ливию и Плутарху, к 300 сенаторов было добавлено 300 человек из всаднического сословия (Liv., Epit., 60; Plut., G. Gr., 5). Скорее всего, более предпочтительна первая версия: сенат не пополнялся, а суды передавались в руки всадников. Передача судов всадникам имела значение в смысле конституирования всадничества и создания независимой судебной власти, и хотя тезис о создании противовеса сенату в лице *ordo equester* был опровергнут Кл. Николе, есть основания полагать, что реформа Гракхов начала процесс поли-

¹ См.: Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., 1972. С. 45–49.

² Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983. С. 201–202.

³ Там же. С. 202, 214.

тического конституирования всадников, завершившийся при Империи.

Вопрос о судах стал на некоторое время предметом политической борьбы. Так, видимо, в 106 г. до н. э. был принят закон Кв. Сервилия Цепиона о возвращении судов сенаторам (Gic., Verr., I, 13, 37; Vell., II, 32), в 104 г. до н. э. по закону Сервилия Главции произошла реставрация гракханского закона. Законы были вновь отменены Суллой, который вернул суды сенаторам (Cic., Verr. I, 13, 37; Vell., II, 32). В 70 г. до н. э. в консульство Красса и Помпея по закону Аврелия Котты была введена новая система судов, согласно которой судебные комиссии состояли теперь из трех сословий: сенаторов, всадников и эрарных трибунов (Cic., Verr., I, 3, 37; Vell., II, 32). Сообщение Аскония, видимо, довольно точно передает смысл этой реформы, в то время как Веллей пишет о разделении мест между сенаторами и всадниками (Vell., II, 32), а Ливий — о передаче судов всадникам (Liv., Epit., 97). Этот компромисс, описанный указанными авторами, сохранялся до конца Республики. Претор имел список из нескольких сот человек, а для конкретного процесса назначались только несколько десятков судей, приводившихся к присяге.

С Суллой связано и другое важное новшество, а именно организация других *quaestiones perpetuae*, введенных для преследования отдельных преступлений, определенных законом и заменивших *quaestiones extraordinariae*. Сулла в соответствии с изданными им суровыми законами организовал отдельные суды, связанные с подлогами и лжесвидетельствами, а также убийствами (*quaestiones publicae de falso, de parricidio, de sicariis*).

Наконец, еще одним элементом римской судебной системы были процессы, проводившиеся перед сенатом и народным собранием. Процессы, проходившие перед сенатом, носили обычно чрезвычайный характер (например, дело катилинариев в 63 г. до н. э.), причем в своих решениях сенат руководствовался прежде всего соображениями безопасности государства. Будучи политическим органом, сенат мало участвовал непосредственно в судебной деятельности. Вместе с тем судебная роль народного собрания оказывалась крайне важной благодаря *provocatio ad populum*. Право *provocatio* появилось еще в царскую эпоху и было зафиксировано в Законах XII таблиц. После достаточно длительного развития законы о provocации были в основном сформированы уже ко II в. до н. э. Во II в.

до н. э. действовали законы Порция Катона, а с 123 г. до н. э. действовал закон Гая Гракха, наказывающий магистрата, изгнавшего гражданина без предоставления ему возможности использовать право провокации (Plut., G. Gr., 4).

Таким образом, в Риме возникла достаточно разветвленная система организации юстиции. Это прежде всего юрисдикция магистратов, система *quaestiones*, а также сенатская и комициальная юрисдикция. Если на первом этапе доминировала непосредственная юрисдикция властей, особенно магистратов, то в конце республиканского периода произошло отделение (насколько это было возможно в римских условиях) судебной власти от административной. Важнейшим элементом римской судебной системы было право апелляции к народному собранию. Исследователи спорят, был ли процесс *provocatio* процедурой *ad hoc*, или же обязательной процедурой в криминальном процессе. Более вероятно все же второе, и вслед за Т. Моммзенем можно считать, что *provocatio ad populum* стала важнейшей гарантией прав личности в Риме, хотя для организации народного собрания требовалось дело крупного масштаба, каковым, например, было дело Рабирия в 63 г. до н. э.

Организация обвинения и защиты была построена на добровольных началах, хотя обвинителем могло быть как частное лицо, так и магистрат, действующий по поручению государственного органа или по просьбе какой-либо общины граждан, союзников, провинциалов или частных лиц. Как магистрат, так и частное лицо могли действовать в качестве адвоката. В ранние времена процесс приобрел состязательный характер. В римском праве адвокат защищал своего клиента как во время предварительного следствия, так и перед судьей. Хотя в Риме формально не было профессиональных адвокатуры и прокуратуры, как показывает пример подавляющего большинства римских политиков, деятельность в качестве обвинителей или адвокатов занимала в их жизни очень значительное место. Судебная практика делала из них ораторов очень высокого уровня.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Гай. Институции / Лат. текст и перевод Ф. Дыдинского. Варшава, 1892.

Ливий Тит. Римская история от основания города. В 3 т. / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1989–1993.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Пер. с греч. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.

Светоний Транквилл Гай. Жизнеописания двенадцати Цезарей / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова и Е. М. Штаерман. М., 1964.

Цицерон Марк Туллий. Речи. В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962 (переиздание — 1993 г.).

Цицерон Марк Туллий. Письма. В 3 т. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.; Л., 1949–1951.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги об ораторе. М., 1961.

Литература

Бартошек М. Римское право (понятия, определения, термины). М., 1989.

Беликов А. П. Римское частное право. Ставрополь, 1985.

Грималь П. Цицерон. М., 1991.

Каламутдинов К. Я. К характеристике политико-правовых взглядов Цицерона // Из истории социально-этических и политико-правовых идей: Сб. статей. Саратов, 1990. С. 52–63.

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986.

Машкин Н. А. История древнего Рима. 3-е изд. М., 1969.

Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983.

Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Т. 1–3, 5. СПб., 1993.

Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972.

Штаерман Е. М. Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 210–248.

Рудоквас А. Д. Латинская юридическая терминология. СПб., 1997.

При рассмотрении римской судебной системы имеет смысл обратить внимание прежде всего на проблемы отношений между административными и судебными органами, и в этом смысле очень важно соотношение между магистратским и сенатским судом и системой *quaestiones*, которые представляли собой уже достаточно независимый от государства суд.

Особое значение в этом плане имеет публичный, открытый и состязательный характер римского гражданского и уголовного, а отчасти политического процесса, а также наличие разных типов процесса – легисакционного, формулярного и экстраординарного. В развитии судебной системы особая роль принадлежит закону Кальпурния от 149 г. до н. э. и судебному закону Гая Гракха, а также законам Суллы и Юлия Цезаря, которые и создали в дальнейшем новую судебную систему.

Следует обратить внимание и на причины развития в Риме судебного красноречия, что выразилось в активной обвинительной и адвокатской деятельности и сделало возможным появление таких знаменитых ораторов, как Лициний Красс, Марк Антоний, Публий Сульпиций Руф, Марк Аврелий Котта и, наконец, Квинт Гортензий, Юлий Цезарь и Марк Туллий Цицерон, которые считались крупнейшими ораторами Рима. Последнее указывает на наличие в Риме хотя и не столь уж организованного формально, но все же достаточно основательного правового, риторического, литературного, филологического, исторического образования. Крупный судебный оратор был знатоком права, истории, психологии, теории красноречия, философии, политической теории, а сформулировавший основные принципы римского ораторского искусства Цицерон требует от оратора общих знаний по всем основным философским, правовым и историческим вопросам, знаний в области других наук. Римские ораторы активно прибегали к услугам профессионалов в различных областях, прежде всего профессионалов-грамматиков, проходили подготовку у греческих риторов, общение с которыми было для римлян регулярным.

При рассмотрении римского суда необходимо учитывать и деятельность претора как организатора процесса. Крайне важны такие особенности системы римского судопроизводства, как специализация римских судебных комиссий и наличие судов присяжных,

влияние римской судебной системы на развитие права в последующие времена. В рамках темы 8 рассматривается только организация римских органов юстиции, систематический обзор римского права не предусмотрен.

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ЭКОНОМИКА

В данной части пособия, естественно, невозможно дать более или менее полный обзор римской экономики, и задачей является попытка установления, в каком плане и до какой степени римское государство вмешивалось в экономический процесс и принадлежало ли оно к обществам с полной огосударствленностью экономики, или же это регулирование было не столь значительным. Наша цель — определить, до каких пределов доходило регулирование государством экономических отношений.

Ведущими отраслями хозяйства большинства населения Апеннинского полуострова были земледелие и скотоводство, а главное достояние римлян составляли земельные угодья, постройки, инвентарь и стада скота. В ранние времена можно говорить о господстве родового строя и общественной собственности на землю, а под влиянием этрусков и греков начинается разложение общинной собственности и появляется значительная частная собственность на землю.

С ранних времен в Риме доминировали два типа земельной собственности: государственная земля (*ager publicus*) и родовые, семейные и частные владения, причем владения родовые и общинные в значительной степени были ближе к собственности государственной. До появления Сервиевых триб римская земля принадлежала в значительной степени гентильным подразделениям, а Варрон, характеризуя *ager* с точки зрения его назначения и принадлежности, сообщает, что *ager Romanus* делился вначале на три части, откуда и появилось собственно понятие *tribus*. В тексте Дионисия Га-

ликарнасского обращает на себя внимание то обстоятельство, что участки курий названы равными клерами¹. Вместе с тем уже с ранних времен в Риме существовала и частная собственность на землю, например, римляне наделялись двухюгеровыми участками. По мнению И. Л. Маяк, наделы *bina iugera* существовали внутри родового землевладения и применялись в качестве надельной нормы на родовой земле².

Bina iugera не обязательно были пахотной землей, но могли представлять собой сад или огород, а также хозяйство смешанного типа³. Возникает и такой фактор, как наследственная аренда, а практика распределения земли по гентильным подразделениям была повсеместной, хотя, как правило, знала исключения (*Dion Hal.*, II, 67; *Plut., Romulus*, 27), причем речь шла не о чуждых родовым организациям людях, а о гражданах, воинах и контингенте, подлежащем власти родовладык⁴. Таким образом, государственная земля была опосредована частной собственностью на землю. В царский же период в Риме появляются соседские общины. Земля, как правило, раздается равными клерами, что стало традицией и для распределения земли в последующее время как на *ager publicus*, так и в колониях. Способом распределения наделов между членами общины была жеребьевка. Позже наделы могли быть увеличены до 7 югеров, а затем и до 20 или 30. Уже Законы XII таблиц показывают широкое распространение частной собственности и активную защиту ее законом, как, впрочем, и защиту собственности государства.

Значительное расширение *ager publicus* произошло в результате покорения Римом Италии в середине III в. до н. э., когда около трети Италии было занято римскими колониями. Ядром римского *ager publicus* были Лациум, юг Этрурии, область сабинов и ряд областей кампанских городов. Принципиальные перемены обозначились в ходе борьбы патрициев и плебеев, когда последние в широких масштабах получили доступ к *ager publicus*, став полноправными арендаторами. Аграрное законодательство времен борьбы патрициев и плебеев было явлением весьма распространенным: так, уже в 509 г. до н. э. в собственность народа был обращен царский домен

¹ Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983. С. 214.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 214.

⁴ Там же.

(ager Tarquiniorum), который был переименован в Марсово поле и посвящен богам (Liv., II, 5). В 486 г. до н. э. был принят закон Спурия Кассия, по которому у герников были отняты 2/3 территории и распределены наполовину между римскими, наполовину между латинскими колонистами (Ibid., II, 41).

Требования распределения земель в соответствии с аграрным законом часто предъявлялись в первой половине V в. до н. э. (в 484 г. — Liv., II, 42; в 479 г. (имел место раздел земель) — Liv., II, 48; в 474 г. до н. э. — II, 54; в 470 г. до н. э. — Ibid. II, 6; в 469–467 гг. до н. э. — Ibid. II, 64–65; в 461–468 гг. до н. э. — Ibid. III, 15–29). В 456 г. до н. э. по закону Ицилия произошел раздел земель на Авентине (Ibid., III, 32). Новые разделы земли постоянно предлагались трибунами в 438 г. до н. э. (Ibid., IV, 25), в 417–416 гг. до н. э. (Ibid., IV, 48), в 412 г. до н. э. (Ibid., IV, 52), в 402 г. до н. э. (Ibid., V, 10–12). Крупное разделение земли произошло во время колонизации вейентской земли, когда колонисты начали получать по 7 югеров на ager Veientium. Еще один крупный раздел италийских земель произошел в 340 г. до н. э. (Ibid., VIII, 11). Другим способом стало предоставление римлянам земли при выводе колоний. Так, имел место вывод колоний в Велитры в 494 г. до н. э. (Ibid., II, 31), а затем в Норбу (Ibid., II, 34), в Ардею в 442 г. до н. э. (Ibid., IV, 11), в Фидены в 438 г. до н. э. (Ibid., IV, 17) и 428 г. до н. э. (Ibid., IV, 30), в Лабик в 418 г. до н. э. (Ibid., IV, 47), образовались четыре трибы в Южной Этрурии (Ibid., VI, 5) и произошел вывод колоний в Сутрий и Непете (Liv., VI, 36) и в Сатрик (Liv., VI, 16), образование Помптинской и Публилиево триб (Liv., VII, 15), оккупация ager Latinum и ager Falernum, вывод колонии в Калы и др. Сходным образом произошел вывод колоний (как римских, так и латинских) и в период с 379 по 241 г. до н. э. (всего 23 колонии), в том числе в Сору, Аримин, Беневент, Брундизий. Довольно часто римляне практиковали назначение новых колонистов в старые колонии. Огромные земельные резервы обеспечили массы римских плебеев и смогли успокоить аграрный голод. Выведение колоний сопровождалось подавлением местного населения и его грабежом, однако в ряде случаев в число колонистов принимались и местные жители, получавшие римское гражданство, а также местное население, которое гражданства не получало.

Государственное регулирование аграрной политики затрагивало

многие важнейшие экономические факторы: государство принимало политическое решение о превращении той или иной земли в *ager publicus*, оно, в лице своих представителей, проводило разделение наделов, контроль за выводом колоний, отбор колонистов, выделение денежных средств на колонизацию, сбор налогов. Государство оказывалось и верховным собственником земли, имея возможность осуществить земельный передел, хотя и старалось этого не делать. Земли в Италии были, в общем, главным богатством римского государства, по крайней мере, до великих завоеваний, а доходы, получаемые в виде налогов, становились, по-видимому, главной статьёй доходов.

Для обозначения налога римляне использовали слова *tributum* и *vectigalia*, причем термин *vectigalia* связывался с *veho* и *vehicula* — повозкой, нагруженной урожаем. Первоначально *vectigal* был натуральной податью, однако несколько позже обозначал уже косвенный налог, а основной налог с земли стал называться *tributum*. Принадлежность к римскому гражданству включала в себя необходимость вносить *tributum* в казну, а, кроме того, система цензорского учета была в значительной степени вызвана необходимостью финансового контроля. И. Л. Маяк определяет *tributum* как разновидность государственного займа⁵. По мнению Я. Ю. Заборовского, *tributum* был введен в 406 г. до н. э. с введением жалования армии и определялся в соответствии с имуществом граждан⁶. Сумма *tributum* собиралась по трибам так называемыми эрарными трибунами в размере 0,1–0,3% цензируемого имущества⁷. В принципе *tributum* был как бы государственным займом, который возвращался римлянам в тяжелые для государства годы, которые случались довольно часто.

Успешные войны II в. до н. э. принесли отмену этого налога в 187 г. до н. э., когда все его остатки были возвращены римским гражданам (Polyb., 34, 9), а в 167 г. до н. э. после III Македонской войны (Cic., De off., II, 22) римские граждане были освобождены

⁵ Маяк И. Л. К вопросу о пополнении римского бюджета в эпоху республики // Торговля и торговец в античном мире: Сб. статей. М., 1997. С. 3.

⁶ Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 47.

⁷ Подробнее см.: Кнабе Г. С. Корнелий Тацит и проблемы истории древнего мира эпохи ранней империи: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 1983. С. 137–140.

от *tributum*, восстановление которого приходится только на период гражданских войн.

Аренда земли на *ager publicus* именовалась *posessio*, а люди, которые вносили арендную плату, именовались посессорами. Появление излишков *ager publicus* в результате завоеваний и рост социального неравенства приводили к дифференциации земельного пользования. Значительная часть его раздавалась бесплатно римским гражданам, прежде всего из числа беднейшего населения, часть продавалась, остальная сдавалась в аренду всем желающим, обычно римским гражданам, на условиях налога в размере 1/10 урожая зерна и 1/5 урожая плодовых деревьев (App., В. С., I, 7). Налоги платили также владельцы пастбищ. Деятельность государства была направлена на поддержание относительного экономического равновесия посредством ограничения нормы пользования общественной землей, о чем может свидетельствовать, например, закон Лициния-Секстия от 376 г. до н. э. По свидетельству Аппиана, закон соблюдался достаточно формально и не остановил процесса концентрации земельной собственности.

Важные перемены в распоряжении государственной землей произошли после великих завоеваний II в. до н. э. Развитие производства, товарных отношений, рабовладения, большие людские и материальные потери в ходе Ганнибаловой войны, прежде всего среди мелких собственников, составлявших костяк армии, привели к кризису мелкого хозяйства, который и стимулировал развитие рабовладения, стремление к захвату земель и концентрации земельной собственности. В ряде исследований отечественных историков отмечается ломка экономических основ римского полиса с его относительно невысоким уровнем экономики, господством в земледелии мелкого и среднего хозяйства, экономической автаркией и относительным экономическим равновесием внутри гражданского коллектива, где земля являлась основной формой собственности и принадлежала гражданскому коллективу в силу права владения земельным участком.

Первые серьезные диспропорции привели к денежному буму и складыванию в Италии диспропорции экономической, когда, по определению В. И. Кузищина, возникают исключительно благоприятные условия для создания рабовладельческих поместий — это наличие материальных средств, большее количество иноземных рабов, соответствующая политика правитель-

ства в земельном вопросе и выгодная рыночная конъюнктура⁸.

Эта экономическая основа полиса испытала удар разрушительных сил. Развитие денежных отношений, торговли и зависимости от провинций пробило брешь в экономической автаркии и повлекло за собой интенсивный ввоз рабов, денег, хлеба, предметов роскоши, ремесленных изделий, увеличивая диспропорцию между верхушкой и низами римского общества, что порождало политические конфликты. На место мелкого крестьянского хозяйства пришли рабовладельческие поместья — более мелкие (виллы) и крупные (латифундии), а это привело к тому, что в руках арендаторов теперь было большое количество владений на *ager publicus*, чаще, по-видимому, используемых под пастбища. Римское государство оказалось в сложном положении: переход к рабовладению, по крайней мере, на время обеспечивал экономический подъем и был выгоден верхушке общества и отчасти крепким римским хозяевам, но рабство могло давать реальную экономическую отдачу только в условиях постоянного притока рабов, усиленной эксплуатации на износ и вытеснения мелких собственников. Возможности технического прогресса в таких условиях были невелики, хотя едва ли они были намного ниже, нежели в условиях хозяйства Италии III в. до н. э.

Очевидными были политические последствия этого процесса: разорение мелких собственников, их массовое переселение в города, усиление социальных конфликтов и вместе с этим опасность концентрации рабов, что в перспективе вело к рабским восстаниям. С одной стороны, власти не могли и во многом не хотели останавливать процесс концентрации собственности, выгодный многим их представителям, а с другой — видели перспективу ослабления армии и нарастания социальных конфликтов, тем более, что многие из представителей аристократии оставались в той или иной степени приверженцами идеи «республики крестьян». Этим объясняется и политика властей, которые пытались восстановить мелкое землевладение, нанося минимальный ущерб крупным процветающим рабовладельческим хозяйствам, а также стремились передать экономические рычаги в руки частных лиц и пополнить казну за счет

⁸ Детальный обзор данных процессов см.: Кузищин В. И. Генезис рабовладельческий латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1976. С. 234–240.

завоевательных войн и эксплуатации провинций. Усложнившаяся международная обстановка и массовое недовольство провинциалов вынуждали власти думать о восстановлении мелкого землевладения, причем в римском сенате сталкивались различные мнения.

Серьезная попытка восстановить мелкую собственность была предпринята в 133 г. до н. э. Тиберием Гракхом, установившим верхнюю границу аренды частным лицом общественной земли в 500 югеров плюс по 250 югеров на каждого взрослого сына при абсолютном максимуме в 1 тыс. югеров земли (App., B. C., I, 9–11; Liv., Erit., 38; De vir. ill., 64). Норма была большой, излишки изымались за компенсацию и раздавались участками по 30 югеров беднейшему и неимущему населению. Исследователи, как правило, принимают мнение Аппиана, считавшего, что Гракхи проводили экономическую реформу с целью регенерации военной мощи. В данных условиях вполне убедительным выглядит мнение С. И. Ковалева, согласно которому реформаторы действительно исходили из этой установки, однако массовое народное движение заставило Гракха пойти дальше и стать демократом и защитником обездоленных. Аппиановская точка зрения также поддерживалась многими западными исследователями (Р. Броутон, Р. Ч. Смит, Кл. Николе, Г. Борен, Д. Эрл).

Помимо общих причин выступление Гракхов было связано с рядом конкретных обстоятельств: сложной внутренней борьбой в римском сенате, тяжелейшими испанскими войнами 40–30 годов II в., вскрывшими проблемы римской армии, крупным Сицилийским восстанием рабов, всерьез поставившим перед Римом проблему снабжения столицы продовольствием и напугавшим тех, кто с подозрением относился к развитию рабства⁹. Немалую роль сыграл и греческий пример, в частности, опыт реформ Агиса и Клеомена в Спарте, когда спартанский полис также оказался в сложном положении. Исследователи отмечают глубокую проработанность закона, большое внимание к деятельности аграрной комиссии и перерастание реформ в программу преобразований римской политической,

⁹Подробнее о законе Гракха см.: Фельсберг Э. Братья Гракхи. Юрьев, 1912; Нечай Ф. М. Рим и италики. Минск, 1963; Кузищин В. И. Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип // ВДИ. 1973. № 1. С. 39 сл.; Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений. . . С. 92–113; Сергеев М. Е. Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана // ВДИ. 1958. № 2. С. 153–154.

социальной и экономической системы. Вместе с тем указывается на сопротивление крупных посессоров. Проблема в основном решалась за счет латинов и союзников и вызывала финансовые трудности.

После 129 г. до н. э. деятельность аграрной комиссии идет на спад, однако все же продолжается вплоть до ее ликвидации в 111 г. до н. э. В исследовательской литературе в качестве результата ее деятельности отмечается увеличение числа граждан с 317 933 человек в 131 г. до н. э. до 390 736 человек в 125 г. до н. э. и до 394 336 человек в 115 г. до н. э. (Liv., Epit., 60, 63). Большинство исследователей объясняет это реформами, они полагают, что Гракхи хотя бы частично восстановили мелкое землевладение (С. И. Ковалев, А. В. Игнатенко, Б. П. Селецкий, С. Л. Утченко)¹⁰.

Конечным итогом реформы стало, однако, превращение значительной части *ager publicus* в частную собственность на землю. Закон 111 г. до н. э. привел к приватизации земли, создав возможность обратного процесса концентрации, а далеко идущим последствием этой приватизации явилось значительное уменьшение полисного сектора в земледелии. Борьбой мелкой и крупной собственности в значительной степени были обусловлены переделы земель в Италии в I в. до н. э., причем в данном случае можно видеть сочетание награждения ветеранов уже как солдат Республики со старым принципом наделения земель неимущих граждан. Так, закон Апулея Сатурнина, по мнению С. Л. Утченко, имел характер наделения земель солдат независимо от их принадлежности к римской общине¹¹. Продолжением традиции аграрного законодательства были земельный закон Ливия Друза 91 г. до н. э. и сулланские переделы земли, последние были крайне болезненны для большинства населения Италии.

После Суллы аграрное законодательство продолжает развиваться, и римские популяры предпринимают попытку восстановить мелкое и удержать на плаву среднее земледелие. Такой попыткой был законопроект Сервилия Рулла, предполагавший продать большую часть государственных земель в Италии и провинциях и купить у частных лиц и муниципиев земли в Италии, чтобы раздать последние беднейшему населению. Для финансирования реформы предполагалось использовать военную добычу Помпея.

¹⁰ Другое мнение, в частности, см.: Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений... С. 20.

¹¹ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 183.

Проект Рулла был провален Цицероном и его сторонниками, считавшими его невозможным по финансовым соображениям. В 60 г. до н. э. народный трибун Флавий предложил аграрный закон по наделению земель ветеранов Помпея, но проект был отклонен. В 59 г. до н. э. программа была во многом реализована Юлием Цезарем. По закону Цезаря раздаче подлежали государственные земли в Кампании и предполагалась покупка новых земель, причем преимущественно земли раздавались бедным гражданам, имевшим троих детей. Последними крупными переделами в Италии были переделы, проводимые вторыми триумвирами, которые использовали жесткие методы, что вызвало массовые недовольства, приведшие к Перузийской войне 40 г. до н. э. (App., B. C., V, 22; Liv., Apit., 125; Suet., Aug., 13). После Перузийской войны крупные земельные переделы прекратились.

Краткий обзор истории гражданских войн и аграрного законодательства показывает тенденцию политики государства к регулированию экономики и поддержанию относительного равновесия в гражданском коллективе в Риме, а затем и в получившей гражданство Италии.

К началу Империи в Риме уже были определены основные виды земельной собственности, характерные для императорского времени. Значительная часть земли оказывалась собственностью государства, а также личной собственностью императора, что как бы продолжало существование *ager publicus*, другие земли оказывались под властью крупных собственников, причем постепенно осуществлялся переход к виллам и латифундиям, где применялся труд рабов и колонов. Многие земли оставались городскими, а наряду с этим до поздних времен сохранялась и мелкая собственность.

Помимо доходов с земли значительную роль играли и доходы с военной добычи. Победоносная война обогащала победителей имуществом в виде рабов, скота, оружия, различного скарба, захваченного воинами у побежденных жителей, причем уже в первые века существования Республики имеются сведения о захвате значительной военной добычи (например, в ходе войны с эквами в 471 г. до н. э. или во время взятия Вей в 396 г. до н. э.)¹². Судьбой военной добычи, как правило, ведал сенат, причем варианты были разные:

¹² *Маяк И. Л.* К вопросу о пополнении римского бюджета // Торговля и торговцев в античном мире: Сб. статей. М., 1997. С. 72.

раздел военной добычи между воинами, внесение ее в казну (эрарий Сатурна) или же использование «смешанного варианта».

Военная добыча становится значительной в ходе Самнитских войн и особенно во время Пирровой и Пунической войн. Полибий подробно описывает систему военного грабежа, который существовал у римлян, и систему распределения добычи, которая была равномерной (Polyb., X, 16–17), на что указывают сообщения конкретных данных относительно этой добычи (например Liv., XLV, 34). Первые огромные количества добычи римляне получили в Пунических войнах, а затем во время II Македонской и Сирийской войн, которые не принесли территориальных захватов, но дали огромную военную добычу (Ibid., XXXIV, 52; XXXVII, 50; XXXIX, 7). С добычей римляне вернулись после войны в Испании (Ibid., XXXIV, 46) и на северных границах. По описаниям авторов, добыча захватывалась в основном в денежной форме (фунты серебра и золота, золотые и серебряные монеты, золотые венки, оружие, произведения искусства). Войны привели к денежному буму и наполнению государственной казны, причем поворотным пунктом стала III Македонская война (171–168 гг.), после которой с римских граждан перестали брать налог с имущества.

После войн середины II века до н. э. резко усилилась эксплуатация провинций. Римляне действовали как путем введения прямых налогов (обычно десятины), так и путем прямого ограбления, которое осуществляли римские власти, римские публиканы и римские солдаты и торговцы. Эксплуатация провинций и так называемой варварской периферии находила выражение не только в принудительных мерах, но и в неэквивалентной торговле. Так, Ю. К. Колосовская отмечает, что если Варрон считал возможным сравнивать положение peregrini с правовым положением врагов, которыми некогда считались завоеванные Римом общины (Varro, De l. Lat., V, 1), то нормы права peregrini были применимы теперь к варварским общинам, находящимся за пределами Империи¹³. Исследовательница отмечает также, что в торговых сделках римлян и варваров не действовали правила *ius commercii* и оставались только peregrinское право и обычаи гостеприимства, а торговля была орудием порабощения провинций и вассальных госу-

¹³ Колосовская Ю. К. Правовые основы торговли римлян с варварами // Там же. С. 100, 102, 105.

дарств¹⁴. Хотя в этом торговом обмене значительная роль принадлежала частным лицам, государство осуществляло как бы правовое, политическое и военное прикрытие их деятельности, а в случае нанесения обид римским деловым людям власти обычно реагировали очень жестко. Защита государством своей торговли характерна прежде всего со времен контактов с Карфагеном, и многие принципы, используемые противником, были переняты римлянами.

Еще одной статьей доходов государства и возможностью вмешательства в экономику были доходы от ремесла и торговли и их регулирование. К числу самых древних косвенных налогов относились налоги с торговли и оборота. Налогообложение в форме *vectigal* разобрано в трудах М. И. Ростовцева, В. И. Кузицина, И. Л. Маяк, М. Е. Сергеев, Е. М. Штаерман. К нему относились *vectigal salinarum*, *vectigal portorium*, *vectigal scriptura*. Основными налогами были также однопроцентный налог с оборота, пятипроцентный налог на отпуск раба на волю (*vectigal manumissionum*) и пятипроцентный налог на наследство, видимо, упорядоченный Вокониевым законом от 169 г. до н. э.

Кроме того, государственное регулирование экономической жизни касалось и разбора дел между должниками и кредиторами, причем кредитором могло выступать и государство. Государством регулировался и ростовщический процент. Так, ограничение ссудного процента предусматривалось Законами XII таблиц (Тас., Апп., VI, 16), а законы о смягчении долговых обязательств и ограничении ростовщичества принимались в Риме неоднократно (закон Лициния-Секстия от 376 г. до н. э., принятый в 366 г. до н. э. (Liv., VI, 35) и закон Генуция от 342 г. до н. э. (Liv., VIII, 28), а также закон Петелия-Папирия от 326 г. до н. э., запрещавший долговое рабство граждан). Ограничивая ростовщичество в отношении граждан, римские власти были не слишком внимательны к провинциям, где ростовщичество было очень развито.

Под контролем государства находились и чеканка монеты, и государственная казна — эрарий Сатурна. Государство определяло расходы бюджета, причем к основным статьям расходов относились: жалование армии, финансирование земельных раздач, особенно ветеранского землевладения, финансирование исполнения

¹⁴Там же. См. также: Маяк И. Л. К вопросу о пополнении римского бюджета... С. 72.

культа, строительства и со времени Цезаря системы гражданского образования и медицины. Предоставление римского гражданства и дача разрешения на образование коллегий также можно отнести к государственному регулированию экономики.

После I Пунической войны основной статьей доходов римского государства становятся эксплуатация провинций и доходы от завоеванных территорий. Уже организация провинции Сицилия показала эти общие принципы римского управления. Около четверти острова находилось в руках сиракузского правителя Гиерона II, который сохранял независимость, посылал войска и продовольствие, что, однако, считалось скорее его благодеянием по отношению к римскому народу. Другие союзники (Мессана, Тавромений, Сегеста, Панорм) поставляли небольшое количество войск и присылали деньги. Существенная часть доходов с провинций поступала от тех сицилийских городов, которые считались дедитициями («сдавшимися») и платили как обычный налог («десятину»), так и пятипроцентный налог с оборота. После завоеваний середины II в. до н. э. доходы с провинций становятся главным доходом Римского государства. Детальная характеристика римской политики в провинциях содержится в ряде речей Цицерона, причем такие речи, как речи против Верреса, дают яркую картину разграбления римлянами покоренных областей, и хотя случай с Верресом был исключительным, он показывает крайне неблагоприятное положение, которое складывалось в провинциях к концу Республики.

Государство контролировало рудники и места добычи золота, серебра, металлов, которые также по большей части находились за пределами Италии, прежде всего в Испании.

Значительную роль в экономике республиканского Рима играла откупная система, особенно детально описанная Полибием и Цицероном, которая во многом заменяла прямое налогообложение. По сообщениям Полибия, «многие работы во всей Италии, перечислить которые было бы нелегко, по управлению и сооружению общественных зданий, а также многие реки, гавани, сады, прииски, земли, короче все, что находится во власти римлян, отдавалось цензорами на откуп. Все поименованное здесь находится в ведении народа, и, можно сказать, почти все граждане причастны к откупам и получаемым через них выгодам. Так, одни за плату принимают что-либо от цензоров на откуп, другие идут в товарищи к ним, третьи являются поручителями за откупщиков, четвертые несут

за них в государственную казну свое состояние» (Polyb., VI, 17). На основе откупной системы стали создаваться специальные *societates publicanorum*, в которые входили римские всадники, и они же стали в них доминировать. С появлением провинций публиканы начали активно вмешиваться в сбор провинциальных налогов и провинциальную экономику, что все больше приводило к ограблению провинциалов, а также создавало эксцессы, подобные эксцессам, происходившим после завоевания провинции Азия. К концу Республики римские власти начинают движение к замене откупа прямым сбором налогов. Замена откупа прямым налогообложением происходит уже в конце Республики и в начале Империи¹⁵.

Достаточно важной заботой государственной казны и государственных властей было снабжение продовольствием и прежде всего хлебом италийских городов и особенно Рима. Централизованные закупки хлеба на государственные средства осуществлялись уже в период ранней Республики, а с появлением провинции Сицилия начался интенсивный ввоз в Рим сицилийского хлеба, выдаваемого народу с государственных складов. Положение обострялось во время кризисов, особенно к периоду второй половины II века до н. э., когда завоевательные войны вызвали обнищание значительных масс римских граждан.

Важное изменение в государственную экономическую политику внес хлебный закон Гая Гракха (*lex frumentaria*), предполагавший резкое снижение цен на зерно (до 6 ассов за модий [8. 754 л.]), выдаваемое с государственных складов (Liv., Epit., 60). По сообщению Аппиана, речь идет о распределении продовольственных денег из общественных сумм, чего не практиковали ранее (App., B. C., I, 21). Хлебный закон вызвал значительное экономическое оживление и активное строительство дорог и хлебных складов, что обеспечивало работой значительное число обедневших граждан (Plut., G. Gr., 6-7; App., B. C., I, 21). Одновременно происходило интенсивное усиление эксплуатации провинций.

Практика раздач хлеба продолжалась и позже. В 91 г. до н. э. предлагалось расширение хлебных раздач по закону Ливия Друза. Хлебные раздачи были отменены по законодательству Суллы, однако восстановлены после его смерти консулом 78 г. до н. э. Мар-

¹⁵ Система откупа не была исключительно римским явлением. Откуп был распространен в странах Древнего Востока и Греции, оттуда многое и было заимствовано римлянами.

ком Эмилием Лепидом. В 57 г. до н. э. чрезвычайные полномочия по снабжению Рима хлебом были переданы Гнею Помпею (Cic., ad Att., IV, 1; Plut., Pomp., 49–50).

Логическим завершением процесса раздач хлеба жителям Рима по сниженным ценам стали бесплатные раздачи, введенные в 58 г. до н. э. Публием Клодием. Эта практика была продолжена Юлием Цезарем, Августом и императорами, которые вводили раздачи в более жесткие рамки. Практика поддержания беднейшего населения по примеру Рима вводилась и в италийских городах, продолжая развитие полисного принципа. Такого рода деятельностью в императорское время стали заниматься и частные лица.

Определенные и зачастую достаточно значительные средства выделялись государством на содержание государственного аппарата, в основном обслуживающего персонала магистратов и сената, а позднее на поддержание обедневших сенаторов, а также финансирование строительства, в том числе культовых сооружений, содержание жречества и исполнение культовых обрядов, причем и здесь использовались и государственные, и частные средства. Государство финансировало организацию зрелищных мероприятий, но на их устройство богатые римские аристократы не скупились и давали значительные средства, стремясь завоевать симпатии римского городского плебса.

Поддержание ремесла также было достаточно важной государственной заботой, хотя похоже, что в республиканское время оно находилось прежде всего в частных руках. Римское образование также находилось в значительной степени в частных руках, однако постепенно, в основном со времен Юлия Цезаря, государство уже непосредственно участвовало в финансировании образования, строительстве библиотек, оплате деятельности врачей и преподавателей свободных наук, что прежде было преимущественно частной инициативой. Светоний сообщает, что Цезарь велел открыть в Риме большие греческие и латинские библиотеки, а все, кто занимался в Риме медициной и благородными искусствами (*liberalium artium doctores* Suet., 42, 1), получали римское гражданство. Комплектование библиотек было поручено выдающемуся ученому и антиквару Марку Теренцию Варрону (Suet., Caes., 42, 1). Расходы на строительные и культурные программы составляли важную статью государственных расходов, однако широко привлекались и частные средства.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Гай. Институции / Лат. текст и перевод Ф. Дыдинского. Варшава, 1982.

Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве / Пер. с лат. под ред. М. И. Бурского. М., 1937.

Катон Марк Порций. Земледелие / Пер. с лат. под ред. М. Е. Сергсенко. М.; Л., 1950.

Ливий Тит. Римская история от основания города. В 3 т. / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1989–1993.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Пер. с греч. под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.

Полибий. Всеобщая история. В 3 т. / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. 2-е изд. под ред. А. Я. Тыжова. М., 1994–1995.

Светоний Транквила Гай. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова и Е. М. Штаерман. М., 1964.

Тацит Корнелий. Соч. В 2 т. / Пер. с лат. В. И. Модестова. СПб., 1886–1887.

Тацит Корнелий. Соч. В 2 т. / Пер. с лат. под ред. А. С. Бобовича, Г. С. Кнабе и М. М. Тронского. М., 1969.

Цезарь Гай Юлий. Записки / Пер. с лат. и ред. М. Л. Покровского. М.; Л., 1948.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги «О государстве», «О законах» / Пер. с лат. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962.

Цицерон Марк Туллий. Письма. В 3 т. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.; Л., 1949–1951.

Цицерон Марк Туллий. Речи. В 2 т. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962.

Хрестоматия по истории Древнего мира. В 3 т. / Под ред. В. В. Струве. Т. 3. М., 1953.

Хрестоматия по истории древнего Рима. В 3 т. / Под ред. С. Л. Утченко. Т. 3. М., 1962.

Литература

Бартошек М. Римское право (понятия, определения, термины). М., 1989.

Валлон А. История рабства в античном мире / Пер. с франц. С. П. Кондратьева. М., 1941.

Вебер М. Аграрная история Древнего мира / Пер. с нем. Е. С. Петрушевского. М., 1925.

Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.

История Древнего мира. В 3 т. / Под ред. И. М. Дьяконова, И. С. Свенцицкой и В. Д. Нероновой. 3-е изд. М., 1989.

История древнего Рима. 3-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994.

Кнабе Г. С. Корнелий Тацит и проблемы истории Древнего мира эпохи ранней Империи: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 1983.

Кузищин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1976.

Кузищин В. И. Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип // ВДИ. 1962. № I. С. 33 слл.

Кузищин В. И. Очерки по истории земледелия Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1976.

Машкин Н. А. История древнего Рима. 3-е изд. М., 1969.

Маяк И. Л. К вопросу о пополнении римского бюджета в эпоху республики // Торговля и торговец в античном мире: Сб. статей. М., 1997. С. 69–76.

Маяк И. Л. Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983.

Мейер Эд. Экономическое развитие Древнего мира / Пер. с нем. 3-го изд. Пг., 1923.

Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958.

Сергеенко М. Е. Ремесленники древнего Рима. Л., 1968.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.

Фролов Э. Д. Прибыль и предприниматели в древней Греции // Торговля и торговец в античном мире: Сб. статей. М., 1997.

Штаерман Е. М. Проблемы античной цивилизации // Цивилизации: Сб. статей. Вып. I. М., 1992.

Методические указания к теме

Наиболее значительным вопросом данной темы является вопрос о роли государственного сектора в римской экономике. Исследователи отмечают наличие разных путей развития древних обществ, первый из них (например, в Шумере) отличался доминированием

государственного сектора, когда большая часть хозяйства находилась в собственности государства, а оставшаяся часть — в собственности территориальных общин. При этом люди, расселенные на землях, ставших впоследствии государственным сектором, могли владеть землей только условно, получая ее для пропитания и в качестве платы за службу¹⁶. Этот первый путь развития характеризовался сосуществованием государственного и общинно-частного секторов при преобладании первого¹⁷. Другой вариант сложился в Египте, где общинно-частный сектор был почти полностью поглощен государственным, и, наконец, к третьему относились все общества Малой и Передней Азии, а также греческие полисы, где общинно-частный сектор оказывался важнее государственного¹⁸. Похоже, что в условиях Римской республики наблюдается определенное сочетание развитой частной собственности, прежде всего на орудия труда, скот, ремесленные изделия, постройки и другие предметы производства и государственной собственности на большую часть земли. При наличии этой верховной собственности на землю она оказывалась опосредована частной, когда арендаторы превращались в фактических земельных собственников.

Важной в рассмотрении темы является проблема регулирования аграрной политики, которое находило выражение в целом ряде значимых распределительных и контролирующих функций государства. Достаточно сложен и вопрос о формах налогообложения, в частности о соотношении *vectigal* и *tributum*. При анализе перемен, связанных с переходом от итальянского государства к всемирной державе, исследователи часто обращают внимание на ломку социально-экономических основ полиса, к которым относятся сравнительно невысокий уровень развития производительных сил и экономическое равновесие. Здесь нужно обратить внимание на соотношение причин перемен — подъема экономики в самой Италии и такого фактора, как эксплуатация провинций. Следует учитывать, что экономический подъем в Италии был обеспечен прежде всего жестокой эксплуатацией рабского труда, что в конечном счете привело к жесточайшему кризису. В научной литературе ключевыми считаются две проблемы: соотношение свободного и рабского труда

¹⁶ История Древнего мира. В 3 т. / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой и И. С. Свенцицкой. Т. 1. М., 1989. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 43.

¹⁸ Там же. С. 41.

и соотношение мелкой и крупной собственности, причем предоставлены разные точки зрения — как абсолютизирующие значение рабского труда и крупной собственности, так и признающие сохранение значительной роли свободного труда, мелкого и среднего хозяйства (эту точку зрения разделяет большинство исследователей).

При рассмотрении государственной системы управления экономикой и сочетания в ней государственного и частного секторов необходимо обратить внимание на вопрос об откупной системе, которая представляет собой важный фактор взаимодействия этих секторов экономики. Наконец, такой непростой вопрос, как распределение государственных расходов, показывает сложный характер римского политического организма. Целый ряд факторов и особенно сравнительно невысокий уровень развития техники и рабский труд суживали объем производственной деятельности и товарно-денежных отношений, однако «в заданных таким образом пределах экономическая жизнь античного общества отличалась полнотой и интенсивностью коммерческих предпринимательских операций, а экономическая мысль разработанностью и глубиной»¹⁹.

Наряду с перечисленными выделяется и вопрос о меняющемся характере государственного регулирования экономикой в процессе перехода от Республики к Империи, когда, с одной стороны, усложнение экономической жизни вело к дифференциации экономических отношений, и в том числе отношений государства и граждан, а с другой — концентрация политической власти должна была снова усилить государственное управление экономикой. Успехи в экономическом развитии Италии II—I вв. до н. э. были во многом успехами частного сектора и особенно среднего и крупного хозяйства, однако неконтролируемое частное предпринимательство стало одним из факторов, едва не приведших к распаду державы и краху цивилизации, а выход из кризиса, ставший заслугой Цезаря и Августа и последующее процветание I—II вв. н. э. состоялись благодаря усилению государственного начала во всех областях жизни, включая и создание единого экономического пространства.

¹⁹ Фролов Э. Д. Прибыль и предприниматели в древней Греции // Торговля и торговец в античном мире: Сб. статей. М., 1997. С. 28.

БИБЛИОГРАФИЯ

Предлагаемая ниже литература разделена на несколько рубрик. В первую вошли источники не только чисто юридического, но и исторического характера, дающие ту или иную информацию по истории римского государства и права. Вторая содержит перечень трудов общего характера (общая история Рима, история римского права и римского государства) на русском языке, в третьей приводятся те общие или частные исследования, которые могут быть полезны при работе с пособием в целом или его отдельными частями, наконец, в четвертую включены относительно немногочисленные, но крайне важные для понимания римского государственного права зарубежные исследования. Более конкретные указания по работе с литературой можно найти в методических указаниях к конкретным темам.

И. Источники

- Аппиан Александрийский. Гражданские войны* / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935.
- Аппиан. Митридатовы войны. Сирийские дела* / Пер. с греч. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1946. № 4.
- Аппиан. Римско-иберийские войны* / Пер. с греч. С. П. Кондратьева // Там же.
- Вегетий Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела* // Пер. с лат. С. П. Кондратьева // Там же.
- Гай. Институции* / Лат. текст и русский пер. Ф. Дыдинского. Варшава, 1892.
- Гай Саллюстий Крисп. Соч.* / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.
- «Дигесты» Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского. М., 1984.

- Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека. В 6 ч. / Пер. с греч. И. Алексеева. СПб., 1774–1775.
- Катон Марк Порций*. Земледелие / Пер. с лат. под ред. М. Е. Сергеевко. М.; Л., 1950.
- Катон, Варрон, Колумелла, Плиний*. О сельском хозяйстве / Пер. с лат. под ред. М. И. Бурского. М., 1937.
- Ливий Тит*. Римская история от основания города. В 3 т. / Пер. с лат. под ред. Е. С. Голубцовой, М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнина. М., 1993.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Пер. с греч. под ред. С. П. Маркиша, С. И. Соболевского и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.
- Полибий*. Всеобщая история. В 3 т. / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. 2-е изд. под ред. А. Я. Тыжова. СПб., 1994.
- Тацит Корнелий*. Соч. В 2 т. / Пер. с лат. под ред. А. С. Бобовича, Г. С. Кнабе и И. М. Тронского. М., 1969.
- Фронтин Секст Юлий*. Стратегемы (военные хитрости) // ВДИ. 1946. № 1.
- Хрестоматия по истории Древнего мира. В 3 т. / Под ред. В. В. Струве. Т. 3. М., 1953.
- Хрестоматия по истории древнего Рима. В 3 т. / Под ред. С. Л. Утченко. Т. 3. М., 1962.
- Цезарь Гай Юлий*. Записки / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948.
- Цицерон Марк Туллий*. Диалоги об ораторе. М., 1961.
- Цицерон Марк Туллий*. Диалоги «О государстве», «О законах». В 2 т. / Пер. с лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1962.
- Цицерон Марк Туллий*. Письма. В 3 т. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.; Л., 1949–1951.
- Цицерон Марк Туллий*. Речи. В 2 т. / Пер. лат. под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1966.

II. Общие сочинения

- Бартошек М.* Римское право (понятия, определения, термины). М., 1989.
- Беликов А. П.* Римское частное право. Ставрополь, 1995.
- Белкин М. В., Вержбицкий К. В.* История древнего Рима: Учебное пособие. СПб., 2003.

- Валлон А.* История рабства в античном мире / Пер. с франц. С. П. Кондратьева. М., 1941.
- Вебер М.* Аграрная история Древнего мира / Пер. с нем. Е. С. Петрушевского. М., 1925.
- Виллемс П.* Римское государственное право / Пер. с франц. под ред. Бодянского. Вып. 1–2. М., 1888–1890.
- Захаров А. А.* Очерк изучения римской истории во второй половине XIX — начале XX в.: Приложение к тому V Г. Ферреро. Величие и падение Рима. М., 1923.
- Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.
- История Древнего мира. В 3 т. / Под ред. И. М. Дьяконова, И. С. Свенцицкой и В. Д. Нероновой. 3-е изд. М., 1989.
- История древнего Рима. 3-е изд. / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994 (гл. 9).
- Ковалев С. И.* История Рима. 2-е изд. / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1986.
- Машикин Н. А.* История древнего Рима. 3-е изд. М., 1969.
- Мейер Эд.* Экономическое развитие Древнего мира / Пер. с нем. 3-го изд. Пг., 1922.
- Модестов В. И.* Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. Ч. 1–2. СПб., 1902.
- Моммзен Т.* История Рима. В 5 т. СПб., 1993–1995.
- Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962.
- Петушил И. В.* Очерк римских государственных древностей. Вып. 1–3. Харьков, 1894–1902.
- Нечай Ф. М.* Образование Римского государства. Минск, 1972.
- Нич К. В.* История Римской республики. М., 1908.
- Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М., 1972.
- Перетерский И. С.* Всеобщая история государства и права. Вып. 2. М., 1944.
- Покровский И. А.* История римского права. 7-е изд. М., 1919.
- Разин Е. А.* История военного искусства. В 2 т. 2-е изд. Т. 1. М., 1955.
- Санчурский Н. В.* Краткий очерк римских древностей. 6-е изд. 1916.
- Сергеенко М. Е.* Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М.; Л., 1964.
- Хвостов В. М.* История римского права. 7-е изд. М., 1919.
- Штаерман Е. М.* Римское право // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 210–247.
- Целлер М.* Римские государственные и правовые древности. М., 1977.

III. Конкретные исследования по различным темам

- Белкин М. В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы V–III вв. до н. э.: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Белкин М. В. Эволюция римского сената в V–III вв. до н. э. // Античное общество. Проблемы политической истории / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1997. С. 84–97.
- Грималь П. Цицерон. М., 1991.
- Дементьева В. В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н. э. М., 2003.
- Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н. э.). Ярославль, 1996.
- Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000.
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. В 6 т. Т. 1. СПб., 1994.
- Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Л., 1985.
- Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–VI вв. до н. э. М., 1964.
- Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.
- Игнатенко А. В. Древний Рим (от военной демократии к военной диктатуре). Свердловск, 1988.
- Каламутдинов К. Я. К характеристике политико-правовых взглядов Цицерона // Из истории социально-этических и политико-правовых идей: Сб. статей. Саратов, 1990. С. 52–63.
- Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986.
- Кнабе Г. С. Корнелий Тацит и проблемы истории Древнего мира эпохи ранней Империи: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 1983.
- Колосовская Ю. К. Правовые основы торговли римлян с варварами // Торговец и торговля в античном мире: Сб. статей. М., 1977. С. 100–106.
- Кузищин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1976.
- Кузищин В. И. Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип // ВДИ. 1962. № I. С. 33 слл.
- Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.
- Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949.
- Маяк И. Л. К вопросу о пополнении римского бюджета в эпоху республики // Торговец и торговля в античном мире: Сб. статей. М., 1997. С. 69–76.

- Маяк И. Л.* Рим первых царей (генезис римского полиса). М., 1983.
- Маяк И. Л.* Римляне ранней республики. М., 1993.
- Рудоквас А. Д.* Латинская юридическая терминология. СПб., 1997.
- Сергеенко М. Е.* Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана // ВДИ. 1958. № 2. С. 153–154.
- Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958.
- Сергеенко М. Е.* Ремесленники древнего Рима. Л., 1968.
- Сидорович О. В.* Социальный состав римского сената в эпоху ранней республики // Из материалов античного общества: Сб. статей. Горький, 1975. С. 52–61.
- Токмаков В. Н.* Военная организация Рима ранней республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1988.
- Трухина Н. В.* Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986.
- Утченко С. Л.* Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952.
- Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
- Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1977.
- Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1972.
- Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976.
- Федорова Е. В.* Латинская эпиграфика. М., 1969.
- Фельсберг Э.* Братья Гракхи. Юрьев, 1912.
- Фролов Э. Д.* Прибыль и предприниматели в древней Греции // Торговля и торговец в античном мире: Сб. статей. М., 1997. С. 3–28.
- Штаерман Е. М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978.
- Штаерман Е. М.* Проблемы античной цивилизации // Цивилизации. Вып. 1. М., 1992.
- Штаерман Е. М.* Римская религия // Культура древнего Рима. В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. М., 1985. С. 106–210.
- Штаерман Е. М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1977.

IV. Зарубежные исследования в области римского государственного права

- Gelzer M.* Regimentsfähigkeit und Nobilität der Römischen Republik. München, 1912.
- Gjerstad E.* Innerpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin; New York, 1985. S. 136–188.
- Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staats. Leipzig, 1884–1891.

- Karlowa E.* Römische Rechtsgeschichte. Berlin, 1885.
- Kunkel W.* Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft // ANRW. Tl. 1. Bd. 2. Berlin; New York, 1972. S. 3–22.
- Martino F. de.* Storia della costituzione romana. Vol. I–IV. Napoli, 1958–1960.
- Martino F. de.* Intorno all'origine della repubblica e della magistrature // ANRW. Tl. 2. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. S. 218–247.
- Mispulet Cl.* Les institutions politiques des Romains. Vol. 1–2. Paris, 1883.
- Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. 5. Leipzig, 1887–1888.
- Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. 5. Leipzig, 1899.
- Nicolet Cl.* L'ordre equestre a l'époque republicaine (312–43 av. J. C.). Paris, 1966.
- Richardson J.* The Administration of the Empire // CAH. 2nd ed. Cambridge, 1996. Vol. 9. P. 549–561.
- Smith R. E.* Service in Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958.
- Spath T.* Männliche und Weibliche bei Tacitus. Frankfurt a. M.; New York, 1994.
- Staveley R.* The Constitution of the Roman Republic 1940–1954 // Historia. 1956. Vol. 5. P. 89ff.

Список сокращений

- ANRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt,
Berlin; New York
- САН — Cambridge Ancient History, Cambridge
- ВДИ — Вестник древней истории, Москва

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение в курс	13
Раздел I. Римское государственное право в царский период ..	23
Тема 1. Римская родовая организация	25
Тема 2. Государственный строй Рима в царский период	36
Раздел II. Римское государственное право и римские политические институты в период Республики	49
Тема 3. Гражданство при Республике. Категории гражданского и негражданского населения	51
Тема 4. Народное собрание республиканского Рима	67
Тема 5. Государственная власть в Римской республике. Римские республиканские магистратуры	81
Тема 6. Сенат времен Республики	116
Тема 7. Военная организация Римской республики	130
Тема 8. Судебная система Римской республики	140
Тема 9. Римское государство и экономика	147
Библиография	165
Список сокращений	171

Учебное издание

Алексей Борисович Егоров

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
Царский период и эпоха Республики

Учебное пособие

Редактор *И. П. Комиссарова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Корректор *В. Р. Фатеева*
Верстка *И. М. Беловой*

Подписано в печать 26.12.2006. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,23. Тираж 300 экз. Заказ № *15.*

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41